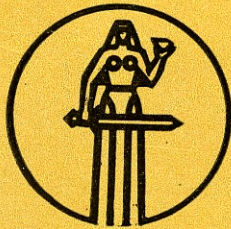

ISSN 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

11

1986

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

«Судьбы мировой цивилизации в социалистических литературах»	3
ОТАР ЧЕРКЕЗИЯ. Нет задачи священной	4
ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. С заботой о судьбе многовековой цивилизации	8
АЛЕКСАНДР АЛЕКСИДЗЕ. Не оборвать связь времен	11
ВАЛЕРИЙ АСАТИАНИ. Соответствовать своему времени	16
ГЕОРГИИ ЛОМИДЗЕ. Ценить дружбу	20

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Стихи. Перевел Лев Озеров	28
МИРОН ХЕРГИАНИ. Тигр скал. Повесть. Продолжение. Перевела Камилла Коринтэли	34
КАРЛО ТАБАТАДЗЕ. Воспаление. Рассказ. Перевела Людмила Кравченко	112

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Критический диалог	150
---	-----

1986

ЛИЯ СТУРУА. «И девичий скелет сквозит
в быке убитом»

РЕЦЕНЗИИ

ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ. Феномен нор- мы	196
ЕЛЕНА ЮДКОВСКАЯ. Сплетение судеб	201

ИСКУССТВО

ДМИТРИЙ МОЛДАВСКИЙ. Встревоженное сердце художника	205
ЦИУРИ ХЕТЕРЕЛИ. Любовь к человеку	219

НЕКРОЛОГ

СЕРГО КЛДИАШВИЛИ	222
------------------	-----

ХРОНИКА	204, 221, 224
---------	---------------

„СУДЬБЫ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ“

«...Для человечества нет сегодня задачи более священной, чем борьба за сохранение и развитие мировой цивилизации, прогресса и мира на земле. И нет более высокой миссии у истинных художников слова, чем беззаветное служение этой замечательной цели». Эти слова произнес Председатель Совета Министров Грузинской ССР О. Е. Черкезия, приветствуя от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии, Президиума Верховного Совета и правительства нашей республики участников международной научной конференции писателей «Судьбы мировой цивилизации в социалистических литературах», которая проходила в Тбилиси 2—3 октября 1986 года.

В течение двух дней в зале заседаний Верховного Совета Грузинской ССР звучали страстные и волнующие призывы деятелей культуры, писателей, ученых из стран социалистического содружества уберечь мир и народы от ядерной угрозы.

Этой высокой задаче и была подчинена напряженная и плодотворная работа писательского форума, на котором были заслушаны доклады и выступления заведующего сектором Института мировой литературы имени А. М. Горького, доктора филологических наук П. М. Топера, международного обозревателя газеты «Известия», писателя М. Г. Стуруа, академика Академии наук ГДР М. Наумана, секретарей правления Союза писателей СССР Героя Социалистического Труда М. А. Дудина, Г. А. Боровика, Ю. Н. Верченко и Ю. Т. Грибова, вице-президента Академии наук Грузинской ССР Г. Н. Джибладзе, председателя Респуб-

диканского комитета защиты мира А. Д. Алексидзе, профессоров Хорста Турку (ФРГ) и Б. Бялокозовича (Польша), Г. Грзаловой (ЧССР), лауреата Государственной премии СССР писателя Г. Н. Троепольского, члена-корреспондента Академии наук СССР Г. И. Ломидзе, министра культуры Грузинской ССР В. Р. Асатиани, Героя Советского Союза, профессора И. Н. Цицишвили, академика АМН СССР, лауреата Ленинской премии, профессора С. Н. Хечинашвили, директора Музея дружбы народов АН ГССР Г. В. Жоржوليани, доктора филологических наук Павловского А. И. (Ленинград, Пушкинский дом), кандидатов филологических наук И. В. Млечиной (Москва ИМЛИ им. Горького) и Сивоконя Г. М. (Киев, Институт языка и литературы) и других.

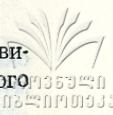
Мы предоставляем возможность познакомиться с отдельными выступлениями, прозвучавшими на международной научной конференции «Судьбы мировой цивилизации в социалистических литературах».

Отар ЧЕРКЕЗИЯ

Нет задачи священной...

С УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ хочу отметить, что благородная тема «Судьбы мировой цивилизации в литературах социалистических стран», объединившая участников Международной научной конференции писателей, отражая саму суть и назначение литературы, в то же время выводит конференцию далеко за рамки чисто литературной дискуссии. Ибо для человечества нет сегодня задачи более священной, чем борьба за сохранение и развитие мировой цивилизации, прогресса и мира на земле. И нет более высокой миссии у истинных художников слова, чем беззаветное служение этой замечательной цели.

В этом, в первую очередь, заключается главный поли-

тический смысл и общественное значение столь представительного и авторитетного интернационального писательского форума.

Мы искренне рады, что в нем принимают участие выдающиеся представители литератур братских республик СССР и стран социалистического содружества, видные прозаики, поэты, публицисты, литературоведы, словом, все те, кто своим творчеством и плодотворной общественной деятельностью воздвигают в умах людей бастионы мира, вносят неоценимый вклад в дело укрепления доверия и взаимопонимания между народами, служат идеалам человеколюбия и гуманизма, расцвету мировой культуры.

Сегодня надежды всех здравомыслящих жителей нашей планеты, мирового общественного мнения связаны с сохранением мира, с твердой последовательной и конструктивной политикой СССР и стран социалистического лагеря в этом вопросе.

Заявления и предложения Михаила Сергеевича Горбачева о всеобщем разоружении, запрещении ядерного оружия, вступление Советским Союзом одностороннего моратория на ядерные взрывы до конца текущего года — свидетельство выдержки и мудрости нашей партии и государства, понимания той важности, которую несет в себе такая политика не только для социалистических стран, но и всех государств и народов.

И в этот самый, пожалуй, ответственный за всю историю человечества момент мастерам слова надо «глаголом жечь сердца людей», поднимать их на непримиримую борьбу против современного каннибализма. Не должно быть равнодушных и безучастных, когда речь идет о сохранении самой Жизни на Земле.

И мы по праву гордимся тем, что знаменосцем объединения и сплочения людей выступает социалистическая литература. Она, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала и участвует в его становлении, формировании нового человека — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. И это вполне закономерно, поскольку истоки нашей литературы исходят из самой природы социалистического общества и всей истории его развития.

Неуклонно следуя ленинскому завету «пропагандировать, показывать массам во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал», совет-

ские мастера художественного слова проповедуют идеи коммунизма, создают величественные произведения.

Не случайно яркие образы героев этих произведений, их духовное богатство, нравственное совершенство, гражданственность и чувство долга перед страной и временем стали примерами для подражания, почитаемы и любимы во всем мире.

Бережно сохраняя и развивая самобытность и традиции грузинской классики, заложенные Шота Руставели, Давидом Гурамишвили, Николозом Бараташвили, Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели и другими замечательными глашатаями свободы и братства народов, свой вклад в сокровищницу советской и мировой литературы вносят писатели Советской Грузии.

Достоянием миллионов стали поэтические шедевры Галактиона и Тициана Табидзе, Симона Чиковани, Георгия Леонидзе, Ираклия Абашидзе, исторические хроники и романы Константина Гамсахурдиа, Григола Абашидзе, Левана Готуа, герои книг Нодара Думбадзе, Чабуа Амираджиби и других талантливых мастеров художественного слова, активно борющихся за возвышение духовных и интеллектуальных ценностей человека, формирование идейно-политического и нравственного облика представителя нового современного общества.

Познакмившись с многовековой историей и сегодняшним днем республики, вы сможете воочию убедиться в силе торжества ленинской национальной политики, в нерушимом могуществе дружбы и братства народов страны Великого Октября, достижения грузинской литературы, славящей мир, труд и человеколюбие, откровенно вскрывающей все еще имеющие недостатки и разоблачающей все, что мешает нам двигаться вперед.

Тесные узы братства и сотрудничества, связывающие грузинских писателей со своими коллегами из союзных республик и стран социалистического содружества, способствуют сближению и взаимному обогащению наших литератур, расцвету социалистической и мировой культуры.

Духовный мир человека — сложнейшая сфера, проникать в тайны которой не легче, чем познавать многие загадки Вселенной. Вопреки тем, кто проповедует дегуманизацию, бессилие и обреченность человека, а порой человеконенавистничество и расовое превосходство, к чести наших писателей, социалистическая литература являет пример возвеличивания человека-творца, готового на подвиг ради счастья своего отечества и народа. Примечательно и то, что советские писатели и

их собрать по перу из социалистических стран, какие бы творческие проблемы ни затрагивали, какие бы сложные аспекты человеческого бытия ни освещали, всегда и неизменно возвращаются к самому главному вопросу современности — быть или не быть человечеству?!

Обстановка ядерного противостояния обязывает всех нас к новым подходам, новым способам и формам взаимоотношений между различными социальными системами, странами и регионами. Обеспечение безопасности все больше предстает как задача политическая, и решать ее сегодня можно лишь политическими средствами. И здесь неопределима роль литературы. Как не существует государства вне политики, так не существует литературы вне идеологии и классового сознания. Но у нее одно замечательное преимущество — воздействовать на умы и сердца людей независимо от их принадлежности к различным системам и формациям.

В силу этого мастера художественного слова своим творчеством призваны опережать время, способствовать формированию нового мышления, новой философии защиты мира, адекватных ядерному веку и отвечающих интересам всех народов Земли.

Речь идет, в первую очередь, о творческом вкладе писателей в реализацию конструктивной программы мира, разработанной и утвержденной XXVII съездом КПСС.

В том, что на политическом небосклоне нашей планеты появились просветы, подающие надежду на разрядку напряженности, — огромная заслуга нашей партии и правительства, советской общественности, деятелей литературы и искусства.

Хочется верить, что участники конференции помогут людям глубже осознать исключительную ответственность за судьбу цивилизации, возложенную историей на каждого из нас, на наше поколение.

Уверен, международная научная конференция, выражающая дух и настрой народов не только социалистических стран, но и всего прогрессивного человечества, внесет свой достойный вклад в борьбу против ядерной угрозы и за сохранение мировой цивилизации.

С заботой о судьбе многовековой цивилизации

Сегодняшний день, я думаю, останется в памяти каждого из нас.

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками представительного и во многом знаменательного международного форума писателей и литераторов социалистического содружества народов.

Сегодня нас, деятелей литературы, собрала в этом зале наша искренняя, наша неугасающая, наша неумная и беспримерно активная забота о судьбе человечества и ее многовековой цивилизации. Самого великого достояния, что было создано человеческим гением.

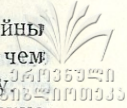
Международная жизнь всегда была чревата опасностями и полна человеческими тревогами. Но в былые времена эта тревога всегда носила более или менее локальный характер, поскольку сама опасность, даже в наибольшем своем проявлении, когда решалась судьба целых народов, континентов и всей мировой цивилизации, все же не грозила полным уничтожением человеческого рода.

Сегодня же тревога и обеспокоенность — это тревога не за выживание отдельных народов или континентов, а тревога, вызванная реальной угрозой уничтожения не только всего живого на нашей планете, но самой нашей планеты!

Перед такой смертельной опасностью человечество никогда еще не стояло.

Но к великому сожалению, еще не все народы и государства правильно осознали масштабы этой опасности, не все ясно видят глубину пропасти, перед которой оказалась Вселенная. Правильнее будет, если скажем, что они не хотят видеть этой пропасти, не хотят видеть смертельной угрозы из-за своей злонамеренной государственной косности и эгоизма, результатом чего является их корыстный внешнеполитический курс. Американские шовинисты не желают посмотреть правде в глаза. Такой международный авантюризм смерти подобен.

Мы, советские люди и народы стран социалистического

содружества, больше всех испытавшие на себе ужасы войны и больше всех других понесшие небывалый урон, лучше чем кто-либо во всем мире знаем цену как войне, так и миру.

Это одна из главных причин того, что социалистические литературы, которые, говоря словами политического доклада XXVII съезду партии, — «правильно выбрали свое место и свою роль в общепартийном деле», со всей идейной убежденностью, высокой гражданственностью и партийной страстностью отображают неугасающую и неутомимую борьбу наших народов за мир, против смертоносного ядерного оружия, за мирное сотрудничество и за всеобщее разоружение.

Наши гуманистические цели, находящие художественное воплощение в произведениях писателей социалистических стран, завсёвывают миллионы сердец во всем мире.

Социалистические литературы сегодня — это тот полноводный магистральный канал, который доносит до широчайших кругов мировой общественности живительные идеи марксизма-ленинизма, всепобеждающие идеи нашей идеологии.

Одной из отличительных черт социалистических литератур является то, что писатели, представители этой могучей литературы, являются не только художниками, преданными своему высокому писательскому долгу, но и смелыми борцами за свои свободные, счастливые отечества, за мир и счастье всех народов планеты, за гуманизм и демократию, за прогресс и успехи всемирной цивилизации.

Совершенно прав кубинский писатель А. Карпентьер, когда говорит, что истинную литературу сегодня просто невозможно создать не будучи политически мыслящим человеком. Он решительно отвергает возможность существования писателя, стоящего вне политики. В таком случае, пишет Карпентьер, такой писатель лжет самому себе и своей эпохе.

Говоря словами Габриеля Маркеса, не принимать участия в политической борьбе в том мире, в каком мы сегодня живем, — это преступление.

И совершенно не правы те писатели Запада, которые утверждают, что мы, мол, подошли к «пределу нашей цивилизации, а заглянуть в будущее нам не дано».

Нет, дорогие товарищи, мы не только должны, мы обязаны заглянуть в будущее нашей цивилизации. А это не только возможно, — это совершенно необходимо. Но для этого нужно быть сопричастным со всем, за что борется твой народ, остро чувствовать нравственную ответственность перед людьми, видеть Вселенную в единстве природы и человека.

Было время, когда понятие социалистическая литература была тождественна понятию советская литература, тогда наша страна была единственной социалистической державой. Сегодня социалистическая литература, то есть литература социалистического реализма приобрела международный масштаб и охватывает литературу всех социалистических стран.

Сегодня это самое мощное литературное движение современного мира.

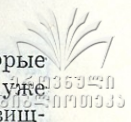
И одной из наиболее важных ее черт является стремление к победе здравого смысла, расширению атмосферы доверия, новому мышлению в мировой политике, к смягчению политической напряженности, оздоровлению международного климата, необходимому для решения жизненно важных проблем нашего ядерного века.

Социалистические литературы на правильном пути — это путь социалистического реализма, путь подлинной народности, интернациональной солидарности, высокого гуманизма, коммунистической партийности.

Сегодняшняя конференция — это одна из действенных форм обмена творческим опытом. Она порождена необходимостью глубокого и совместного осмысления таких проблем, как национальное многообразие социалистических литератур, множественность их изобразительных средств и приемов, жанровое, стилевое, языковое разнообразие, особенности их фольклорной почвы, разность литературных традиций, — то есть всего того, что создает художественную многоликость, характерную для социалистических литератур. Но конференция порождена и актуальной необходимостью совместного изучения и обсуждения также тех сторон и проблем социалистических литератур, которые делают их близкими между собой, составляют их идейно-типологическую общность, политически роднят их.

Жизненно важные проблемы, стоящие перед социалистическими литературами, требуют тесных контактов, систематических встреч, совместных обсуждений стоящих перед нами проблем.

Думается, что нынешняя международная конференция должна положить начало тесной, продуманной и систематической совместной работе, столь необходимой для ускоренного развития, творческой активизации и единения социалистических литератур.

Человечество — это не только та часть людей, которые живут и здравствуют сегодня, но и те поколения, которых уже нет. Современная цивилизация — это не только та сокровищница, которую подарила человечеству наша эпоха, но и тот дар, который был привнесен на алтарь прогресса всеми предшествующими эпохами и ушедшими поколениями людей. Погубив сегодняшнюю цивилизацию, мы губим всю мировую цивилизацию, достижения всего человечества за все века его существования.

Александр АЛЕКСИДЗЕ

Не оборвать связь времен

ПОСТАНОВКА проблемы так, как она сформулирована в названии нашей конференции, актуальна и правомерна во многих отношениях, в том числе, как нам кажется, и в следующем смысле: никогда в истории мировой цивилизации связь времен, связь настоящего с прошлым и будущим не была столь глубокой и тесной, как в наш термоядерный век, когда перед угрозой вселенской катастрофы как бы слились воедино настоящее, прошлое и будущее человечества, когда становится все более ясным, что в огне термоядерной войны погибнем не только мы, но вместе с нами все то, что было создано на протяжении веков цивилизациями всех времен и народов, гением Гомера и Пушкина, Руставели и Данте, и все то, что еще должно быть создано трудом и творчеством будущих поколений. Эта связь времен глубока и в том смысле, что никогда человечеству не был столь необходим весь многовековой, исторический, духовный и нравственный опыт всех цивилизаций, как в нынешний критический момент истории, и не был никому нужен так, как нынешнему первому поколению людей, вдруг осознавшему, что оно может стать последним поколением, если не сделает все возможное и невозможное для устранения угрозы новой мировой войны.

Война и литература, отражение войны в литературе — проблема столь же древняя, как война и как литература. Проблема, существующая, во всяком случае в европейской лите-

ратуре, с самого начала — с Гомера, и не только в плане художественном, но уже и в теоретическом, в плане ответственности литературы в изображении, толковании темы войны и мира. Она отражена, в частности, в древнем предании о поэтическом состязании между Гомером и Гесиодом и в решении главного арбитра этого состязания царя Панеда присудить победу не Гомеру, а Гесиоду, автору поэмы «Работы и дни», объяснявшего свое решение тем, что первенство принадлежит тому, кто воспевает мир и мирный труд, а не тому, кто описывает войны и кровопролития. Панед, не сумевший по достоинству оценить гений Гомера, горько поплатился тем, что вошел в греческую поговорку как образец слабоумия. И в самом деле, можно ли встретить в мировой литературе сцены большего антивоенного звучания, чем такой эпизод, как встреча Гектора и Андромахи, этой семейной идиллии, отравляемой предчувствием грядущих бедствий, вставленный как лирический контраст в ряд бесчисленных картин жестокости и кровопролития. С другой стороны, разве в решении царя Панеда, этого неудачливого литературного критика, но, как видно, человека доброго, не звучит предостережение об опасности чрезмерного увлечения поэтическим описанием войны, ее романтизации, и разве мало было в дальнейшем, в огромном потоке мировой литературы описаний войны, как занятия увлекательного, само собой разумеющегося, чуть ли не выражающего саму суть человеческой природы. И только самым великим, умевшим выразить высокий дух и смысл войн социальных, освободительных, патриотических, удавалось и в то же время подниматься до осуждения войны, как явления несовместимого с природой и назначением человека.

Фредерик Жюлио-Кюри говорил как-то о том, что многие бедствия, испытываемые человечеством, объясняются его молодостью, тем, что за всю историю человечества на земле жило лишь несколько сот поколений людей, не успевших до конца осознать все связанные с войной нравственные проблемы, неприемлемость войны как средства решения споров и конфликтов между людьми, государствами и народами.

Гуманизм — категория развивающаяся, историческая, представляющаяся на разных этапах истории в разных измерениях. При всем величии той же древнегреческой цивилизации ни один из гениальных эллинских поэтов и мыслителей не смог, например, возвыситься над своим временем настолько, чтобы увидеть всю античеловеческую сущность рабовладения. Не-

приятие его как формы существования общества должно было стать идеей другого времени.

Каждая историческая эпоха выдвигала свои фундаментальные концепции, становящиеся символами этих эпох.

Неприятие войны, как формы взаимоотношения людей и народов, стало идеей нашего времени, овладевающей сегодня широчайшими массами, выливающейся в общенародное движение небывалого, немислимого ранее масштаба. И есть, несомненно, глубокая закономерность в том, что идея эпохи выражена, высказана в виде политической доктрины — первой страной социализма, предлагающей миру в качестве основы нового политического мышления стратегию мира, демонстрирующей ее практически такой, также немислимой ранее политической акцией, как прекращение крупнейшей ядерной державой добровольно, в одностороннем порядке ядерных испытаний.

Идея звездного мира, противопоставляемая демонической идее звездных войн, — тоже идея эпохальной, исторической значимости.

Говоря об истории, мне как историку греческой литературы хочется вспомнить о том, что первоначальный исконный смысл слова «космос» — порядок и гармония, распространенный позже на небосвод и все внеземное пространство, в котором видели высшее выражение мирового порядка. Искусственные спутники, отправленные человеком в космос, не нарушили этого порядка, начав вращаться в небе по космическим законам и орбитам, предвещая великую эру сотрудничества и гармонии Земли и космоса. Гармония была нарушена лишь с возникновением идеи вооружения космоса, противопоставления его Земле.

Программа звездного мира, выдвигаемая социалистическим миром, — это путь к восстановлению реального, естественного смысла слов и понятий, привнесение здравого смысла в ход истории, в ее движение к третьему тысячелетию. И, конечно, ни одна литература не может быть способной выразить смысл этих идей и концепций, новую мораль, психологию и мировоззрение более ярко, глубоко и органично, чем литература социалистической направленности.

Именно в этом духе шел разговор на симпозиуме, организованном Грузинским комитетом защиты мира совместно с Союзом писателей Грузии несколько месяцев тому назад в пещинском Доме творчества писателей имени Д. Гулия. Этот разговор на тему «Проблемы культуры, войны и мира в ны-

нешний «Международный Год Мира» продолжается в серии симпозиумов по линии и других творческих союзов. Важной международной акцией Года Мира, подготовленной и проведенной при активном участии нашего Грузинского республиканского комитета, стала состоявшаяся в мае в Тбилиси конференция Организации Объединенных Наций по разоружению для правительственных и неправительственных организаций. Это тоже выражение новых веяний — участие представителей общественных, антивоенных организаций в обсуждении совместно с представителями правительств и руководства ООН актуальнейших проблем войны и мира.

Во все времена новые гуманистические идеи, новые концепции человека и мира выражались, в первую очередь, именно в литературе.

Месяц тому назад на XVII Международном конгрессе византистов в Вашингтоне в своем докладе на пленарном заседании конгресса на тему «Восток-Запад — литературные параллели и взаимосвязи», заказанную его организаторами, я постарался обратить внимание коллег на последовательное развитие гуманистической линии в византийской литературе XI—XIII веков и удивительный параллелизм, выявляемый в эволюции жанров и идейных концепций в современной византийской литературе Востока и Запада. Новые концепции, открывающие новые грани и измерения духовного мира человека, становятся здесь своеобразными открытиями в области любви, дружбы, взаимосвязи людей, открытиями одновременными, синхронными на Востоке и Западе и, таким образом, открытиями человека, человечества в его вечном движении к совершенству и прогрессу. Эти наблюдения позволили завершить доклад словами о том, что существование подобного параллелизма в развитии художественных форм и идейных концепций художественной литературы выражает по-своему единство фундаментальных человеческих ценностей на Востоке и Западе, о чем так важно помнить всегда, а особенно в кризисные периоды мировой истории.

Вашингтонский конгресс при широте и разнообразии тематики имел и главную, объединяющую проблему: «Кризисы и континуитет», то есть мысль о том, как после кризисов, столь острых и частых в средневековом мире, жизнь и культура продолжали существование, возрождаясь, развиваясь в той или иной форме. Размышления о прошлом наводили на мысль о настоящем, о том, что нынешняя цивилизация в отличие от всех прежних может оказаться первой (и, естественно, по-

следней), не имеющей уже никакого континуитета, никакого продолжения и возрождения.

На одной из международных антивоенных конференций ученых я обратил внимание на мысль, высказанную английским ученым-физиком, о том, что наука, раскрывшая глубокие и неведомые силы природы, обусловившая великий научно-технический прогресс нашего века, но теряющая контроль над дальнейшими процессами, начинает как бы терять свой былой авторитет. Суждение несомненно преувеличенное, но заслуживающее внимания в том смысле, что научно-технический прогресс сам по себе не будучи обеспеченным морально, не может стать для людей источником счастья. Более того, прогресс, лишенный мирной целенаправленности, может обернуться регрессом, стать источником бедствий в условиях атомной эпохи — мировой трагедии.

Благодаря фантастическим успехам техники, в частности вычислительной, мы можем сегодня произвести точнейшие расчеты, например, установить, что в мире ежеминутно тратится на вооружение 2 миллиона долларов, и то, что в течение этой же минуты от голода, болезней и лишений умирает 30 детей, способны определить точно, сколько тысяч их погибнет в ближайшие дни и месяцы, но не в силах пока, объединив усилия стран и народов, преградить путь надвигающейся смерти, отратить ее от маленьких жителей нашей планеты.

Столь важный процесс компьютеризации общества должен непременно сочетаться с процессом его гуманизации, в чем главная роль принадлежит литературе — мудрой, действенной, доброй, эмоциональной, литературе социалистической — прямой наследнице и продолжательнице гуманистической линии истории мировой культуры.

Именно силой слова и образа можно сделать достоянием человечества главное открытие нашего века, которым является, как нам кажется, не атом и лазер, а то, что дальнейшее существование человека, человечества, жизни возможно лишь в условиях мира.

Ни в какие времена у литературы не было миссии более высокой и благородной.

Соответствовать своему времени

КАЖДЫЙ этап многотрудной истории Грузии изобилует испытаниями. Испытывали физическую силу народа, его духовную мощь. Но никогда не случалось так, чтобы он потерял веру в себя, ожесточился, на коварство, вероломство и жестокость ответил тем же. Подтверждают это не только древние летописи и хроники, современная историческая наука. Есть еще очень авторитетный свидетель, которого не опровергнешь. Это — поэзия, фольклор, живопись, песня, памятники материальной культуры, дошедшие до нас из разных веков. Народ укрепил и отстоял свое достоинство, свое жизнелюбие, так сильно окрасившее национальное миропонимание и мироощущение.

В какие бы закоулки родной истории мы ни заглянули, не говоря уже о великих проявлениях национального духа, все образцы грузинской художественной культуры облагорожены идеями гуманизма, добра, красоты, труда, справедливости. «Жить достойно» — этот эстетический принцип разрабатывался, уточнялся, развивался и утверждался, обогащаясь новым смыслом и звучанием в творчестве лучших представителей художественной интеллигенции.

По истории и по духу своему народ наш был интернационалистом еще тогда, когда и слова этого в нашем понимании не было. Он сделал свою землю родной для многих и многих наций, заботливо взращивая на ней ростки братских культур, защищая их и искренне радуясь их духовному братству.

Народ-жизнелюб, певец, создавший свою знаменитую полифонию, он умеет видеть многоцветие мира и всем этим восхищаться, творя свое искусство.

Не случайно поэтому о феномене грузинской народной песни размышляют не только наши писатели и ученые, волнуется он также деятелей многих национальных культур. Так, например, интереснейший образец ее воспитания дан в новом романе выдающегося писателя современности Чингиза Айтматова, который умеет глубоко и объективно проникнуть в культуру другой нации. Он пишет: «Мне трудно объяснить, отчего, но стоит запеть хотя бы троиm грузинам — пусть самым обыкновенным, и изливается душа, и дышит искусство, простое

и редкое по соразмерности, по силе воздействия духа. Наверное, у них особый дар природы, тип культуры. Мне непонятно, о чем они поют. Мне важно, что я пою вместе с ними».

В борьбе за мир, которую упорно и последовательно ведет вся социалистическая цивилизация, активно и вдохновенно участвуют деятели нашей культуры.

Меня глубоко тронул, на первый взгляд, обычный факт: нас на земле 5 миллиардов. Но как много в нем символики! Для нас он приобретает масштабы события. И не только потому, что нас стало так много. В этом — исторический оптимизм человечества. И он получил отражение в произведениях скульпторов Мераба Бердзенишвили и Элгуджи Амашукели, в спектакле театра имени Марджанишвили «Человек рождается однажды», в ярких постановках Роберта Стуруа, в недавно созданной опере Гии Канчели «Музыка для живых», в которой ярко выражены страх за молодую жизнь и глубокая вера в то, что нам удастся ее защитить.

Мощно звучал голос мира и жизнеутверждения на протяжении всей истории грузинского театра. Достаточно назвать имена Ахметели, Марджанишвили, вспомнить их одержимое служение этой идее.

Мы ждем и требуем от литературы и искусства художественной правды. Но чтобы говорить правду человеку, надо прежде всего говорить правду о человеке.

Стремительно, мощно, смело вошла в мировой литературный процесс грузинская проза. Страстно и пристально вглядывается она в человечество и человека, стараясь распознать многоликость добра и зла, разобраться в них. Слишком все было бы просто, если бы границы между ними совпадали с государственными границами, если бы борьба идей, позиций с государственными границами, если бы борьба идей, позиций заключалась только в борьбе людей. Современная советская социалистическая литература в лучших своих проявлениях не упрощает диалектику развития борьбы старого и нового, честно отвечает на самые сложные, противоречивые вопросы жизни. Но сила ее в том, что говорит она об этом с позиций самой жизни, что всеми силами тянется к жизнеутверждению, воплощением которого и является. Ей глубоко чужда и враждебна апологетика страданий, крушения личности, смерти. Эта позиция идеологическая и художественная одновременно.

С тревогой отмечаем мы в мировой литературе отказ от гуманистических идеалов, в основе которого — потеря веры в разум человечества, в его стремление и способность вы-

жить. Особенно тревожно, когда это исповедует талантливый писатель.

«Или гуманизироваться, или погибнуть» — так поставлен вопрос XX веком. Порывы и поиски современного искусства не могут пренебречь вопросами о жизни или смерти искусства и самого человечества. «Художника оценивают не только по тому, на какую сторону он встает по своим политическим убеждениям, но и по тому, насколько последовательно он, как создатель человеческих образов, оказывает сопротивление античеловеческим варварским тенденциям своего времени» (Бехер).

Совесь и искусство художника сливаются в одно нерасторжимое целое.

Писатель — совесть нации, говорим мы. И это так. Но какова же тогда мера ответственности литературоведа, когда вершит он свой литературоведческий суд и через критику берется обнародовать свой «приговор». Ведь ему надлежит зачастую понять и увидеть то, что непонятно и не видно в себе самому писателю, о чем тот только интуитивно догадывается. Литературовед, критик не только еще раз дарит нам писателя, осветив его светом собственной личности, но и самому писателю в зеркале анализа открывает его самого. Не буду говорить о том, желательно ли это для художника.

Хочу напомнить слова, прозвучавшие в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: «Литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, разъедающие здоровую мораль, памятуя, критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций».

Надо еще и еще раз осознать эту общественную функцию литературоведения и критики.

Здесь же, думаю, уместно сказать и о той неопровержимой истине, что без сильной, значительной литературной основы нет хорошего фильма, спектакля. Сегодня мы богаты национальной прозой, которая могла бы стать прекрасной литературной основой для драматического искусства. Выиграет не только сцена. От этого, я бы сказал, двойного художественного эффекта выиграем все мы — читатели, зрители.

Социалистические советские нации, готовясь в скором времени торжественно праздновать 70-летие Великого Октября, исторической точки отсчета своего социально-экономического и культурного возрождения, прошли гигантский путь, изобилующий испытаниями и трудностями, эпохальными по-

бедами и достижениями. Мощь первого в мире социалистического государства радует и вдохновляет прогрессивное человечество, печалит и отрезвляет тех, кто в бессильной злобе все эти годы наблюдал (и не только наблюдал), как расправляет плечи новая социалистическая цивилизация, исповедующая идеалы народовластия, гуманизма, патриотизма и интернационализма, главным и самым сильным оружием которой все эти годы было и остается миролюбие, пронизавшее все сферы ее духовности и культуры.

Именно на этих ценностях выросла и небывало окрепла новая социалистическая культура, дав миру высокие образцы этического и эстетического мышления. В этом благотворном процессе каждая советская нация заняла свое место, обрела свой голос, развивая лучшие традиции прошлого, щедро черпая из культурной сокровищницы братских народов. Творить культурный процесс во всех его проявлениях на уровне открытий — пусть это звучит громко, необычно, но это не только претензия, это заявка, это программа. Без такого подхода, таких требований к работникам культуры и искусства нам решительных сдвигов не добиться. Спрашивается, какими силами решать задачи такого масштаба? Скептикам и маловерам можно напомнить слова Ленина, обращенные к тем, кто сомневался в возможности создания новой социалистической культуры: «Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хороших, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика».

Развивать, совершенствовать духовную, культурную жизнь — работа творческая. Здесь нужен прочный заслон рутине и косности, инертности, неумению поспевать за жизнью. Новое мышление — это не обязательно новые люди, и примеров тому много. Но новые люди — это обязательно новое мышление, смелый ум и смелая совесть. Требования к тем, кто организует, направляет культурное строительство, будь то город или небольшое село, сегодня, как никогда, высокие. Впрочем, когда представляешь, какие цели стоят перед советской культурой, социалистической цивилизацией, они не кажутся высокими. Это только требование соответствовать своему времени.

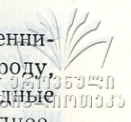

Ценить дружбу

В СТАТЬЕ «Ценные признания Питирима Сорокина» Ленин писал: «Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»¹. Патриотическое чувство раньше было сравнительно обособленным, ибо, как указывал Ильич, существовали обособленные отечества. В таких условиях не могло родиться и обрести реальную плоть единое патриотическое чувство. В социалистическом обществе нет обособленных отечеств — не в том смысле, будто исчезли, стерлись понятия нации, родной земли, отчего края. Человек не может не любить тот дом, где он родился, где впервые услышал от матери звуки родного языка. Но понятие отечество приобрело объемное и этническое, социальное и духовное содержание. На месте обособленных отечеств возникло новое единое социалистическое Отечество, не разрушаемое географическими границами. Ныне та или иная конкретная отчая земля — неразделимая часть нашей общей социалистической Родины. В социалистическом обществе впервые в истории человечества соединились вместе патриотическое и интернациональное, образовав сплав чувств, представлений, эмоциональных, духовных состояний невиданного психологического качества. Чувствуя себя представителем всей страны и даже всего мира, писатель не забывает то гнездо, откуда взлетел мощно и уверенно. Сила деятеля культуры не в том, что, отрекаясь от собственного народа, он тем самым, якобы, становится выше и значительнее. Преодоление национальной ограниченности отнюдь не означает национального безразличия, которое не лучше и не выше национальной ограниченности. Сможет ли тот, кто не любит свою нацию — прекрасное, здоровое, животворное, революционное в ней, полюбить другие нации? Сознание каждого писателя стран социализма шире интересов только своей национальности. Судьба настоящего и грядущего нашего бытия тревожит его, у него не может быть состояния покоя и душевной тишины.

Если по мысли Р. Гамзатова, высказанной в его книге

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 37. с. 190.

«Мой Дагестан», уподобить писателя пешеходу-путешественнику, то он, придя в качестве гостя, посла к другому народу, должен нести в сердце не только свои собственные родные песни, но и быть способным воспринять как близкое, родное, необходимое и те напевы, которые услышит у других народов.

Стирание социальных различий между классами в социалистическом обществе не равно стиранию различий национальных, в особенности в сфере языка и культуры. И вряд ли наступит такая пора, когда вместо многоязычной, многокрасочной, многожизненной социалистической литературы будет одна безличная, бескрылая, анемичная культура с одним языком. Профессор В. Зуев в книге «Мировая система социализма: экономические и политические единства» ошибочно понимает динамику движения художественных форм в литературах стран социализма (с. 252). Из его рассуждений следует, что параллельно с развитием и укреплением идеологии пролетарского интернационализма национальные формы социалистических культур должны приобрести такие же интернациональные черты, «освободиться» от вериг национального своеобразия, превратиться в некий безликий эстетический знак. Так ему представляются перспективы укрепления интернационализма в культурах социалистических стран. Появилась теория, она принадлежит одному советскому языковеду (К. Ханазарову), согласно которой так называемое безразличие к родному национальному языку (правда, «безразличие» он заключает в кавычки) будто бы есть верное средство стать интернационалистом. Такая постановка вопроса неверна, ошибочна. Не ценя своей культуры, своего языка, немислимо воспринимать и другие культуры. Для интернационалиста нет альтернативы: или свой язык или язык, условно говоря, интернациональный, коего вообще нет в природе. Любовь к своей нации, языку, истории, если она не страдает большой ограниченностью, глухотой, узостью, ущербностью национального эгоизма, — прекрасна и жизнедеятельна. Поэт как-то сказал: кто наплевал на родную мать, полюбит ли других людей!

Проблема патриотизма, проблема дружбы народов всегда волновала и волнует писателей стран социализма. В разных литературах она обретает самобытные краски, поворачивается к нам своеобразными своими гранями.

В романе «Обретение родины» венгерского писателя Б. Иллеша, в повести «Митря Кокор» румынского прозаика М. Садовяну трудно, мучительно протекает процесс осознания подлинных патриотических и национальных ценностей. В этих

произведениях люди, ратующие за поражение своей страны в войне против Советского Союза, не изменяют тем самым чувству патриотизма, не выступают как враги собственной нации. Они жаждут видеть свою родину обновленной, свободной, раскрепощенной. И борются за новое социалистическое отечество без царя, без буржуев и жандармов, ибо мечтают жить в мире и соседстве с Советским Союзом — первым социалистическим отечеством трудящихся всего мира. Патриотизм понимается как категория историческая, национальная и как категория социальная, мировоззренческая, духовная.

Социализм способствует сближению народов, преодолению чувства одиночества, изолированности. Он открывает широкие, ясные, надежные дороги для проявления всех сторон национального разума и созидательной энергии.

Крупнейший кубинский писатель и публицист Алехо Карпентьер в статье «Для кубинского писателя закончились времена одиночества» писал о том, что с победой революции на Кубе времена одиночества для кубинских писателей остались позади, для них начались времена солидарности. Разомкнулись пространства, выстроились устойчивые мосты к другим народам, к другим социалистическим культурам.

С мыслями, настроениями, надеждами Алехо Карпентьера перекликаются слова выдающегося словацкого поэта Ладислава Новомесского из его статьи «Интернационализм в действии»: «Самое главное, конечно, наше отношение как чехов, так и словаков — к великому русскому народу и всем народам героического Советского Союза. В этом смысле можно с гордостью сказать: «Чувства наших граждан никогда не были иными, а только чувствами искренней дружбы и братской преданности и проистекают они из знания пока не в полной мере оцененных заслуг народов СССР в деле спасения нашего национального и государственного бытия»¹.

Национальный вопрос, проблему взаимного понимания и солидарности писатели стран социализма рассматривают многосторонне — в нравственных и политических аспектах, идя в глубь человеческих привязанностей и взаимоотношений. В романе польского писателя Збигнева Домино «Пора по домам, ребята» сибиряк — мастер Виктор Таманский, командовавший одним из польских подразделений польской Армии, олицетворяет собой героизм, мягкость, справедливость, неустра-

---

¹ Л. Новомесский. Время и Безвремяе. М., «Прогресс», 1985, с. 289.

шимость советского народа, пришедшего на помощь польскому в самые трагические черные дни.

К дружбе людей, их единству призывал великий сын болгарской нации Никола Вапцаров. В стихотворении «Сельская хроника» он провозгласил мужественный лозунг: долой террор, да здравствует союз с СССР. Поэт, убежденный в победе свободы, в бессмертии интернационального, революционного дела, был казнен фашистскими правителями.

Чрезвычайно сложная психологическая задача стояла перед видным писателем ГДР Германом Кантом в романе «Остановка в пути». Его герой — обыкновенный парень восемнадцати лет, мобилизованный в гитлеровскую армию. Он завоевал не так уж много и угодил в плен к полякам. Трудно, мучительно протекает в нем процесс отрезвления и самоочищения, познания запутанных связей и переплетений мира. Он понял: шел не по тому пути, шел не туда. Марк Нибур осознал, что друзей и недругов нельзя определить только лишь по национальным признакам. Время от времени он размышляет о других людях, от одних отгораживается, хотя они немцы, о других думает долго, хотя они поляки. Национальная непримиримость уступает место иным чувствам и импульсам. Нет, Марк не становится другом поляков, и поляки не становятся его друзьями. Но между немецким печатником и поляками протягивается некая, пусть хрупкая, нить взаимного понимания и прощения. Это весьма важно и существенно. Константин Симонов назвал роман Германа Канта «книгой безбоязненной очистительной силы». Очень емкое и точное определение.

Интернационализм, чувство семьи единой, отечаненное в популярнейшем стихотворении Павло Тычины, выражает сокровенную суть, сердцевину советской многонациональной литературы. М. Горький был страстным, убежденным борцом за дружбу народов. Всем хорошо памяты его слова о многонациональном характере советской литературы в докладе на первом съезде писателей СССР. Он призывал к насущной необходимости братства, взаимного познания советских национальных литератур. М. Горький, В. Маяковский, а также Н. Тихонов, Л. Леонов, М. Светлов, Б. Корнилов, В. Луговской, П. Тычина, П. Бровка, Е. Чаренц, Г. Табидзе, М. Ауэзов, С. Вургун, Г. Гулям, С. Айни, Е. Буков были интернационалистами. Я называю лишь некоторые имена из этой блистательной плеяды писателей, для которых интернационализм не тема, не сфера художественного внимания, а духовная по-

зация, первокорень их мироощущения. Они интернационалисты по велению сердца и разума, всеми потоками чувств и представлений.

Но приблизимся к дню настоящему, обратимся к нескольким примерам. Дороги взаимного узнавания народов, их культур, их обычаев, их истории стали многосторонними, разветвленными. Это единство и взаимная «слышимость» народов оказывает благотворное воздействие на художественное видение писателей, на содержание, глубину их мыслей, дум, эмоциональных озарений, на качество мировоззрения. В романе Н. Думбадзе «Не бойся, мама» возникают фигуры героического украинского парня Щербины, павшего на боевом посту, и армянина дяди Ванечки — людей честнейших, необыкновенно привлекательных. Погружение в жизнь, характер, душевный мир братских народов оттачивало социальное зрение Н. Думбадзе, усовершенствовало его слух, его «аппарат восприятия» действительности, говоря словами В. Воровского.

Эстонский писатель Ю. Смуул умел видеть в малом многое, в обычном — необычное, в необычном — жизненно достоверное и возможное.

Чем интересно его главное произведение «Ледовая книга»? Жизнь других народов вторглась в мир ощущений, дум и представлений писателя. От этого он как бы становился еще более талантливым, масштабным, глубоко воспринимая культуру, нравы, духовные завоевания различных народов — советских и зарубежных.

Приобщение к жизненному опыту других наций — необходимое условие для лучшего уяснения и собственной исторической сущности. На скрещении этих мыслей, этих стремлений и побуждений возникла оригинальная книга латышского поэта и публициста Иманта Зиедониса и украинского поэта и публициста Виталия Коротича «Перпендикулярная ложка» — о Таджикистане. Латыш и украинец, каждый с собственного наблюдательного пункта, решил всмотреться в лицо, в сегодняшний день, в историю, культуру, людей дружеской республики и в диалогической форме, с большим тактом и доброжелательностью поделить своими наблюдениями друг с другом. Литовский прозаик Юозас Пожера несколько раз на долгий срок ездил на север и создал книгу очерков «Три поездки в Эвенкию» — о людях бескорыстных, стойких, порой по-детски наивных, открытых, простодушных, мужественных. В книге «Радостный край» башкирский писатель Рамиль Хакимов с нескрываемой любовью и достоверным, до-

тошным знанием жизни рассказывает о трех народах Закавказья — об армянах, азербайджанцах, грузинах, знакомит читателя с этим чудесным краем и людьми не менее чудесными — трудягами, поэтами, художниками, рабочими, колхозниками — творцами социалистического бытия. А очерки-эссе Иона Друце «Березы, хлеб, мужество» — это психологический, этический облик латышей, литовцев, эстонцев. Нарисованная мягкими акварельными красками, не претендующая на многостороннее аналитическое исследование фактов и событий из жизни народов, книга эта уважительна, безусловно тактична, умна.

Из последних произведений я бы назвал значительную книгу Альбертаса Лауринчюкаса «Вечные березы», в которую вошли прозаические силуэты, очерки, соединенные с научным исследованием, о судьбе и жизни русского народа и вторую часть поэмы — «Русское сердце» Хуты Берулава. Это произведения исповедальные, сердечные, в них просматривается прозрачная, ничем не замутненная любовь к России, к русскому народу.

Советская многонациональная литература приобрела мировое признание. В 20-х, даже в 30-х годах за рубежом ее рассматривали только как русскую. Ныне картина резко изменилась. В большинстве литератур народов СССР выросли, возмужали высокоталантливые мастера художественного слова, заметно обогатившие эстетические, человеческо-социальные качества советской литературы. Они мощным потоком устремились к мировому читателю. Стало очевидно, что без знания этих литератур, без включения их в общий литературный процесс невозможно представить в целостном виде богатую, светящуюся множеством своеобразных красок и открытий художественную литературу Страны Советов. Это в свою очередь оказало весьма благотворное, обновляющее влияние не только на ум, сердце, каналы восприятия мирового читателя, но и властно породило необходимость ближе, лучше, основательнее знать то, что делается в советской художественной культуре.

Как факт чрезвычайно примечательный надо отметить следующее: в зарубежном литературоведении, особенно в странах социализма появились ученые-литературоведы, которые с большим тщанием, глубокой заинтересованностью, энергией, увлеченностью стали изучать опыт советской многонациональной литературы, создавать значительные труды, по-

священные ее историческим истокам, развитию и дню сегодняшнему.

В Польше, ГДР и в других социалистических странах появились антологии, солидные текстологические сборники в литературах народов СССР, в частности о грузинской литературе.

Я назову фамилии лишь некоторых ученых филологов, которые свой талант, свое вдохновение отдают серьезному кропотливому, глубинному изучению советской литературы. Это польские исследователи Б. Белякозович, Ф. Неуважный, литературоведы ГДР Э. Ковальский, П. Кирхнер, болгарские ученые — В. Колевский, В. Цветков, чешский литературовед Я. Марушяк, венгерский ученый М. Саболчи и множество других.

Знаменательно, что во многих университетах — Варшавском, Пражском, Болгарском, а также в научных учреждениях за рубежом, особенно в социалистических странах пишутся дипломные работы, защищаются кандидатские диссертации не только о творчестве русских советских писателей, но и о художниках слова народов СССР — о Ч. Айтматове, В. Быкове, Н. Думбадзе, И. Абашидзе, О. Гончаре, А. Нурписове, Г. Матевосяне и других. Это весьма значительное и отрадное явление. Тем самым карта мировой литературы становится пространственнее, объемнее, полнее. Рост и впечатляющий взлет советской многонациональной литературы вызывает живейший интерес во всем мире. Даже наши, как говорят, «заклятые друзья» за рубежом — советологи, несмотря на их субъективную предвзятость и предубежденность, вынуждены признать значительное возрастание идейно-эстетических ценностей в советской литературе, ее национальных отрядов.

О советской многонациональной культуре были сказаны очень хорошие, высокие слова на XXVII съезде КПСС. Приведу их из политического доклада ЦК КПСС: «Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением мировой культуры»¹. И далее говорится о том, что нельзя замыкаться национальными границами, в идиллических тонах представлять революционно-фашистские и религиозные предрассуд-

---

¹ Материалы XXVII съезда КПСС, М., Изд. Политической литературы, 1986, с. 53—54.

ки, облекать их в фальшивую одежду национальной самобытности.

Хочется затронуть еще один вопрос — о национальной гордости, о национальном такте. В газете «Советская культура» от 24 августа 1986 года писатель Камил Икрамов правильно писал о ложном понимании некоторыми национальной гордости, когда критика тех или иных отрицательных явлений в республике воспринимается как ущемление, невольное поправление чувства национальной гордости. Но это понятие не существует отвлеченно, в отрыве от тех факторов, которые составляют его основу. Гордиться надо тем, что образует сущность национальной гордости — национальный разум, прогрессивные национальные достояния, все то доброе, честное, великое, творческое, чистое, трудом созданное, что заложено и закреплено в национальном опыте, бережно собрано и сохранено в национальной копилке памяти народов.

Черты национального характера нельзя определять только лишь национальной принадлежностью человека. Что скрывать, есть еще в нашем обществе всякого рода прохвосты, жулики, хищники, взяточники, махинаторы, наркоманы. В чем их национальное ядро, носителями каких черт национального характера являются они? Эти люди не имеют права называться представителями нации.

С другой стороны, национальное высокомерие, чванство, небрежное, легковесное отношение к жизни какой бы то ни было нации знак низкого уровня — и нравственного, и социального, и политического, и человеческого. Ленин придавал огромное значение правильному решению национального вопроса. «Это, — писал он, — мировой вопрос, без преувеличения мировой» и далее заключил: «...тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»¹. Мы обязаны помнить эти великие ленинские слова. Дружба наций, взаимное уважение и почитание друг друга, взаимная радость радостными свершениями, взаимная озабоченность и тревога тревожными событиями — объединяют и сплачивают нас. Необходимо с величайшей бережностью хранить и крепить эту дружбу социалистических наций, чтобы не расплескать ни единой капли из этой драгоценной чаши. Особенно сейчас, когда столь неспокойно в этом тревожном мире, наша дружба должна быть еще более прочной, не колебимой и не разрываемой ничем, дружбой глубокой, корневой, сердечной, честной, взаимно возвышающей.

¹ Ленинский сборник, XXXI, с. 291.

У ПОТУХШЕГО ОЧАГА

Ты не вернулся с большой войны —
пуля скосила порою ненастной.
Радио весть о тебе не подаст мне,
не принесет ее птица весны.

Золотоклювая не запоеет,
и не окликнет шалая пуля.
Понутив голову,
плечи ссутуля,
стою у старых твоих ворот.
Мне тишь тяжела.

О, если б я смог
ударить в колокол,
поздравив с победою.
Но — горе! — что делать?
Стою и не ведаю,
кто дверь отперет, путив на порог.

Надежда ушла, обделила напутствием,
Горе мне, свикнуться с ним не могу.
Надежда ушла, обделила напутствием,
и я не смирюсь с твоим отсутствием,
и прихожу к твоему очагу.

Заперт наглухо старый дом.
Безмолвие заплетено паутиною.
Горбясь, бреду я дорогой старинною,
ноги передвигаю с трудом.

Ничего неизменного в мире нет.
Но что б ни случилось, навеки мы братья,
и никогда не смогу сказать я,
что ты не вернулся во цвете лет.

Вспомню тебя
и — ломается сон,
сон мой война без пощады разладила...

Весть о тебе не подаст мне радио,
не принесет ее птичий трезвон.

НАЧАЛО ЗИМЫ

На путников-оборванцев
похожи деревья в саду.
По желтым листьям бреду
от ствола к стволу,
бреду и догадываюсь: вчера
здесь осень прошла.

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют...

Б. Пастернак.

Гонка за славой —
пропади она пропадом!

Возня вокруг имени —
тяжкий венец.

Лучше бы землю
пахать мне безропотно
или пасти коров и овец.

Дань, что миру плачу —
нелегка мне,
словом владеть — тяжела благодать!

Не лучше ль,
потая, тесать камни
и хлеба горький кусок добывать?!

По нашей ли воле нас уносило
в путь — с него не сойти нам, хоть плачь...

Приговор отменить Цицерону под силу,
когда над ним поднялся палач?!

НЕ ПРИЕДАЕТСЯ...

Жизнь — не только явь, жизнь — иное,
впереди этой яви, случается.
Есть хорошее в ней,
        есть дурное,
потому она не приедается.

Жизнь не спрашивает, — объясняться ли
где заря, а где сумерки с бедами.
Как прийти в этот мир,
        как расстаться с ним,
кто решит твою участь — неведомо.

Ты уйдешь во мглу, пропадешь, но ни стона,
ни ворчанья не надо, что все, мол, отвратно.
По пути в никуда уходили достойные,
и никто из них не вернулся обратно.

Одни живут, не слыша ни слова привета,
у других дорога усыпана розами.
Если жизнь только то или жизнь только это,
сожалеть о ней — вещь несерьезная.

Жизнь — не только явь, жизнь — иное,
впереди этой яви, случается.
Есть хорошее в ней,
        есть дурное,
потому она не приедается.

СМЕРТЬ ПИРОСМАНИ

Смерть дает утешение и новую
жизнь.

Бодлер

Смерть не казалась твоей карой,
с косою острой каргою старой, —
упала гибельно на колени,

и словно лозам влюбленный лепет
ты смерти отдал свое смятенье,
свою улыбку, сердечный трепет.
Твои лазурны глаза-озера,
Не видел слаще на свете взора,
сравнил с зарею, — а есть ли краше! —
На персик в цвету лицо похоже.
Все, кроме смерти, сегодня наше,
Прекрасен образ, любим до дрожи.

Узрел ты даже, как грудь теплела
во мраке лестниц, пылало тело,
А рад был разве, многострадальный,
Что душегубу ты отдал душу?
Нарисовал бы твой лик печальный,
в бессмертье ввел бы, в тот зной, в ту сушу.

Ты лаской красок коснулся лика,
как бы прижал ты к груди и лихо
умчал туда, где покой от века, —
презрев дневное, презрев ночное, —
есть все на свете у человека
и, кроме жизни, — все остальное.

ВЕСНА

Во все золотые колокола
вновь зазвонили весенние звонницы.
Весна эта дивная всем взяла,
другие весны за ней не угонятся.

То ли опять забелел снегопад,
то ли сады зацветают фруктовые.
В каждую почку заложен заряд
солнца — взрываются новые, новые.

Смотрю и понять не могу по весне:
куда утекли мои годы поспешные?
Считаю шаги,

и не верится мне,
что встречу одну еще пору я вешнюю.

Во сне увидеть ли такой карнавал?

А вот наяву

мне предстало видение...

Я время остановить бы желал —

немного продлить это чудо весеннее.

И СНОВА ВЕСНА...

Чем одурманила нас?

Чем затуманила нас?

Это солнце в свой час

Зельем каким заманило нас,

Опьянило нас.

Взгляни на траву!

Взгляни на листву!

Здесь прошла весна.

Здесь была она.

Здесь цветут сады.

Здесь ее следы.

В горах — свет.

В полях — свет.

Не расцелуешь ее следы,

значит, жизни не любишь ты!

НОЧНАЯ КАРТИНА

Вдруг в темень полночную

налетел ураган откуда-то,

звезды им всюду разбросаны,

куда-то тайно запрятаны.

Смотрю, затаив дыхание,

в окно: буря свирепая,

волку подобно набросилась

на облака беззащитные.

Боже, взгляни на меня!
Я боюсь, чтоб нечаянно
разбушевавшейся бурей
с неба луну не сбросило!

●
Мой пробил час.
И на последних метрах
путь разминирован и безопасен.
Я не клонюсь шиповником от ветра
и не на все на свете я согласен.

Еще течение владеет мною,
но я при виде скал глаза не хмурю,
Слова мои щебечут за спиной —
птенцы мои купаются в лазури.

Боятся, как бы им с пути не сбиться
(цветами путь их ведь усыпан не был),
Но я их вышколил, и эти птицы
со мною вместе поднимались в небо.

Путь безопасен.
Не клонюсь от ветра.
Несет к другому берегу течение,
и чувствую, как на последних метрах
уже сгорают и мои мгновенья.

Перевел Лев ОЗЕРОВ.

ТИГР СКАЛ — Повесть

С невероятным трудом я поднялся на вершину. Однако подняться — это полдела, надо еще и вернуться, потому что если не вернешься — все равно поднялся ты или нет. Об этом я подумал лишь стоя на вершине, когда окинул взглядом синее небо, края которого окрасили золотом и кармином последние лучи заходящего светила. Дурное чувство охватило меня, и я поспешно начал спускаться. Но уже было поздно. Стемнело, когда я был на середине пути вниз. Часто приходилось мне слышать: «он провел ночь бессна», «он не спал всю ночь». Но разве можно сравнить бессонную ночь дома, в тепле и покое, с бессонной ночью на горной вершине, в царстве снегов и льдов, видений и всякой чертовщины? Тем более, если тебе пришлось проводить эту ночь без палатки и без спального мешка. Хуже холодной ночевки, наверное, мало что может быть для альпиниста.

Ни вперед, ни назад продвигаться я не мог, и холод уже овладевал мной, холод и страх. Все мое существо заполонил страх.

«Ни одна душа не знает, где ты находишься. Кто догадается, что ты застрял на вершине Виатау и замерзаешь? Кто пойдет по твоему корявому следу, кто отыщет тебя? Отец? Друзья? Но ведь ты ни словом ни звуком не обмолвился с ними об этой Виатау! — Отчаянии думал я. — А может быть, это просто штучка

Продолжение. Начало в № 10.

шашисеби? Может, это они сбили тебя с пути, завели сюда, чтобы погубить? Скольких знаменитых охотников они одурачили и погубили таким вот образом, а тебя им и вовсе нетрудно провести...».

И я покорился уготованной мне участи. Я застрял на крохотной, в один квадратный метр площадке, застывший от холода и страха перед таинственными звуками горной ночи.

В Дабдэри шашисеби носятся, бусами увешанные,

На головах шлемы блестят железные,

Зубы-колья в пасти огненной,

Ой, не ходи за порог, деточка!..

— предупреждающе и устрашающе шептал где-то в темно-сером пространстве старец-сказитель.

Но надо выдержать, надо как-то взять себя в руки, приободриться, не то они сбросят меня в пропасть. И даже память обо мне не останется, никто на свете не узнает, как я погиб и где.

Но если даже я не разобьюсь, уцелею, как устоять перед все усиливающимся холодом? Надо было что-то предпринять, иначе от меня осталось бы жалкое ледяное изваяние на дикой вершине Виатау — и только... На счастье в памяти высветились вдруг слова Белого Старца. Однажды ему тоже пришлось провести ночь на перевале и, чтобы не замерзнуть, он до самой зари плясал «Шинаворгили»...

И я со всей серьезностью и сосредоточенностью стал прыгать и размахивать руками. Я так утрамбовал свою площадку, что мне позавидовали бы рабочие, трамбуемые асфальт. Порой, несмотря на прыжки и скачки, меня одолевал сон, голова моя клонилась книзу.

В прошлом году мой двоюродный брат, опытный и бывалый шофер, разбился на трассе Зугдиди—Местиа. Сперва мы не знали, что с ним, и не особенно волновались, думая, что он свернул в какой-нибудь из ближних городков, подвозя кого-то из друзей или знакомых. Но спустя неделю после его исчезновения пассажиры автобуса, совершавшего рейсы по тому же маршруту, заметили на берегу Энгури выброшенные водой матрасы. А брат вез в Местиа именно матрасы для

больницы. Мы поняли, что он стал жертвой аварии. Мы проследовали берегом Энгური вплоть до самого моря, но нигде не обнаружили ни машины, ни ее шасси, словно земля поглотила обоих. Наконец на широком, совершенно спокойном отрезке магистрали мы обнаружили следы автомобильных покрышек, ведущие прямо в обрыв.

— Раз он ехал ночью один, надо было петь, — сказал самый старший из Хергиани, — или остановиться где-нибудь и ждать зари.

Так и не нашли мы двоюродного брата. Ни машины его никто нигде не видел, хотя бы обломков — ничего. Ничего, кроме того рокового следа, что вел к обрыву. Наверно, Энгური увлек свою добычу в море.

«Надо было петь, раз он был один, надо было петь», — припомнились мне слова моего родича. И я запел дрожащим, прерывающимся от страха и холода голосом:

«Дала коджас хелхважале, рэроша, раша...»

Я пел о богине охоты, просил у нее помощи и поддержки.

Спел я и «Лилео» — древний гимн солнцу. В нем обращаются к светилу с просьбой поскорее взойти из-за гор и рассыпать свои всеутешающие теплые животворные лучи. И я просил золотое светило поскорее рассеять мрак, осветить звериные тропинки Виатау невидимые и неизвестные мне, указать один-единственный безопасный путь — обращенный к Холанарским полям снежный склон, по которому я, может быть, сумел бы благополучно спуститься с этой недоброй вершины.

...С тех пор я и запомнил:

Если хочешь, чтобы сон не сморил тебя и не угнетал безвременную кончину — пой!

В тот же год Михаил занял первое место в соревнованиях по скалолазанию на первенство лагеря. Следом за тем он одержал победу в соревнованиях на первенство ущелья Адил-Су и приобрел право на участие во всесоюзных соревнованиях.

В Крыму, на склонах Крестовой горы, на соревнованиях по скалолазанию, в которых участвовали сильнейшие альпинисты СССР, он стал чемпионом.

Осень 1951 года оказалась счастливой для Михаила.

1953
1953

Хергиани, до тех пор никому не известного молодого альпиниста, скромного, неразговорчивого парня из высокогорного уголка Грузии — Сванэти. Эта осень принесла ему первые золотые трофеи, которые в дальнейшем будут приумножаться год от года.

Имя Михаила Хергиани зазвучало в альпинистских кругах различных стран.

Перед глазами моими вставали снежные вершины, чистые, гордые, неприступные и недостижимые — и тем более манящие.

«Но ведь и там состязание такое же, как и в спортзалах, на борцовских коврах? — возникало порой мучительное сомнение. — Зачем же я так стремлюсь туда?»

Потом я понял — да, верно, в горах тоже идет состязание, но не с равными, а с могучими заоблачными гигантами, с совершенно иными «людьми».

Вероятно, в человеке изначально заложено стремление к борьбе, и так же изначально обозначен путь в жизни, которым пойдет каждый. Мой путь звал меня. Мой путь был путь к вершинам...

ВОЗМУЖАНИЕ

Он сравнительно недавно пришел в альпинизм, но блестящие успехи сразу выделили его из всех. Он проявил такой яркий альпинистский характер, такие способности, что все только диву давались.

Уравновешенность и выдержка необходимы в горах. У него эти качества были в крови. Уравновешенность и выдержка с детства удивительно сочетались в нем с живостью и неугомонностью. С возрастом эти качества вычленились еще резче. Пока он был новичком, резвость и неугомонность брали верх, но когда юношеский пушок над верхней губой сменился усами, когда впервые он почувствовал всю тяжесть ответственности за свои действия, впервые испытал радость

Мирон Хергиани. Тигр скал.

первой победы, уравновешенность и выдержка, до тех пор приглушенные, подняли голос.

Теперь, когда говорили о Михаиле, его коллеги в первую очередь отмечали его поразительную способность владеть собой в любых обстоятельствах.

Альпинисту необходимы также требовательность не только к себе, но и к товарищам, принципиальность, последовательность и — способность идти до конца. Эти качества особенно необходимы мастерам спорта, которые имеют право на руководство сравнительно сложными альпинистскими экспедициями. Михаил пока что был слишком «молод», но время это было, оказывается, не за горами...

ГРАНД-ЖОРАС

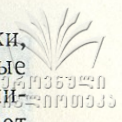
В 1967 году в Шамони съехались сильнейшие альпинисты, представлявшие около 30 стран мира.

Нам, участникам сборов, объявили, что группам дается полная свобода в выборе вершин и маршрутов, а также в выборе пункта выхода на трассу.

— Давай попробуем Гранд-Жорас, — предлагаю я Славе, — не говоря о сложности, само название ее, по-моему, звучит очень симпатично — Гранд-Жорас...

Слава соглашается, и мы идем на Гранд-Жорас!

Последние три года северная стена Гранд-Жораса оставалась нетронутой из-за труднодоступности ее снеговых и ледовых склонов. Но на нынешних сборах каждый стремится показать себя, что вполне понятно: необходима сенсация, иначе никого не удивить. Поэтому многие устремились к этой вершине, и у выхода на Северную стену стояла огромная очередь. Мы со Славой записались. Затем горным трамвайчиком поднялись в хижине высотников, находящейся у подступов. В хижине гомон и гвалт. Все собираются выходить, но не выходит никто. Испанцы уже довольно давно вышли на трассу, поляки, чехи и японцы пока сидят. У японцев сорвался кто-то из членов группы, они вернулись обратно, но, как свойственно смелым и отважным людям, не отступают и собираются возобновить штурм, как только полегчает товарищу, который отделался легким ушибом.

Через короткое время выходят на трассу поляки, но очень скоро возвращаются назад. Пристыженные неудачей, недовольно качают головами. Чехи в нерешительности — они медлят, хотят посмотреть, как пойдет дело у испанцев. Потом спрашивают нас:

— А вы? Что вы делаете?

— Мы ожидаем очереди.

— Сейчас наша очередь, если желаете, пойдемте вместе, — предлагают они.

Ожидание уже истрепало нам нервы. В горах можно ждать погоды, или выздоровления товарища, или условного сигнала из главного лагеря, но ждать очереди, чтобы выйти на трассу, — это было для нас ново. Бесмысленность ожидания усугублялась тем, что стояла прекрасная погода. Ведь погода в горах — это почти все, а где была гарантия, что она удержится и впредь?..

Потому предложение чехов нас очень обрадовало.

Еще не вполне рассвело, когда мы шли по леднику. Чехов было четверо, нас двое. Выйдя к предвершинному гребню, мы посоветовались, как идти дальше. Каждая группа предлагала свой путь. Мы со Славой считали более целесообразным идти справа, чехи — слева. Не придя к соглашению, мы расстались, и каждый пошел предпочтительным для него путем.

В горах прав тот, кто благополучно достигает цели. Мы пришли первыми к верхней стене и стали ждать чехов. Когда они добрались, мы дали им передохнуть и продолжили путь вместе. Вскоре начался голый лед. На нас были кошки, и мы шли быстро. Чехи снова отстали.

Пройдя наиболее опасный участок, мы подождали чехов. Однако, проявляя великодушие, мы явно теряли темп. Но что было делать! Чехи уступили нам очередь, избавили от нудного ожидания, и мы обязаны были ответить добром на добро. Посоветовавшись, мы решили двигаться смешанными связками. Так мы смогли бы продвигаться быстрее, но как «распределить» двоих на четверых? Их связка пошла первой и через короткое время «угостила» нас такими глыбами, что только держись!..

Несколько спокойных минут — и вдруг вижу, как

один из чехов стал медленно скользить по льду вниз. Веревка натянулась до отказа. Нас спасли кошки. Уверенный в своей безопасности, я с силой дернул веревку и сумел остановить чеха. К счастью, у него оказались лишь поцарапаны лицо и руки.

Прошли и этот участок. Лед, кажется, остался позади. Начались скальные массивы. Передовая связка чехов продвигается вперед черепашьям шагом. Мы изнываем от нетерпения. Надо сказать, они идут с умом, но темп! Их темп нас совершенно не устраивает.

Я предлагаю:

— Я пойду первым и для большей скорости возьму на себя и ваши веревки.

Соглашаются! Когда я прошел две веревки, один из чехов, Юра, сказал мне:

— Друзья, мы видим, что вы сильнее, и мы вас попросту задерживаем. Говорили, что советским спортсменам не хватает опыта скалолазания. Это неправда. Ваша пара здесь лучшая, это признает каждый. Поэтому идите вы первыми. Не говоря ни о чем другом, этого требует элементарная справедливость.

Мы со Славой распрощались с чехами и бросились вперед. Вскоре сверху до нас донеслись чьи-то голоса. Это оказались испанцы. Они поднимаются, но как! Целый час преодолевают небольшой отрезок. Место очень плохое, неудобное. Над нами нависает похожая на верблюжий горб отрицательная стена. Чтобы очутиться над ней, надо траверсировать вправо. Но этот путь довольно длинен.

Некоторое время мы ждали, пока пройдут испанцы. Потом, потеряв терпение, как по команде, двинулись вперед, в лоб штурмуя «Верблюжий горб». Первым шел я. Поначалу шел хорошо, впрочем, и в дальнейшем было не очень трудно, — наверное, ожесточенные ожидания, которое так измотало нас, и от сильного возбуждения мы мало реагировали на трудности и опасности. Вот еще несколько метров — и мы находим на стене веревки, в трещинах торчат ржавые крючья. Попадают и сгнившие веревки — свидетельство того, что сравнительно недавно другие пытались одолеть стену этим путем. Пытались, но не сумели, потому что чем выше мы поднимаемся, тем меньше следов попыток, наконец веревки и крючья и вовсе исчезают. Видимо, на-

ши предшественники, терпя поражение, возвращались назад.

Теперь передо мной гладкая вертикальная стена с отрицательным уклоном. На ней ни трещин, ни выбоин, ни выступов, единственная надежда, довольно слабая, на шлямбуры, но — мы не захватили их с собой!

Наше продвижение вперед серьезно осложнилось. Испанцы, обнаружив, что мы пошли на прямой штурм, стали кричать что-то, по-видимому, предостерегающее.

Чехи, наши приятели, которые за то время, что мы стояли в хвосте у испанцев, успели нас нагнать, тоже кричат:

— Куда вы, там сам черт не пройдет!..

* * *

Вплоть до 1964 года в Тбилисском институте физкультуры, где студенты специализировались по всем почти видам спорта, не существовало отделения альпинизма. В 1964 году был поставлен вопрос создания отделения альпинизма. А в следующем году абитуриенты впервые сдавали приемные экзамены на отделение альпинизма.

Михаилу Хергиани принадлежит немалая заслуга в создании этого отделения и в воспитании будущих альпинистов. Руководство республиканской федерации альпинизма именно ему поручило заботу об этой секции. Михаил привез из Сванэти ребят, жаждущих профессионально заняться альпинизмом, которые хорошо зарекомендовали себя с самого же начала учебы в институте.

— Мы возлагаем на них большие надежды, — говорил тогда Михаил. — Я, как педагог, рад их успехам и горжусь ими. Что главное, это поколение альпинистов нового, современного стиля. Их альпинистский почерк лаконичен и красив, и я думаю, что они на верном пути. Наша задача — вооружить их максимумом теоретических и практических знаний, передать им наш опыт и подготовить физически и морально к большому альпинизму. Эти ребята уже знают цену организованности, дисциплине и порядку в экспедиции, что в свое вре-

Мирон Хергиани. Тигр скал.

мя было нашим слабым местом. Они знают: единоборство с горами — нелегкое дело, здесь необходима серьезная специальная подготовка, необходимо выработать себе железную волю, упорство и настойчивость. И я верю: когда мы постареем для гор, когда не станет у нас былой силы в руках и ногах, когда могучие горные ветры перестанут звать нас в свои владения, и наши глаза, уставшие от блеска ледников, утратят зоркость, — тогда эти молодые парни вскинут на плечи наши рюкзаки и уйдут по снежным тропам к пронзительно синим небесам, и на грозный гул лавин отзовутся величественным древним «Лилео». «Человек выше всех вершин!» — возвестят они миру...

* * *

...— Куда вы, сам черт там не пройдет, эге-эй!.. — кричали чехи.

Бывают в жизни минуты, когда ты не принадлежишь себе. Создавшееся положение заставляет действовать разуму вопреки.

Я на стене. Опасное место. Гладкая поверхность стены не дает никакой возможности вбить крючья. Эх, где наши шлямбуры!

...Всплыло, всплыло видение из другой его жизни — праздник Джгвиби...

Бесчисленные снежки со свистом рассекают воздух... Они безжалостно колотят по спине, обжигают шею, эти мерзлые, плотно скатанные комья снега... Он продолжает лезть выше... извиваясь змеей, захватывая сильными ногами столб, сжимая его, как клещами, выпрямляется разом и поднимается на один шаг... Еще один шаг, еще одно усилие!.. Ликующие крики, восторг зрителей... Лагамцы торжествуют победу... Махвши подходит к Минаану... заставляет его обернуться и посмотреть на девушек, что стоят под церковной стеной, жмутся друг к другу и лукаво пересмеиваются, прикрываясь концами головных платков. Одна из них — Кати Барлиани...

(Теперь Кати ждет его дома, ждет возвращения с победой...).

...Вот и камень-саджилдао. Вокруг него собрались сельские палаваны, поочередно подходят к саджилдао,

впиваются пальцами в его горловину, приподнимают — кто сколько может. На их напряженных шеях набухают жилы...

И вот произошло еще одно — после Ушбы — чудо; я на «Верблюжьем горбу»! Когда я глянул оттуда вниз, у меня чуть не закружилась голова. Слава, ошеломленный, машет рукой — отойди от края, ты сошел с ума!

Я вбил крюк, продел веревку и опустил ее вниз. Поднялся Слава. Переведя дух, он спросил:

— Как ты забрался сюда?

— Сам не знаю!.. Каким-то чудом...

Слава качает головой, смеется.

— А хорошая стена! — говорю я. — Умеешь лазать — пройдешь! Французы правы: Гранд-Жорас — самая интересная стена во Франции. А ты какого мнения?

Слава улыбается, кивает головой в знак согласия, и мы продолжаем путь.

Тысячу двести метров одолели ползком. В пять часов вечера мы на вершине. Всего на восхождение затрачено тринадцать часов. В эти тринадцать часов входило и то время, которое ушло на не зависящие от нас остановки.

Спускаемся по южной стене, на итальянскую сторону.

У основания стены замечаем хижину. Оттуда, из хижины, доносятся аппетитные запахи, которые буквально кружат нам головы. Из хижины выходит хозяин и гостеприимно приглашает войти. Но у нас ни гроша: ни французских, ни, тем более, итальянских денег с собой нет, а тут тебе не грузинский духан старых времен, где духанщик поверит в долг, до следующего раза. И мы уходим, покинув пределы, столь соблазнительные. Возможно, хозяин хижины и знал наперед, что в карманах альпинистов ему ничего не найти, возможно, и приглашал нас, не надеясь на плату, — к тому же ведь он был горец, о чем совершенно недвусмысленно говорило его загорелое и обветренное худощавое лицо.

...С вершины Гадил-Башкара спускались трое. Все трое в изнеможении, из последних сил. Над самой пропастью они остановились, внимательно изучая гроздившиеся вокруг скалы. Ничего утешительного! Стало ясно, что они сбились с пути. Гребень, по которому они пошли, вертикальными скалами спускался с вершины куда-то в бездну. Возвращаться назад не имело смысла — их силы иссякли бы, прежде чем они добрались бы до середины пути, а оставаться здесь, на этой площадке, тоже было бессмысленно — пронизывающий холод уже давал себя знать, необходимо было двигаться, действовать, необходимо было рисковать. Они вбили крюк, пропустили веревку и спустили ее вниз — может, достанет до ближайшей площадки. Первым начал спускаться руководитель группы — Юрий Бурухевич. «Еще немного — и мы будем спасены.. еще немного...» — думали обнадеженные люди, висевшие на одной короткой веревке. Но их надеждам не суждено было сбыться — веревка кончилась, когда они были на полпути к площадке. До ближайшего выступа, на который можно было ступить одной ногой, оставалось метров пятьдесят. Снова встала проблема возвращения обратно. Но сама мысль об этом была нереальной: ни у кого не хватило бы на это сил. А земля тем временем начала как-то странно раскачиваться, волноваться, словно зыби морские, она отходила куда-то вдаль, и тем более желанными становились города и деревни, реки, леса... и люди, люди, тепло и голос людской. Они, эти трое на одной веревке, повисли, точно сосульки, застывшие, заледеневшие, и, подобно сосулькам, ломались и разбивались вдребезги их надежды. Один день, два, три... четыре дня... Как вывешенное для просушки белье, колышет их ветер, и они, закрыв глаза, ждут конца, который подступает все ближе. Они дрожали от холода, голода и страха. Все имеет предел!.. Смерть в горах прекрасна, где же она!

И вдруг донесся какой-то звук.. человеческий голос.. забытый, желанный, веющий теплом, светлый и лучезарный человеческий голос!.. Кто-то кричал:

— Не бойтесь, мы здесь!.. Держитесь, мы идем к вам!..

Они открывают глаза и обводят затуманенным

взором громоздящиеся под ними немые массивы. «Ну, конечно, галлюцинация... Проклятая галлюцинация!»

Но тот же голос повторяет несколько раз:

— Мы здесь, зде-сь! Мы идем к вам!

Нет, это не было галлюцинацией. Они пришли — Михаил Хергиани, Эрминэ Кахиани, Михаил Хергиани-младший. Они спустили вниз, на землю, троих почти бесчувственных людей, словно бусины, нанизанных на веревку. Спасательная группа Михаила Хергиани подошла вовремя — три сосульки отогревались, оттаивали, дышали, пробуждались...

* * *

Ночь застигла нас близ Курмайерского леса. Решили здесь и заночевать. Поставили палатку и улеглись. Ранним утром мы должны были перейти перевал Торино. Но утром настроение у нас еще более упало: все устремлялись к перевалу по канатной дороге, а нам, по той же причине — отсутствие денег, пришлось тащиться пешком.

Итальянский Курмайер и французский высокогорный курорт Шамони связаны друг с другом канатной дорогой. На границе этих двух государств, которая проходит по самому гребню кряжа, возвышается гостиница «Торино» (3370 м над уровнем моря), где всегда полно курортников, путешественников, туристов и альпинистов.

Мы со Славой уныло брели в гору. Голодные и уставшие, мы преодолевали пешком совершенно бесполезные километры. Порой мы поглядывали на вагончик канатной дороги и лопались от злости, да еще, как нам казалось, люди смотрят оттуда на нас и диву даются — что там за чудачки пешком тащатся!

Шесть часов потратили мы на переход до Торино. Наконец мы добрались до гостиницы, но здесь ждала неприятная новость: из-за сильного ветра канатка отсюда до Шамони не работала. И это тогда, когда мы додумались до важного решения: выбираться из Торино канаткой в долг! В Шамони мы расплатимся сразу же по прибытии. Это примерно так же, как случается порой в Тбилиси: возвращаешься среди ночи, а в кар-

мане ни гроша, но все равно ты нанимаешь такси и приезжаешь домой, там просишь шофера подождать, выносишь деньги из дому и расплачиваешься.

А теперь жди, когда уляжется ветер! В тот раз нам всюду приходилось ждать. Сперва ждали очереди, чтобы выйти на трассу, затем ждали чехов, затем — испанцев, которые болтались в воздухе на своих веревках, а тут еще жди погоды! Может быть, снова идти пешком?

Мы нервничаем, но стараемся этого не проявлять.

Сидим мы в Торинском коридоре и раздумываем, как быть.

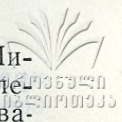
* * *

— Часто спрашивают меня, кого я считаю своим учителем, наставником. У меня был не один учитель. Это и мой отец Бесарион, и дед Антон, и Габриэл, и Бекну Хергиани, Максиме Гварлиани, Чичико Чартолани, Гио Нигуриани, Алмацгир Квициани, Годжи Зурэбиани, Адсил Авалиани и другие наши альпинисты. Я назвал их всех вместе, поскольку разъединять их было бы неверно и несправедливо. Они вместе ходили в походы, экспедиции, вместе одерживали победы и вместе терпели поражения.

Прежде, в старые времена, когда не писали о восходителях в газетах и книгах, народ из уст в уста передавал рассказы о них и складывал легенды. Уже почти в наши дни, в тридцатые годы, увлечение альпинизмом в «стране поднебесных вершин» становится чуть ли не повальным.

Дети, как известно, особый народ. Разве может ребенок не иметь своего героя, своей мечты, своего идеала? Нашими кумирами были самые бесстрашные — горновосходители-охотники, мужественные и великодушные. И мы стремились подражать им. Подражали их походке, осанке, манере держаться, подражали в поднятии тяжестей, в лазании по скалам... Но не только подражали — мы соревновались друг с другом, карабкались на стены старых мачуби, взбирались на телеграфные столбы. Мы, сорванцы, даже не представляли себе детских игр и забав без этих соревнований.

В 1929 году на Тэтнулде произошла трагедия, потрясшая всю грузинскую общественность: погибли два

выдающихся альпиниста — Симон Джапаридзе и Пимен Двали. Сестра и брат Симона, Александра и Алеша, собрались и выступили в путь — к вершинам Сванэти, чтобы отомстить за любимого брата.

С того времени начинается история победных штурмов Алеша и Александры Джапаридзе. Они поднимаются туда, куда еще не ступала нога человека, оставляют там первые записки, строят первые трангуляционные строения, составляют карты, недостаток в которых так остро ощущался у нас в те времена...

...Алеша Джапаридзе отправляется на Памир. Тогда мало кто отваживался подниматься на «Крышу мира». Тайной и неизвестностью отпугивали человека горы Памира. Они были еще не изучены, а район ледника Лармо был и вовсе белым пятном на карте.

— ...Медленно, очень медленно продвигались мы вперед. По колено проваливались в пушистый девственный снег и через каждые пять-десять шагов вынуждены были останавливаться, чтобы передохнуть, — описывает восхождение на пик Ленина Алеша Джапаридзе. — Каждый из нас с тревогой и беспокойством поглядывал на небосклон, по которому ползли неприятные облака.

Внезапно послышался какой-то шум. Через несколько секунд мы увидели, что сверху кто-то катится вниз. Это оказался инструктор Поляков. К счастью, пролетев метров пятьдесят, он провалился в снег и надежно застрял там. Оттуда его вытащили инструкторы Церетели и Белецкий. Поляков был в полном изнеможении от страха и усталости. Поэтому впереди первой группы вместо него пошел начальник отряда инструкторов. Через несколько минут снова послышался шум. Мы остановились и замерли: справа от нас снежная лавина со страшной скоростью несла несколько человек из передней группы. Это были начальник отряда инструкторов и четверо красноармейцев. Они то скрывались в снегу, то оказывались на поверхности лавины. В полном оцепенении смотрели мы, как на наших глазах погибали люди, но помочь им было немыслимо и невозможно. К счастью, через недолгое время скорость лавины заметно уменьшилась и все пятеро застряли в снегу мет-

рах в двухстах от того места, откуда покатались. Но они еще не успели прийти в себя, когда буквально перед самым носом у нас пронеслась еще одна лавина, к счастью, не коснувшись ни нас, ни их. Мы стали кричать операторам, чтобы они засняли на пленку всю эту свистопляску, но им было не до съемок. «Какое время снимать, того гляди, лавина снесет нас ко всем чертям!» — заорал один из операторов.

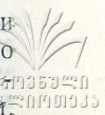
И правда, едва промчалась вторая лавина, как пошла следующая. Она катилась прямо на нас и грозила гибелью всему отряду. Устраниться было невозможно, потому что ширина ее была очень велика. Единственное, нам следовало как можно более надежно закрепить на наших местах. Мы лихорадочно роем укрытия в снегу, ложимся и обеими руками намертво вцепляемся в ледорубы, глубоко, по самую головку, воткнутые в снег. Довольно большие снежные потоки пронеслись по нашим головам и со страшной скоростью обрушились в пропасть. Каждый из нас изо всех сил, со всей цепкостью, на которую был способен, держался за свой ледоруб, каждый знал, что отпусти он на мгновение головку, лавина снесет его ко всем чертям.

Она пронеслась, не причинив нам вреда, однако можно было ожидать повторного натиска, еще более мощного.

Выхода не было — надо было возвращаться.

Вскоре мы собрались опять на уровне 6200 метров.

Собрались и тотчас принялись устраивать снежные укрытия. Когда все почти устроились, внезапно задул страшнейший ураганный ветер. Снежная пыль полностью замела наше убежище. Я поспешно вышел наружу. Церетели стоял невредимый на своем месте. Глянув туда, где по моим расчетам должны были находиться остальные, я остолбенел: лагерь почти полностью погребла обрушившаяся сверху снежная волна. Ниже, метрах в ста, стоял начальник инструкторской группы без шапки, с всклокоченными волосами, и просил помощи, а чуть ниже, где только что виднелась палатка, валялись рюкзаки — и стоял Поляков. Таким образом, уцелели всего четыре человека: Церетели, Поляков, начальник инструкторской группы и я. Остальные были покрыты толщей снега.

Времени для размышлений не оставалось. Я и Церетели принялись высвобождать людей из снежного плена. К нам присоединился и начальник инструкторской группы, который каким-то образом выбрался сам. Пока мы откапывали инструктора Белецкого и членов моего отряда, и в других группах начали борьбу со снегом. Поскольку начальник инструкторской группы уже четырежды подвергся натиску лавины, его рюкзак поднял снизу я. «Перед вами еще двое под снегом!» — кричит мне сверху Поляков и указывает рукой. Мы начали ожесточенно разгребать снег, наваленный лавиной. Через несколько минут показалась палатка. Ни единого звука не доносилось изнутри. Мы разорвали входной рукав, вытащили наружу корреспондента газеты «Известия», который, к счастью, оказался лишь оглушен и вскоре пришел в чувство, и младшего начальника. Он уже не дышал. Однако мы не теряли надежды и стали делать ему искусственное дыхание. В течение получаса врач экспедиции пытался вернуть его к жизни, но это было невозможно.

— Не было равного Алеше Джапаридзе. Он отличался удивительно трезвым и живым умом, редкой силой воли и неукротимым спортивным азартом. В том же 1936 году, когда было совершено вышеописанное восхождение на пик Ленина, Алеша предпринял шесть попыток его покорения. Из-за отсутствия погоды шесть раз пришлось ему покинуть подступы к вершине, и если бы не старшие товарищи, которые решительно воспрепятствовали ему, он и в седьмой раз, с группой из трех человек, собирался подняться на эту непокорную, вторую по высоте вершину в Советском Союзе.

Но самым большим геройством в биографии Алеша Джапаридзе была победа над Ушбой, Ушбой, которая своими отвесными гранитными стенами так привлекала и притягивала знаменитых альпинистов разных стран.

Покорение Ушбы имеет довольно длинную историю. Счастье первыми вступить на ее вершину досталось на долю англичанина Коккина и швейцарца Ульриха Альмера. Коккин перешел с ледника Гули на Унагиру (Седловину), а затем на северо-восточную вершину в 1888 году.

Мирон Хергиани. Тигр скал.

После того гордая и суровая Ушба будто бы закрыла все пути и стала совершенно недосыгаемой. Начиная с 1888 года в течение пятнадцати лет, несмотря на множество попыток иностранных альпинистов, ни один человек не смог взойти на ее вершину. Выдающийся исследователь горных хребтов англичанин Д. Фрешфильд специально поднялся на Гулбу для выяснения путей, ведущих на Ушбу. Оттуда он пытался изучить склоны грозной вершины, но старания его не увенчались успехом. Убедившись в неприступности Ушбы, он отказался даже от мысли о попытке ее покорения.

Лишь в 1903 году альпинисты добились успеха. Две группы одна за другой предприняли экспедиции на юго-западную и на северную вершины Ушбы. Это были группа Геблинга, Вебера, Рейхтера и Шустера, руководитель — немецкий альпинист Шульце, и группа Пфана и Дистелла. Группа Пфана и Дистелла при восхождении отчасти воспользовалась крючьями, вбитыми группой Шульце.

Проходит двадцать лет и более, и опять все попытки завершаются неудачей. Из нескольких десятков экспедиций лишь одна оказалась успешной.

Таким образом, упорные попытки овладеть этой вершиной, которые на протяжении пяти десятилетий предпринимали известнейшие альпинисты, лишь четырежды завершились победой, остальные возвращались назад со спущенными знаменами и с несбывшимися мечтами. А экспедиция австралийцев, к несчастью, осталась навеки у подступов Ушбы...

Мы не знаем ни одного случая восхождения на Ушбу кого-либо из местных жителей в дореволюционные годы, если не считать народного предания о том, как некогда легендарный герой Муратби Киболани разжег на ее макушке костер.

В 1934 году Алеша Джапаридзе, Гио Нигуриани, Александра Джапаридзе и Иагор Казаликашвили совершили восхождение на Ушбу, явившееся первым триумфом советского альпинизма. В этой экспедиции в полную силу проявились альпинистский талант и замечательные душевные качества Алеши Джапаридзе, первой в СССР женщины-альпинистки Александры Джапаридзе, Гио Нигуриани и известного альпиниста, проводника Иагора Казаликашвили.

Но об этой эпопее пусть лучше расскажет непосредственный ее участник и руководитель Алеша Джапаридзе. Из его книги я узнал очень многое об альпинизме. С лета 1953 года, когда я впервые ее прочел, она стала моей настольной книгой. Она рассказывает о мужестве и взаимовыручке в борьбе с горами, о любви к ним. Эта книга — первая попытка художественного отображения своеобразной жизни альпинистов.

АЛЕША ДЖАПАРИДЗЕ: босыми ногами на Ушбе...

Наша группа на рассвете начала готовиться к выходу.

Мы очень сожалели, что не подоспел Гио Нигуриани, который, согласно уговору, должен был подняться в лагерь до рассвета. Участие в нашей экспедиции уроженца этих мест имело большое значение. Вся Верхняя Сванэти с большим интересом встретила группу и особенно известие о том, что в ней участвует Гио.

Мы уже окончательно утратили надежду на его приход и собрались выходить, когда вдруг на тропинке, ведущей к лагерю, показался человек. Через несколько минут перед нами стоял стройный парень, сильные, какие-то особенные, эластичные движения которого напоминали движения тигра. Это был Гио Нигуриани.

Мы задержались примерно на полчаса и ровно в половине седьмого вышли из базового лагеря.

Снежный кулуар, по которому мы поднимались, оказался сравнительно удобным. На всем его протяжении нам не встретилось ни снежных лавин, ни ледопадов, которые надо было бы обходить. Не понадобилось и рубить ступени. Когда мы были здесь в 1930 году, приблизительно в средней части кулуара, где его сжимают с боков скалы, нам преградили путь большая поперечная расщелина и огромный снежный обвал, перейти через которые было делом весьма и весьма опасным. Тогда этот обвал вынудил нас подняться с высо-

ты 3250 метров на высоту 3400—3450 метров и пройти по высящимся слева боковым скалам, на вершине одной из которых из-за наступления темноты нам пришлось заночевать. Теперь не было необходимости ночевать на скалах, ведь мы вышли рано утром и, если бы не возникло никаких неожиданных отклонений, вполне могли рассчитывать, что в первый же день сможем подняться на 4000 метров, где намечалось установить лагерь II.

...Выйдя на высоту 3650 — 3700 метров, мы достигли самого крутого и опасного участка кулуара. Здесь сопровождавшие нас два носильщика категорически отказались идти выше. Делать было нечего, я разрешил им оставить груз и возвращаться обратно.

Каждый из нас тащил на себе более двадцати килограммов. Распределять еще и этот груз на всех поровну я не считал целесообразным, но и оставлять его здесь было нельзя, потому что ночевать в лагере II без палатки, без примуса, без керосина и без спирта было если не невозможно, то, во всяком случае, очень трудно. Груз разделили между собой я и Сандро Гвалиа. Иагор и Александра помогали нам веревками, а Гио и Леван Маруашвили пошли вперед, чтобы, придя раньше на назначенное место, приискать подходящую площадку для лагеря.

* * *

...К нашему удивлению, Жан Франко протянул нам руку для энергичного рукопожатия и поздравил с победой:

— Молодцы, друзья, замечательно! Сколько смельчаков пыталось сразиться с Северной стеной, но никому не удалось ее одолеть. Да еще за тринадцать часов! Это невероятно!..

Если минуту назад мы со Славой стояли как в воду опущенные, сейчас счастливее нас, наверное, не было никого на свете.

Все поздравляли нас с победой, пожимали нам руки.

...И снова дразняще улыбаются вершины!.. После Франции мы отправлялись на Памир, поэтому начали подготовку здесь же, не теряя времени. Для предвари-

дельной акклиматизации мы решили совершить восхождение на Монблан (4810 метров).

Погода в тот день резко изменилась. Небо завлокло тучами, опустился туман. Видимость была довольно скверная, но все это не произвело на нас дурного впечатления, и планы наши не изменились. Вероятно, нас окрылял успех Гранд-Жораса. На восхождение мы затратили всего пять часов и вернулись домой в отличнейшем расположении духа. В вестибюле отеля нам встретился Жан Франко.

— Не огорчайтесь, ребята, — обратился он к нам бодрым тоном, — ничего не поделаешь, такова наша альпинистская жизнь, то повезет, то нет... впрочем, вам попросту помешала погода.

Жан Франко хотел утешить и подбодрить нас, но когда мы сказали, что были на вершине и идем оттуда, он не смог скрыть своего изумления и восторга.

Маршрут, пройденный Михаилом Хергиани и Славой Онищенко по Северной стене Гранд-Жораса, в их честь был назван «Советским вариантом». Его и ныне никто еще не повторил.

БЛИЗИТСЯ РЕШАЮЩИЙ БОЙ

29 августа в десять часов утра мы уложили в рюкзаки провиант и все необходимое, надели кошки и на веревках начали спуск в небольшой, но очень крутой кулуар, который вчера прошли с Иагором, разведывая дорогу.

На сорок-пятьдесят метров ниже нашего лагеря снежный кулуар или, точнее, снежная лощина примыкает к небольшому скальному массиву, который тянется дальше перпендикулярно лощине и, сворачивая почти под прямым углом к югу, заканчивается вертикальной стеной. Продвигаемся по правому краю снежного поля, держа курс на юго-западный угол, где эта стена понижается, и обойти ее, как мы полагали, будет легче.

Спустя приблизительно полтора часа мы одолели

наконец этот тяжелейший участок. После того мы шли по едва заметному подобию хребта. Его разделяет надвое снежное поле. Одна часть — восточная, другая — на которую мы поднялись, — западная, более короткая, но намного более крутая и обледенелая.

Обе эти части представляют собой арену действия часто срывающихся с вершины Ушбы снежных лавин. Лавины более опасны в западной части, поскольку она крутая и обледенелая. Мы должны были траверсировать ее, чтобы выйти к юго-западному, так называемому, Красному углу скальной стены.

Этот участок является труднейшим на пути к Галстуку.

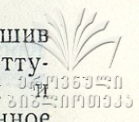
С превеликой осторожностью прошли мы один за другим страшный склон и вышли к северо-западному скалистому берегу оконечности Галстука. Скалы очень отвесны, но поскольку на них нет ни снега, ни льда, менее труднопроходимы и менее опасны. Мы беспрепятственно поднялись наверх и вышли к юго-западному углу южной скальной стены. Высота над уровнем Черного моря достигает здесь около 4300 метров.

У основания стены мы обнаружили следы бивака, который был разбит в 1933 году швейцарскими альпинистами. Небольшая ровная площадка, с одной стороны ограниченная скальной стеной. По всей видимости, бивак рассчитан на двоих, что совпадает и с количеством членов швейцарской группы. Эта «находка» нас очень порадовала. Трудно передать, какую радость, какое душевное спокойствие и веру в себя вселяют в сердце пусть самые незначительные следы пребывания человека в этом царстве снегов, скал и льдов.

Была уже половина четвертого, день склонялся к концу и продолжать путь не имело смысла, но поскольку, во-первых, следовало максимально использовать время, а во-вторых, не мешало выяснить, что ожидало нас за углом, мы решили продвигаться вперед.

Мы прошли вдоль стены около пятидесяти метров. Повернули к западному углу южной стены, и глазам нашим во всем своем величии предстала знаменитая двухсотметровая западная стена Ушбы, снискавшая ей репутацию труднейшей вершины Кавказа и Европы.

Эта стена привлекала всех альпинистов. Многие пытались достигнуть хотя бы ее основания, но боль-

шинство не сумело и этого. Теперь, когда мы, совершив тяжелый переход от первого лагеря до второго и оттуда — до Красного угла, очутились перед стеной и окинули ее взором, стало ясно, что все преодоленное до сих пор — это лишь отдельные столкновения с подлинными трудностями, а та, главная, решающая борьба начнется здесь.

Время поджимало, необходимо было найти подходящее место для ночевки. Но выше Красного угла нигде не виднелось площадки, которая могла бы приютить несколько человек. У основания стены невозможно было улечься и одному. Поэтому мы начали спускаться к Красному углу. Спустившись примерно на тридцать метров, мы обнаружили платформочку, на которой с большим трудом уместился бы один человек. Еще ниже, на несколько метров от первого верхнего «приюта», нашли еще одну такую же платформу. Поскольку Гио и Иагор предпочли спуститься к Красному углу, где была готова «спальня» на двоих, то мы с Александрой остались на гребне южной стены Ушбы.

ПЕРВАЯ СХВАТКА И ОТСТУПЛЕНИЕ

После завтрака мы начали выбирать путь в скалах. Но наметить его издали по вертикальным гладким скалам очень трудно. Глаз задержался на углублении в нижней части стены, напоминавшем камин. Когда мы присмотрелись получше к этому камину, заметили какую-то белую черту, спускавшуюся сверху. Это оказался обрывок веревки, оставленный нашими предшественниками.

Чтобы подойти к основанию камина, надо было идти по карнизу вдоль стены.

Миновав это опасное место, мы очутились у основания камина, на котором висела замеченная нами издали веревка.

Она совершенно прогнила и рассыпалась от одного лишь прикосновения руки. По всей вероятности, она была оставлена здесь в 1903 году экспедицией Шульце.

Кроме веревки мы обнаружили вбитый в стену камня железный крюк.

Камин оказался почти вертикальный. С помощью чуть заметных выступов в скале всем удалось подняться наверх. После первого камня нам встретился второй. Там мы нашли еще два крюка, закрепили на них веревку, оставили тут Александру, а сами вместе с Гио начали подниматься по полке камня вдоль стены. Вышли к третьему камину, где опять обнаружили крюк.

Эти крюки словно бы указывали нам дорогу, и я тотчас решил подняться и на этот третий камин. Но моя попытка не увенчалась успехом: после долгой упорной работы я был вынужден вернуться обратно.

Теперь попытался подняться Гио, но и он вернулся, ничего не добившись.

Поскольку по всем признакам этот камин и являлся единственно возможным путем наверх, мы с Гио в течение почти трех с половиной часов работали, сменяя друг друга, но все наши усилия пропали даром, и мы были вынуждены отступить.

Гио воспользовался моментом и начал излагать свою любимую теорию о том, что Ушба — неприступная вершина, что «на нее никто еще не поднимался, а кто утверждал, что поднялся, — лжет» и все в таком роде.

С тяжелым чувством потерпевших поражение мы вернулись назад. Самым неприятным было то, что нас стало одолевать сомнение: а сможем ли мы вообще подняться на Ушбу?.. Хватит ли у нас сил на это?.. А если нет? Если нам предстоит вернуться «с пустыми руками»? О, тогда наша экспедиция станет предметом насмешек всей Сванэти. Вместо того, чтобы развеять суеверные представления местного населения о недоступности и недосыгаемости Ушбы для человека, безрезультатное завершение нашей экспедиции явится лишь тому подтверждением.

Было уже три часа пополудни, когда мы спустились к камину Александры. Она посоветовала искать дорогу наверху. «Ожидая вас, — сказала она, — я отсюда рассматривала верхнюю часть этой стены, и думаю, что там можно будет пройти...»

Высота нависающего над пропастью карниза стены равнялась приблизительно трем метрам. Я подста-

вил плечо Гио, потом помог ему руками и ледорубом. Через минуту сверху раздался его радостный голос: «Веревку, веревку! Отсюда можно подняться!»

Мы встrepенулись, надежда вновь осветила наши сердца. Усталость словно рукой сняло, и мы были готовы продолжить штурм, но время подошло к четырем часам, да и Иагор ждал нас внизу.

Наконец мы собрались вместе. Иагор и Гио пожелали ночевать у основания южной стены. Александра предпочла остаться на своем месте, у основания камина, и мы по ее требованию привязали ее там веревкой. Мне понравилось ее решение, таким образом она сэкономит ту энергию, которую попусту должна была бы затратить на преодоление нескольких сот метров трудного и опасного пути вниз, к Красному углу, и на обратный подъем утром. Кроме того, Александра для всех нас послужила бы своего рода залогом, который делал совершенно невозможным отступление кого-либо из нас и повелевал всей группе, несмотря ни на что, возобновить штурм вершины. То есть, иначе говоря, путь к отступлению был отрезан.

...С горами шутки плохи, это хорошо знают все горновосходители. В повседневной жизни нам многое прощается, во всяком случае, многое «обходится», но человек, идущий в горы, должен очиститься, освободиться от грехов, от зла — иначе горы не примут его. Если ты не пережил духовного катарсиса, ты обречен на поражение.

Иная вершина с виду спокойная и безобидная, словно овечка. Например, Тэтнулд. Ее называют Невестой Сванэти. Поглядеть, так она и вправду на невесту похожа, красивая, белая, никакой угрозы не сулит. А ведь на этих склонах и разыгралась трагедия 1929 года, когда погибли Симон Джапаридзе и Пимен Двали! И как просто, незаметно все это началось. Ледник шутя, невзначай отправил на тот свет двух сильнейших альпинистов. Вот как описывает гибель Симона Джапаридзе и Пимена Двали единственный свидетель этой ужасной катастрофы, один из основоположников грузинского советского альпинизма Георгий Николадзе:

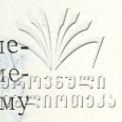

«До скалы оставалось 2—3 сажени, и опасность там была бы уже не страшна, как вдруг случилось это. Пимен стоял обеими ногами на одной ступени и обеими же ногами начал скользить вниз, поначалу медленно, совсем медленно, почти незаметно. Он старался закрепиться с помощью палки, но старания его были тщетны. Я в страхе окликнул Симона, который стоял ближе меня к Пимену, но спиной к нему, и вырубал новую ступеньку. «Пимен, Пимен!» — закричал Симон и поспешно воткнул ледоруб у колен упавшего Пимена. Но ледоруб не помог. Тогда Симон схватил Пимена за плечо, однако уже ничто не могло его удержать, участь его была решена, а с ней и участь Симона.

Скольжение их сперва было медленным. Внезапно словно оторвавшись от земли, они заскользили вниз со страшной быстротой. Я увидел, как у обоих из рук выпали ледорубы и как все быстрее, все стремительнее пронеслись они по правую сторону от меня. Пимен, Симон, два ледоруба, флаг — все умчалось к основанию ледника, потом понеслось влево и исчезло из поля моего зрения. Все смолкло, и только я один остался в этом царстве льда и смерти».

Александра и Алеша Джапаридзе через год после гибели Пимена и Симона, в июле тысяча девятьсот тридцатого, ушли в горы — отомстить за их гибель. В течение четырех дней трижды поднялись они на вершину Тэтнулда. В следующем, тридцать первом году выдающийся грузинский альпинист Сандро Гвалиа поднялся туда с группой в 182 человека. Одним словом, штурм Тэтнулда не прекращался — несколько раз кряду была покорена эта вершина, но все равно она продолжала оставаться коварной и опасной и останется такой всегда. Характер гор неизменен от века.

На склонах Шхары погиб альпинист и скалолаз журналист Гурам Тиканадзе. И это случилось, когда все опасности, казалось, были позади, когда группа готовилась торжествовать победу! Увы, такова участь альпиниста. Он должен одолеть путь, полный миллионов опасностей, но оступись он однажды — и для него кончится все. Ошибка равносильна концу, за ошибку в альпинизме расплачиваются жизнью. Смерть поджидает, выстораживает тебя за каждым выступом, смерть витает вокруг, смерть всюду следует за тобой...

К сожалению, история альпинизма не обделена печальными примерами. Но оглядываться на эти примеры необходимо. Перед трудным восхождением каждому альпинисту тем более не помешает проанализировать ошибки, допущенные его уже погибшими или каким-то чудом все же уцелевшими коллегами, чтобы самим по возможности не повторить их.

С большим тщанием готовились мы к штурму Ушбы. На Зеркало еще не ступала нога человеческая, и ничье лицо не отражалось в нем. Нам суждено было сделаться первооткрывателями, первыми незваными гостями Зеркала, и кто знал, как бы оно приняло нас.

Несколько лет назад я и известный советский альпинист Мышляев задумали штурм Зеркала Ушбы. Чтобы рассмотреть его вблизи и наметить пути, мы поднялись на седловину.

— Коварная вершина... — после довольно долгого молчания проговорил Мышляев. — Сразу видно, коварная. Смотри-ка, это она от злости так сверкает.

— Ты думаешь? — неуверенно сказал я. Но сомневаться в правоте слов старшего товарища не приходилось.

Километровую ледяную стену ярко освещало солнце, и отраженные лучи его слепили глаза. Зеркало Ушбы, холодное и неумолимое, словно сама смерть, смотрело на нас. Ощущение своей беспомощности и бессилия перед ледяной громадой охватило нас. Но, как бы в противовес ему, во мне с особой силой вспыхнуло желание противостоять, схватиться с ним, вступить в яростный поединок. Я вдруг почувствовал, что все тело мое пронизывает дрожь. Так случилось со мной когда-то давно, когда я готовился выходить на борцовскую площадку на районных соревнованиях по грузинской борьбе. Наверное, несколько минут я стоял в оцепенении, а когда пришел в себя, глаза мои по-прежнему были прикованы к стене, и я подсознательно искал в ней трещины, выступы, за которые можно было бы схватиться руками, искал проходимые участки, площадки для ночевки, но не было ни того, ни другого, ни третьего, вернее, о третьем, о площадках для ночевки, и речи быть не могло. И все же помимо воли я ис-

кал — теперь искал места для вбивания крюков, подсчитывал проходимые метры, вычислял, сколько дней у нас ушло бы на штурм Зеркала. Один... два... три... четыре... В общей сложности я насчитал восемь ночевок. Потом я повернулся к Мышляеву, чтобы поделиться с ним своими соображениями, но его уже не оказалось на прежнем месте. Я проследил взглядом за следами и обнаружил его уже несколькими метрами ниже. Он спускался. Я посмеялся над собой: что же я, в одиночку собираюсь штурмовать эту дьявольскую стену? — и последовал за Мышляевым.

«Ты пока еще новичок, послушайся старшего товарища», — сказал я сам себе. Мышляев, обладатель семнадцати золотых медалей, один из мужественнейших альпинистов, пользовался большим авторитетом и любовью товарищей. А я словно бы усомнился в верности его вывода, в его опыте. И это сомнение влекло меня назад. Казалось, Ушба протянула незримую руку и манила к себе, не отпускала...

«Ну попытайся же, может, что и получится!» — искушала она.

— Когда мне надоест жизнь, я представлю в Федерацию альпинизма заявку на северную стену Ушбы и приду на это чертово Зеркало, — сказал Мышляев, когда мы спускались, — а пока что есть у меня одно заветное желание — штурмовать Чатин-тау..

Всю обратную дорогу и весь тот день, и потом думал я о Зеркале. И пытался «воткнуть» в это дело Мышляева. Но на следующий год с вершины Чатин-тау взмыла в небо зловещая красная ракета... Я знал, что на Чатини находилась группа Мышляева в составе шестнадцати человек. Недоброе предчувствие овладело мной.

К сожалению, интуиция редко обманывает — через несколько дней мы спустили в Местиа останки Мышляева и еще нескольких членов его группы. Неугомонный, упорный, он лишь на один год отсрочил свою гибель. Он не был искателем легких путей и не ходил ими. Но какую роковую ошибку допустил он, многоопытный альпинист, осторожный, прозорливый борец, за которую так жестоко и безжалостно отплатил ему Чатин-тау? Ведь Мышляев прекрасно знал излюбленную альпинистскую (и охотничью) поговорку: «Бере-

гись там, где не ждешь опасности». Не только знал, но и сам проповедовал эту сванскую заповедь...

Теперь у меня не было выхода. Я должен был искать другого товарища в этом рискованном деле.

После целого ряда горестных событий, неудач и провалов необходимо было одержать триумфальную победу и восстановить душевную бодрость и утраченный или поколебленный престиж. Зеркало Ушбы могло помочь в этом грузинским альпинистам. И вот, после долгих размышлений и раздумий я обратился к моим ближайшим друзьям: Шалве Маргиани, Джокиа Гугава, Гиви Цередиани, Джумберу Кахиани, Шота Чартолани, Михаилу Хергиани-младшему... Наверное, они верили мне и несомненно понимали сложность дела и его значительность. Без колебаний, без «посоветуемся дома» дали свое согласие. Это было в 1959 году, но ни в тот год, ни в следующий нашему желанию не суждено было осуществиться. Заявку на штурм Зеркала Ушбы по разным причинам не утверждали.

Наконец, в 1964 году, пять лет спустя, долгожданное свершилось — экспедиция была утверждена.

* * *

...31 августа мы встали очень рано и вышли на знакомую тропу. В десять часов утра мы были у Александры, которая отлично выспалась и чувствовала себя вполне бодро.

После недолгого отдыха на верхней полке камина Гио подставил мне плечо и помог подняться на ту стену, куда вчера таким же образом забирался сам. С помощью веревки за мной поднялись и остальные.

Некоторое время мы продвигались по гребню скалы, хотя и с большим трудом, но без особых препятствий, и вскоре опять попали в тупик. Справа и слева возвышались совершенно вертикальные стены.

Мы исчерпали все возможности, пытаюсь как-нибудь преодолеть эти стены. Я с Гио попытался обойти их; но все старания оказались тщетными — прохода не было. Оставалось одно: штурмовать желоб.

По всему было видно, что ни один из наших пред-

шественников не пытался подняться этим путем. Но на поиски того пути, которым прошли они, мы затратили бы много времени. Поэтому решили не отступать до последнего.

Целый час мы с Гио, сменяя друг друга, упорно штурмовали желоб. Но все было напрасно: мы никак не могли одолеть гладкую поверхность. В конце концов мы окончательно выбились из сил. Продолжать эту борьбу было уже бессмысленно.

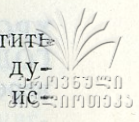
Еще один отчаянный натиск — Гио снимает джабралеби и босиком пытается вскарабкаться на гладкую стену. Его попытка дает результат — босые ноги закрепляются на стене! Гио карабкается вверх, почти до середины желоба и успевает вбить крюк в трещину. Таким образом решил один из главнейших вопросов нашего восхождения. Хотя и с невероятным трудом, но стена была взята...»

* * *

«Что вы потеряли на этих скалах, или земли вам мало? Чего вы убиваетесь?» — часто слышал я этот упрек, и особенно часто — после тяжелых, трагических восхождений. Друзья, родственники жалеют нас, негодуют на нашу страсть, роковую и пагубную для нас и наших близких. Где-то мы едва не разбились, еще где-то — едва не замерзли, зачем, чего ради!? Ответить на этот вопрос трудно. С чисто практической точки зрения — и правда, что мы там потеряли, среди льдов и снегов, среди пустынных диких скал, на неприступных вершинах, где только ветры и облака... Подика объясни, что движет тобой, объясни и убеди человека в том, что там для тебя уже не имеет никакого значения — быть или не быть.

Ты можешь напомнить людям 1942 год, бои за Кавкасиони, где столь важную роль играли альпинистское искусство и мастерство. Может, и оставят тебя в покое... Но ведь это лишь одна сторона медали!..

Для меня, например, каждая непокоренная вершина — мечта, воплощенная в необъяснимый, но конкретный предмет, волшебство, которое вдохновляет каждого из нас и движет нами, грань, воздвигнутая между возможным и невозможным. Ты во что бы то ни ста-

ло хочешь покорить ее, иначе говоря, хочешь воплотить в реальность заветную мечту, грезу своего сердца, души своей. А что может быть на свете прекраснее исполнения мечты, достижения заветной цели?

Альпинист идет по волосяному мостику над пропастью, мостику, который шатается, прогибается и в любую минуту готов сломаться, может, в эту самую минуту, может, чуть позже, бог знает, когда! Наверное, потому альпинист, подготовившийся к экспедиции, напряжен до предела. Огромное внутреннее волнение отключает его от всего — кроме вершины, которая его ждет.

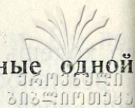
Говорят о нас, об альпинистах, что мы — люди неразговорчивые, скупые на слова. Да, это правда. А ну попробуйте, войдите в мастерскую художника в то время, когда он находится в состоянии творческого процесса. Да он не только не станет с вами беседовать, он, возможно, и двери вам не откроет. Так и в горах. Горы для альпиниста — та же мастерская. Здесь не лепят, не чеканят, не рисуют, не пишут — но здесь идет та же творческая работа, вернее, некий абстрактный творческий процесс. Альпинист не создает ничего конкретного, осязаемого, он просто поднимается на вершину и спускается с вершины. Возможно, после него не останется и следов на скалах и льдах; он ни перед кем не похвастает — вот, мол, ценой стольких трудов я создал то-то и то-то. Но его жизнь? Жизнь, которая невредимой вернулась вниз, в долину. Ведь он носил эту жизнь по смертельным тропам над пропастями, по коварным гребням и склонам, он испытал непередаваемую радость победы, не сравнимую ни с какой другой, радость от сознания величия духа человека. И эту его жизнь, это величие духа увидят и другие, и прочтут, как книгу мужества, силы и отваги, книгу любви и верности, благородства и великодушия. Истинный альпинист никогда не покинет горы — как моряк не покинет моря и поэт — стихов. Не покинет, пока цела, пока не порвалась его веревка...

Мирон Хергиани. Тигр скал.

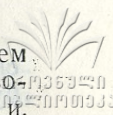
ХРОНИКА СНЕЖНОЙ УШБЫ 1943 ГОДА ГОДЖИ ЗУРЭБИАНИ: Мы идем, связанные одной веревкой...

— Остались позади около десяти биваков, устроенных нами с таким мучением. Осталась позади целая вереница кошмарных ночей, подобные которым, наверное, и не снились никому и представить которые не под силу фантазии и воображению человека. Кошмарные ночи! Да разве только ночи!.. Ночи и дни. Они походили друг на друга, словно луны воскресенья и понедельника. Казалось, весь мир провалился в бездну и только мы одни каким-то чудом застряли и повисли на утесе Ушбы. И одно, что постоянно, ежесекундно напоминало нам о себе, — это бешеный вихрь, круживший между гранитных скал с воплями и завыванием, вихрь, который проникал в нашу погребенную под снегом палатку и ледящими руками сжимал нас в объятиях.

И был еще голод. Он терзал нас, грозя задушить, он представлял нашему измученному воображению бесчисленные видения, видения праздников, которые справлялись где-то далеко внизу оставленными нами людьми, видения застолий и кутежей, огромных медных котлов, в которых клокотали, одурманивая ароматом, различные яства, он являл нам разложенные порциями на низеньких столиках жирные куски мяса, разлитую виночерпиями по стопкам водку, которую пьют для аппетита... и бог знает какими еще видениями соблазнял нас голод... Во рту набиралась слюна, целое море слюны, которое готово было нас затопить. Никто не знал, в каком уголке иссохшего, измученного голодом и жаждой организма собирался такой неисчерпаемый запас этой таинственной вязкой жидкости... А как соблазнительно журчали благодатные минеральные источники, соленые и кислые воды Местиа, Мулахи и Кала... Минеральные воды, отдающие терпким привкусом тмина, разливающиеся по телу живительным нектаром!..

Под конец беспорядочное порхание в мире галлюцинаций и видений завершалось одной и той же тысячу раз мерещившейся картиной: в бездонные пропасти катился, подпрыгивая, взлетая, исчезая из глаз и вновь появляясь, рюкзак Мухина, который выхватил у него ветер и в котором было припасено кое-что на черный

день. Рюкзак, катившийся по утесам Ушбы, в нашем затуманенном сознании метеором срывался с небосвода, описывал какой-то чертов круг в пространстве и, вертясь и кувыряясь, исчезал где-то в небытии, в нигде... Потом он вновь начинал маячить, и все повторялось сначала. Теперь уже у рюкзака выросли человеческие плечи, человеческие глаза были устремлены на нас, у него были и руки, он садился на утес и с грохотом, неуклюже переворачиваясь, опрокидывался в пропасть. Это повторялось раз, другой, третий... И никто не думал, как же рюкзак выдерживал бесконечное падение по скалам и пропастям...

Потом мы протягивали руку к Алеше — это инстинктивное движение привязалось к нам с тех пор, как он роздал нам, изнемогающим от голода, припрятанные на черный день дольки шоколада. Сильный взмах головой — и видение исчезает. Его сменяет другое...

Но теперь мы вместе шагаем вниз. Наконец-то мы вырвались из когтей метели, из когтей голода, жажды, холода... Сейчас мы — как путешественники в пустыне, которые вот уже целый месяц блуждали в песках, мучимые жаждой и голодом, и увидели вдруг где-то на горизонте очертания зеленого оазиса. Вдохновленные прекрасным видением, они из последних сил устремляются к нему...

И вот мы вновь на земле людей, земле, согретою не солнцем — теплом людских сердец. Еще несколько шагов, и мы упадем перед пылающим очагом, возле которого разлит аромат сванских хачапури и испеченных на раскаленных углях хлебов. Еще немного — и шестерка снежных фигур оттает, стряхнув с плеч ледяные эполеты, и в теле каждого воцарится весна...

Еще немного!..

Но пока что впереди дорога, которая нас не пугает, которую мы одолеем, потому что самое страшное — позади. Эта дорога для нас ничего не значит... Только терпение, и еще раз терпение, терпение, терпение!.. Святой Георгий явился Чорла, попавшему в беду, Чорла — ненасытному охотнику, но верующему человеку, — мы тоже нуждались в помощи святого Георгия...

Миرون Хергиани. Тигр скал.

— Святой Георгий, стукни Райзера, чтобы он не сгребал по дороге холодный снег, стукни, а то потом будет поздно, стукни его по той руке, заставь выплунуть растаявший снег, обманчивый и коварный...

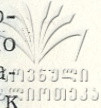
Теперь мы идем, связанные одной веревкой, пропущенные одной мыслью, охваченные одной надеждой. Шесть жизней прокладывают дорогу домой, к земле людей. Но еще остались, еще подстерегают нас и снежные мосты, и трещины...

ХРОНИКА СНЕЖНОЙ УШБЫ 1943 ГОДА. **АЛМАЦГИР КВИЦИАНИ: помин по семерым мужам**

— Я в жизни не помню, чтобы выпадало столько снега. И никто в Львином ущелье не помнит подобного. Кровли домов и улицы сравнялись друг с другом, больше того — снежный покров улиц оказался выше крыш двухэтажных домов. Кое-где переломились прокопченные стропила, провалились крыши; сосед, здоровенный детина, разгребая снег с крыши, провалился — ветхая дранка не выдержала тяжести и он вместе с ней рухнул вниз. Еле вытащили его, разбитого и замерзшего. За Кавкасиони, на севере, свирепствовала, лютвала война, и природа словно злилась на пока еще оставшихся в селе двух-трех мужчин, обрушила на них все сметающий на своем пути ураган. Тем, кто был на перевалах Бечо и Мазер, навсегда запомнится зима 1943. Сколько снега обрушила она на горы! И поминки деревня правит на снежном поле. Из соседних деревень, вооруженные лопатами и заступами, шли женщины в черном.

Какое странное зрелище являли эти поминки на снежном поле. Черного было так много, что, казалось, черный и белый борются друг с другом. Только-только успокоился Кавкасиони, бездны поглотили вражеские полчища, бездны и непроходимые ущелья, неприступные перевалы... А теперь с неба сыпал и сыпал снег, и это было тоже как нашествие.

Люди в оцепенении смотрели на отрешенное, уже изменившееся лицо погибшего и что-то невнятно бормотали. То была молитва впавших в отчаяние. Они молили

Элиа, властелина погоды, смилостивиться над ними, просили покровительства. Махвши, старейшины, то и дело выходили на порог и устремляли скорбные глаза к набухшему влагой небу — может статься, изменится к добру погода. Но не видно было нигде признаков перемены, ниоткуда не светила надежда...

Потом они оборачивались на север, но где он, север? Ничего не было вокруг, кроме вздыбленного белого пространства без конца и края... Старики коленопреклоненные молили святого Георгия ограничиться гибелью одного мужа в ущелье и с миром возвратить ушедших на Ушбу...

День следовал за днем. Плач и причитания звучали в домах.

Вырыли в снегу могилу. Проводили погибшего юношу с заупокойными песнопениями. Никогда прежде не слышал я более душераздирающих песнопений в Львином ущелье... Все село оплакивало его и вместе с ним оплакивали тех шестерых. Одного несли в гробу, а шестеро мнились мертвыми там, на Ушбе, среди невиданных снегов и холодов той зимы, на грозной Ушбе, откуда и в спокойную погоду редко кто возвращался целым и невредимым.

Вот уже больше недели об этой шестерке — ни слуху, ни духу.

Потом выпили за упокой всех вместе. За упокой Алеши Джапаридзе, Келешби Ониани, Годжи Зурэбиани, Мухина, Райзера и Тэлемаха Джапаридзе. Из шестерых трое были местные уроженцы, сваны из Львиного ущелья, но какое имело значение, кто местный, а кто пришлый — всякий, кто боролся с горами, кого влекли высоты, кто стремился к солнцу — все они равно любимы...

И вдруг кто-то крикнул: «Идут! Идут!..» Народ всполошился, все повскакали с мест, все, напрягая зрение, стали всматриваться вдаль, где среди белых просторов, двигаясь и не двигаясь, завиднелись черные точки...

— Идут!.. Идут! — раздавались крики, полные надежды и радости.

Мирон Хергиани. Тигр скал.

И вот уже стало видно: да, идут! Один за другим движутся, протаптывая свою трудную тропу.

Впереди — Тэлемах Джапаридзе, могучего сложения, могучей воли. За Тэлемахом — Райзер. А за ним все остальные — друг за другом...

Только потом, когда все уселись вокруг теплог очага, застонал Тэлемах. Застонал и повалился назем. Повалился, растянулся, распростерся на полу. И как от тепла весеннего солнца подтаявшие сосульки отпадают, срываются с кровли, так оттаяли и отвалились Тэлемаха ступни ног, отмороженные по щиколотку. Тэлемах как-то беспомощно огляделся вокруг, словно устыдившись этого единственного своего стона, и краска залила его лицо...

Присутствующие опешили, оцепенели, ничего не понимая, что же это творится, великий боже, что же происходит! — перед ними лежал безногий человек, тот самый, который вел группу, шел впереди всей группы и тащил на себе самый большой рюкзак. И он лежал теперь на полу...

Райзер пролепетал что-то и смолк, потом из глотка его вырвался хрип, хрип, который затмил ему разум. Святой Георгий отвернулся от него и вынес страшный приговор.

Но все равно — они одержали победу над вершиной! Ну и что же, что не было ног у Тэлемаха — сколько здоровых и целых людей на свете, но ни один из них не взошел на зимнюю Ушбу! Зимняя Ушба стоила ног!..

Только Райзер, единственный из шестерки отважных, не был на земле — он унес с собой свое настроение, свои мысли, и никто не знал — радовался бы он или сожалеет. И того не знал никто — что сулила каждому из оставшихся звезда судьбы. На коварных дорогах к вершинам никто никогда не знает, чего ждать.

* * *

Алеша Джапаридзе не умел отступать. Невзирая на все препятствия, он неуклонно стремился к победе. «Победа или смерть!» — было его девизом. И никогда никто не видел его побежденным. Но осенью 1945 года в первый и последний раз, изменила ему судьба. Он пал жертвой своей обожаемой Ушбы. Группа из трех че

человек, выступившая на штурм Ушбы поздней осенью, провела шесть ночей подряд на вершине из-за непогоды. На седьмую, роковую ночь свирепый ветер с севера навеки смел с лица земли бесстрашную троицу — Алешу Джапаридзе, Келешби Ониани и Мухина. Вместе с палаткой погрузились они в ледяное безмолвие.

Экспедиция Северной Ушбы, организованная в память погибших в августе 1946 года на Северную стену в составе Габриэла Хергиани, Бекну Хергиани, Годжи Зурэбиани, Чичико Чартолани, Максиме Гварлиани, Александры Джапаридзе и руководителя группы Ивана Марра, принесла с грозной вершины несколько достопримечательных записок. Эти записки дают представление о тяжелейшем положении, в котором очутилась группа Алеши, и о том мужестве, с которым она, вопреки всему, продолжала стремиться к цели.

«...Поднялись на седловину дорогой Коккинса, средним ледопадом. Из-за сильного вихревого ветра провели на седловине шесть ночевков. Из-за погоды и приближения контрольного срока (6.X) отказались от восхождения на южную стену Ушбы и при плохих погодных условиях поднялись на северную. Спускаемся к плато Ушбы. Ночуем на самой вершине».

«На вершине обнаружили записку группы А. Маленинова, датированную 7/IX 1940 года».

«Мы находимся в палатке, снаружи сильный снегопад. Завтра обязательно должны быть на плато Ушбы. Начали спуск 6/X в 12 часов, несмотря на снежный вихрь...»

Это был последний крик, которым они возвестили миру о себе. Алеша Джапаридзе навечно остался в горах, вместе с небесными вихрями и ветрами, осиянный немеркнущим светом звезд.

Ушба! Это имя внушает страх и в то же время звучит как вызов.

Ушба — воплощение суровости, непреклонности, своеобразия. Так известна она повсюду, у нас и за рубежом. В Англии существует «Клуб ушбистов», в члены которого принимают только сильнейших альпинистов мира.

Ушба — самый взыскательный и беспристрастный летописец альпинизма в Советском Союзе.

Сколько принесли ей в жертву свою душу взамен обрели вечную обитель в ее льдах и снега. Сколько вернулись назад с ее подступов, вернулись несбывшейся мечтой, побежденные и разбитые, но не отказавшиеся от реванша в будущем.

Да, альпинисты берут реванш и мстят за погибших друзей. И когда мужчины с ледорубами и ледовыми крючьями в руках, с кошками, с тяжелыми рюкзаками и большими надеждами уходят в горы, они идут не только на штурм вершин, но идут и отомстить за своих погибших товарищей, бледными призраками глядящими на них с недосягаемых пиков...

ЗЕРКАЛО

— По различным соображениям мы разделили предштурмовые приготовления на три этапа.

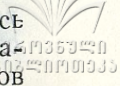
В первую очередь мы сочли необходимым окончательно укомплектовать основную группу, заготовить технически соответствующее району Ушбы и собственно Зеркала снаряжение и испытать его во время предварительных восхождений.

В программу физической подготовки мы внесли специальные упражнения, восхождения технического характера на крутые стены и скалы отрицательного уклона, качественные данные которых с точки зрения трудности и крутизны приближаются к Зеркалу Ушбы; скалолазание и лыжные тренировки зимой 1966 года; охоту, выполнение работ различного характера как то: заготовка дров, строительного камня, прополка картофеля, ограждение сенокосов¹.

Второй этап предусматривал целый ряд высотных восхождений в районах Центрального Кавказского восхождения на стеночных участках, чтобы иметь возможность отбора и укомплектования штурмовой группы и окончательного формирования ее основного ядра. По

---

¹ Сенокосы в Сванэти обычно расположены на труднодоступных склонах.

сколькx предштурмовые восхождения предполагались утомительными и тяжелыми, требующими большой затраты сил, не исключено было, что кто-либо из членов экспедиции может отказаться от штурма Зеркала Ушбы или, что весьма возможно в горах, получит травму или впадет в душевную депрессию. Мы придавали особое значение предштурмовым восхождениям; помимо тренировки, они для каждого из нас должны были быть своего рода испытанием сил.

Третья наша задача состояла в подробнейшем изучении основного маршрута. Члены штурмового отряда должны были поглядеть на стену, внимательно ознакомиться с ней и окончательно решить, в каком направлении следует ее проходить. Надо было также выяснить возможности устройства базового лагеря в районе большого кулуара Ушбы — Чатини-Чаладского ледника.

Но прежде чем идти в горы, мы решили поглядеть с воздуха на поле предстоящих сражений. Летчики кустанского аэропорта, уроженцы Местиа, с радостью согласились стать нашими воздушными проводниками над перевалами Кавкасиони.

Осмотр Ушбы с воздуха еще более раззадорил нас и оказался весьма полезным. Но мы хорошо знали, что поспешность пагубна в любом деле, а тем более — в нашем. И продолжили рекогносцировку. С 20 июня по 10 августа наша группа совершила всего шесть выходов из Лагами к подступам Ушбы. На основании тщательного визуального изучения «нашей стены» мы составили микрокарту Зеркала. Весь маршрут, который предстояло пройти, разбили на районы и участки. Наметили места ночевок, предусмотрели их характер — в основном холодный. Надо было подготовиться к ночевкам в гамаке. Это создавало множество забот для каждого. Никто из нас не был привычен к холодным ночевкам. Неизвестно было, как перенесет тело «приветривание» на ночном горном воздухе в объятиях веревки.

По поводу преодоления стены было высказано множество различных мнений и взглядов, но в конце концов мы все-таки выработали единый, приемлемый для

Мирон Хергиани. Тигр скал.

всех маршрут. Предусмотрели и участки возможных отклонений от него.

Шестикратное наблюдение глубоко убедило нас в том, что «наша стена» не могла блистать «хорошим поведением». Я имею в виду замеченный нами интенсивный камнепад вдоль всей восточной стены, который не прекращался с восхода солнца до темноты, кроме того, временами с вершины стены сходили снежные лавины, порой с треском, грохотом и гулом падали сверху обломки льда.

Мы избрали, кажется, сравнительно «спокойный» маршрут. В целях безопасности мы решили дополнить нашу экипировку шахтерскими шлемами. Раздобыть их в Сванэти было делом нелегким, помогли пожарники Местиа — дали нам свои каски.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОТСТУПЛЕНИЕ!..

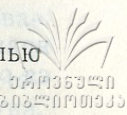
И вот настало время приступать к осуществлению нашего плана предштурмовой подготовки. Прежде чем выступить в путь, каждый член экспедиции застраховался в местийском отделе соцобеспечения.

Как уже говорилось, до штурма Зеркала мы должны были совершить испытательные восхождения. Мы наметили вершины, близлежащие к Ушбе и сходные с ней по рельефу и труднодоступности.

Идея этих восхождений на Сванэтский Кавкасиони оправдывала себя и тем, что мы получали возможность акклиматизироваться в условиях района Ушбы.

Сначала мы атаковали Южную Ушбу. Это восхождение решено было посвятить памяти нашего духовного отца, замечательного человека и блестящего альпиниста Габриэла Хергиани. Подниматься на Ушбу по его маршруту довелось немногим.

Маршрут Габриэла в свое время считался труднейшим, но со временем его настолько освоили грузинские и зарубежные альпинисты, что Южная Ушба перестала отпугивать. Проложили этот маршрут вместе с Габриэлом Бекну и Бесарион Хергиани, Чичико Чартолани и Максиме Гварлиани. Они штурмовали Ушбу, пройдя от ледника Гули по юго-восточной стене. В сванских джабралеби, с простой конопляной веревкой

поднялись на вершину и возвестили Львиному ущелью
конец легенды о неприступности Ушбы.

Это было в 1937 году.

...После Муратби были Алеша и Гио. А после них
был Габриэл...

Наша группа оставила позади вершину Южной
Ушбы пятой «б» категории трудности и взяла курс на
возвышающийся к востоку Пик Шуровского (тоже пя-
той «б» категории трудности). Его мы покорили с севе-
ро-восточной стороны.

После того начался штурм Малой Ушбы с плато.
С плато и с Малой Ушбы мы продолжали визуальные
наблюдения за «нашей стеной». Особое внимание об-
ращали на ее «поведение», потому что больше всего
опасались опять-таки камнепадов и лавин.

Предварительные восхождения завершились по-
корением Центральной Шхелды с северной стены (пя-
тая «б» категория трудности).

Во время этих восхождений, которые продолжались
с 10 июля по 10 августа, мы прошли три стенных марш-
рута пятой «б» категории трудности и совершили не-
сколько восхождений высотного характера. Каких-ли-
бо изменений в составе основного штурмового ядра не
произошло. Члены экспедиции вошли в хорошую спор-
тивную форму и были готовы к выполнению главной за-
дачи.

8 августа группа вышла из альпийского лагеря
«Шхелда» и снова пришла на плато Ушбы, чтобы на-
метить путь отступления. Не исключено было, что по-
года или еще какое-нибудь препятствие заставит по-
вернуть назад. Правда, до сих пор мы и не помышляли
о пути отступления, но неожиданно, когда, пожалуй,
все дела были закончены, Пирибе Гварлиани завел речь
об этом проклятом отступлении. Во время штурма Зер-
кала руководство группой поручалось ему. И, вероят-
но, в его компетенцию входило наметить на всякий слу-
чай вспомогательный путь и путь отступления.

— Э-э, говоришь, тоже! Отступление!.. — сплюнув
сквозь зубы, пробурчал Шалико Маргиани. — Чем воз-

вращаться с плато Ушбы, мне лучше вовсе не спуститься оттуда, понял?

Но Пирибе настойчиво требовал возвращаться, а он был нашим начальником. Умение отступать вовремя альпинисту так же необходимо, как и умение идти вперед. В альпинизме отступление иногда — ступень к победе, как и на поле боя. Не помню, кому из знаменитых альпинистов принадлежат слова: «Да здравствует отступление, ибо все другие пути исчезли».

Итак, направились к плато Ушбы. Ребята скрежетали зубами от злости, обвиняли Пирибе — все это твои фокусы, но подожди, спустимся в Местиа, мы тебе покажем!..

Лишь позднее мы оценили, сколь полезным оказался для нас этот путь назад. Этот путь назад убедил нас в том, что основной лагерь надо разбить на середине кулуара, пролегающего на пересечении Чатини с Северной Ушбой, у основания Черной скалы, словно бородавка торчащей на 3500 метров над уровнем моря. Вспомогательный и наблюдательный отряды должны расположиться в конце Чаладского ледника, на гребне Легвмерского хребта. По мере продвижения вперед штурмовой группы вспомогательная группа должна постепенно отходить назад, перейти на ледник Гули и ожидать нас там.

Благодаря этому пути назад мы сумели также составить план трассы и перенести его на бумагу.

С точки зрения рельефа и уклона мы разделили маршрут на четыре части:

1. Комбинированный участок. Уклон в среднем 65 градусов,
2. Скалистый склон, 95 градусов,
3. Комбинированный участок, 65 градусов,
4. Предвершинное снежное ребро, 35 градусов.

Горизонтальное расстояние от исходного пункта до вершины составляет не более трехсот метров, а разница высоты между основным лагерем и вершиной Северной Ушбы — приблизительно 1300 метров. Если же исключить из общего объема уклон предвершинного гребня, не превышающий 35 градусов и потому мало-значительный, уклон так называемого Зеркала Ушбы достигнет в среднем 90 градусов. Разумеется, уклон не

равномерный на всех участках, местами он увеличивается, местами уменьшается.

9 августа мы осмотрели подступы к стене с южной стороны Чаладского ледника. 10 августа были в Местиа. Здесь, отдохнув, мы еще раз мысленно проследили маршрут и вместе с начальником нашей экспедиции, заслуженным мастером спорта Сандро Гвалиа, руководителем группы наблюдателей Бекну Хергиани и другими продумали каждую мелочь. Опираясь на наши впечатления и наблюдения, проанализировали маршрут, вычислили время, необходимое на штурм. Установили, на каком участке кто с кем будет в связке. Выход на маршрут назначили на 12 августа. Для отдыха осталось всего два дня. Этого было недостаточно для того, чтобы собраться с силами, но мы боялись потерять форму, а также упустить погоду.

НОЧИ ТЯНЬ-ШАНЯ

— Воды!.. Эй, кто там... воды-ы!..

К стону присоединяется вой и свист ветра. Те, кто лежат в палатке, слышат, но у них своя беда, своя работа. А глас вопиющего снова и снова разрывает безмолвие, нарушаемое лишь безумными завываниями ветра.

— Воды!.. Помогите, воды!..

В соседней палатке, где лежат двое, начинается возня.

— Скорее, Минаан, скорее... — дрожащим голосом просит лежащий в спальном мешке обессиленный человек, — помоги ему, Минаан, жалко его...

Минаан не отрывает глаз от посуды, стоящей на включенной газовой плитке. Посуда полна снега. Снежный ком постепенно опускается вниз ко дну, тонет в кипящей воде, словно корабль.

«Скорее, скорее, скорее!» — звонят невидимые колокола.

Но снег упрямится, это перевоплощение ему не-

приятно, и он старается продлить минуту, секунду своего изначального существования...

Минаан подходит к больному. Тот дышит хрипло и стонет...

— Давай руки!

— Руки? — удивляется стонущий.

— Давай руки, понял?

— Руки? — он напрягает сознание.

— Да, да, руки.

Медленно, с трудом больной выпрастывает из спального мешка обмороженные руки и опускает вдоль тела.

Минаан начинает яростно их массировать, согревает своим теплом. Сильными пальцами растирает замороженные мышцы, растирает, мнет, массирует — точно месит тесто для хинкали.

— Нет... нет... не надо!.. — сопротивляется больной.

— Молчи... молчи, это необходимо!

— Не надо... нет!.. — он пытается высвободиться, но сил не хватает.

Котелок пыхтит, клокочет, но снег все еще не растаял полностью. У Минаана есть время: пока снег превратится в воду, он может работать.

— Дай ему воды, дай... — говорит больной.

— Пока не растаял, понимаешь? Не растаял, будь он неладен!

Минаан продолжает растирать, месить руки, они постепенно согреваются, в застывших капиллярах начинает двигаться кровь.

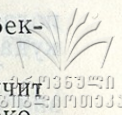
— Сперва дай ему воды, сперва ему... — больной продолжает сопротивляться, пытается высвободиться, но Минаан с такой силой держит его руки, словно борется с палаваном во дворе церкви Спасителя. И стоят, смотрят на их поединок — по одну сторону лагамцы, по другую — сэт-местийцы.

— Не осрами нас, Минаан, — подбадривают его свои.

— По справедливости, по справедливости, без пристрастности, — кричат и сэт-местийцы.

Стоит несмолкаемый гул.

— А ну, Минаан, давай! Сам знаешь, Минаан, не подкачай! — раздаются отовсюду голоса. Тэтнэ Антол

кричит из Ланчвали, отец тоже что-то говорит, а Бекну молча объясняет что-то знаками.

«Скорее... скорее... скорее...» — вопит ветер, стучит в борта палатки. А котелок булькает, пытит, клокочет. Белый корабль потонул.

— Я скоро приду, слышишь, скоро приду... — громко кричит Минаан товарищу и укутывает ему руки, укладывает в спальный мешок. — Я сейчас же вернусь...

— Воды!.. Воды... — доносится из соседней палатки.

— Воды! Воды-и-и!.. — визжит, стучаясь о борта палатки, ветер.

Минаан ползком продвигается к палатке. Пространство, кажется, трепещет в тисках льда, вой и свист ветра плачем и причитанием отдаются вдаль. Ни мерцания звезд, в чьих владениях они сейчас находятся, ни каких-либо других ориентиров. Все объял непроглядный мрак. Не существует больше городов, освещенных яркими лампами, ни переливающихся блестками солнца морей нет на свете, ни уютной проселочной дороги, которая ведет к дому и теплу. Есть только мрак, только снег, только льды и ветер. Есть бездна и морок, и глас вопиющего в этой пустыне, и страх смерти. Пляшет он, страх, поет победную песнь. Смерть вот-вот схватит их. Это смерть кричит «воды-и-и-и-и-и!» жутким, убийственным голосом. Какой же страшный, леденящий кровь голос у смерти, голос таинственный — зов того света...

Как сапер, ползет он по снегу. И, как саперу, ему нельзя ошибиться. Пропасти, острые утесы слиты с мраком, они коварно затаились, они — невидимки. Минаан знает их повадки — осторожно, очень осторожно, по-кошачьи цепко продвигается среди тысячи невидимых смертей. В памяти всплывает обрывок стихотворения, сказанного товарищем во время какого-то застолья: «Здесь утес и там утес, коль умру я — ну и что ж? Уцелею? — Ну и что ж!». Но сейчас жизнь остро необходима, жизнь вдвойне, втройне необходима — смерть бродит вокруг да около, она всегда начеку.

Со всей осторожностью, на которую способен, он

ползет по чертову ребру к другой, соседней палатке, откуда доносятся стоны и мольбы.

Только бы не замерзла вода, только бы не заморозил ее этот ледяной ветер! Но торопиться нельзя.

— Воды... воды!.. Воды!..

— Вот вода! Я принес воду, принес! Не бойся, я здесь, с тобой!

В палатке четверо лежат. Пятый с трудом находит себе место. Он чувствует, как встрепенулись при звуке его голоса эти одеревеневшие от холода тени. Один из лежащих даже приподнимается и протягивает к нему руки.

— Дай... дай воды!.. — бормочет он.

— Обожди, ну что ты, обожди чуточку! — уговаривает его Минаан.

— Дай мне напиток, скорее!.. — требует жаждущий.

Минаан знает, что этими обмороженными руками он не удержит не то что котелок, а спичечный коробок. Ведь если прольется драгоценная жидкость, надо начинать все сначала.

— На, пей, я буду держать, а ты пей, только не сразу, пей маленькими глотками, понемножку...

Жаждущий приникает к воде. Не отрываясь, осушает весь ковш. Потом, переведя дух, просит осипшим голосом:

— Еще... дай еще воды!..

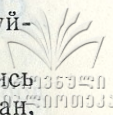
— Но как же все это произошло? — спрашивает его Минаан.

— Расскажу, когда будем внизу, вот спустимся и расскажу...

Теперь Минаан берется за его руки. Закатывает ему рукава и начинает с силой растирать, массировать, разминать. Он знает, что все это тщетно, безрезультатно, бессмысленно, но все равно — он будет растирать, мять, массировать, будет делать все возможное до конца, ибо это его долг. Пока хватит сил, он будет работать. Но смерть уже позвала — все напрасно теперь и поздно. Микел-Габриэл¹ шел по их следам, карабкался, перепрыгивал с утеса на утес, не терял их из виду. Он не уйдет с пустыми руками, Микел-Габриэл преодолел

---

¹ Микел-Габриэл — ангел смерти.

уйму пропастей и круч и теперь уж ни за что не уйдет с пустыми руками...

— Да, но как это произошло, почему вы очутились в таком положении? — повторяет свой вопрос Минаан, обращаясь к четвертому. Он должен узнать эту историю, совершенно непонятную и удивительную, — что произошло с этими людьми, всего несколько часов назад здоровыми, полными сил и энергии?..

— Да вот... спустимся вниз... и я тебе... расскажу... там все... расскажу... — прерывисто отвечает четвертый.

В их беседу вмешивается второй: уверенным голосом человека, не утратившего надежды, он говорит:

— Я и Илико сняли с себя рюкзаки и оставили их у ребят, зачем было таскать понапрасну. Ну и вот, мы оставили их и отправились искать письмо Ерехина. На вершине нашли записку Абалакова, которую он оставил там в 1956 году. Мы хотели как-нибудь снять письмо Ерехина...

Четвертый хочет что-то сказать, но язык не повинуется ему. Он хрипит что-то невнятное, наконец ему удается выговорить слова:

— Минаан... мне тебя так жаль, что ты не был на вершине!..

— Какая у вас была погода? Мы-то там наверху друг друга не могли разглядеть, такой был туман. В одном месте я и Джумбер сорвались, но, к счастью, веревка где-то застряла и мы чудом спаслись. Тогда я и повредил это плечо... — сказал третий.

— Когда мы вернулись назад, погода изменилась, спустился туман. Видно, мы в тот день встали с левой ноги — наших рюкзаков нигде не было, — заговорил второй. — Мы решили, что, наверное, их ветер унес... одно из трех: либо унес ветер, либо снегом занесло, либо мы сами заблудились... Так или иначе, а дело было скверно. Я чувствовал, что этой ночью ледяной ветер Тянь-Шаня превратит нас в дедов-морозов... Вы знаете, что это за чувство? Если человек не пережил этого, представить себе невозможно... Помнишь, Минаан, я не хотел вас оставлять, наверное, сердце чуяло, что мы попадем в такой переплет... Помнишь ведь?..

СЕРДЦЕ СТАЛЬНОЕ, И КОЛЬЧУГА СТАЛЬНАЯ!

— В течение подготовительного периода были подобраны и изготовлены шлямбуры различных видов и моделей.

Изготовленное нами снаряжение заметно отличалось от альпинистского высотно-экспедиционного снаряжения, существующего до сих пор. Например, шлямбурные крючья, изготовленные по нашей конструкции, были намного легче и удобнее в употреблении, нежели обычные, чего мы достигли благодаря дюралюминию и титану. Применение этих же металлов помогло нам облегчить вес карабинов. Репшнуры, изготовленные из чистого капрона, тоже значительно уменьшили общий вес снаряжения.

Разнообразие крюков, широкий ассортимент их позволяли использовать малейшую трещинку на гладких поверхностях Зеркала Ушбы. Мы разработали также новую конструкцию площадок, так называемые «платформы», которые действительно оправдали наши надежды.

Из-за уклона и гладкости поверхности Зеркала несколько ночевок предстояло провести в висячем положении, чтобы сделать эти ночевки более «комфортабельными», мы решили заготовить гамаки.

Гамаки были сплетены, но надо признать, что они не очень-то оправдали себя. «Кровати» требовали дальнейшего усовершенствования и разработки.

...— Как не помню, что же еще я помню, если не это! Ты сказал — я тоже останусь, но трое ведь не могли идти в одной веревке, и тебя уговорили, уговорили идти двойками...

— Чужало мое сердце, я же сказал тебе, что сердце чужало... — повторил второй.

— Это выдумки, сердце ничего не чувствует. Сердце работает, перегоняет кровь по всему организму, и никаких чувств у него нет, — возразил третий.

— Нет, не все так устроены. У некоторых сердце чересчур чувствительное. Не все одинаковые...

— Мы спустились чуточку ниже, поставили там платку и начали ждать. Мы звали их, кричали, но кто

бы нас услышал, в этот ветер!.. Мы кричали до хрипоты, мы надорвали глотки... — это говорит третий.

— Скажут, может быть, что мы спали, сладко спали в теплых палатках... Но ты только представь, что твои товарищи бродят где-то, затерянные, голодные, холодные, и борются со смертью... ледяной ветер... Разве может человек спать спокойно, когда так? Да лежи ты хоть в королевской постели, ни на минуту не сомкнешь глаз, не задремлешь! — заговорил первый. — Тэмо говорит правду, у иного такое несчастное сердце, а у другого — все равно что сталь, от него и пуля отскочит. Всевышний каждому дал свое сердце, не похожее ни на чье другое...

— Знаешь, Минаан, — с сильным стоном выдохнул четвертый, — мне жаль тебя, очень жаль, потому что ты не поднялся на вершину. Мне жалко всех, кто не поднялся туда...

— А как Михаил? Что он говорит о нас? — спросил второй.

— Михаил? — не переставая массировать пострадавшего товарища, отозвался Минаан. — А что особенное он может говорить?

— Нет, наверное, он обижен. Я знаю, он обижен... — робко, неуверенно проговорил второй и оглядел остальных, словно стремясь узнать их мнение.

— Ему нехорошо, Михаилу, не знаю, что с ним будет... Ему нехорошо, а он насильно погнал меня сюда, к вам, пойдете, говорит, помогите им...

— Мы не должны были его оставлять!.. Не должны были оставлять его на тебя одного, — сказал второй, и глаза его повлажнели.

На минуту наступило молчание. Никто не хотел продолжать этот разговор. Сейчас им было не до обид. Они мечтали о земле. О земле людей, которая маняще поблескивала где-то далеко внизу, по ту сторону тысяч утесов, пропастей и пиков... Лампионы родного города сияли, трепетали вдали. Лица знакомых сменяли друг друга. Обманчивы далекие видения. Обманчивы и пленительны в то же время. Опасен такой наплыв их, опасен, губителен даже, потому что звали они куда-то...

Мирон Хергиани. Тигр скал.

да не куда-то, а вниз, на землю, они заставляли торопиться, а поспешность чревата катастрофой...

Сейчас никто не хотел ничего обсуждать. Личные, может, совершенно незначительные для других переживания, желания, боли завладели каждым. Все это время они служили общему делу, личное, частное не существовало, растворилось в общем. Теперь же цель была достигнута, и у них есть право думать о личном, о своем, о земле и городах, о комфорте — и о женщинах!..

И потому никто не хотел теперь разбирать и обсуждать...

Только второй все никак не мог успокоиться. Его, видимо, больше других мучила совесть:

— Об этом никому и не расскажешь... Товарища бросили, а сами поскакали к вершине... Грош цена такой победе!..

— Ну что ты говоришь, как это бросили?! Мы оставили его на попечение Минаана, только и всего. Оставить человека на Минаана — это не значит его бросить... Ты нездоров, потому и говоришь так, — возразил ему третий.

Минаан на минуту оставил четвертого и подошел ко второму. Второму действительно было очень худо. Когда он говорил, речь его прерывал хрип, то и дело из груди вырывался глухой стон.

— Нет, я ничего... Ты за ним... присмотри, я чувствую... себя неплохо...

— Михо послал меня к вам, он велел, чтобы я вам помог... Он тоже, как и ты, говорил мне, мол, ты за ними присмотри, их полечи... — ответил Минаан, насильно закатывая рукава второму.

Четвертый снова попытался приподняться, но не сумел, только повернулся на другой бок и сипло выдохнул:

— Очень мне тебя жаль... очень жаль...

Он пребывал в каком-то полусне-полузабытьи и проговорил эти слова с выражением счастливого человека, стараясь выразить мысль как можно торжественнее, но голос не подчинялся ему, голоса не хватало, сипение и хрип уничтожали всякую торжественность.

— Ты знаешь, какое зрелище нам открылось? Правда, лишь на минуту разверзлись небеса, только на минуту горы сбросили туман, но и этого было достаточ-

но... Под ногами распростерся весь мир. Весь мир лежал у подножия вершины, чистые сверкающие вершины гордо созерцали этот мир. Вдали виднелись гиганты Гималаев. Но наша вершина и на них смотрела свысока... Одним словом, мы были в эти минуты самые высокие люди мира... Потому я говорю — я всех жалею... всех...

— Тебе нельзя столько говорить, — заметил ему первый. — Пойми ты, нельзя...

— Кто сказал?.. Мне все можно, уже можно все, — четвертый рассмеялся, но вместо смеха из глотки вырвался хрип. — О, если бы я смог запеть, ты знаешь, что бы я спел? Я бы спел «Бубу Какучелу»... На такой высоте еще никто не пел «Бубу Какучелу»¹...

— Довольно, я получил свою долю, теперь походи к Михо, он один. Нас трое, нет, нас четверо, вот, а он один, его жалко, походи помоги ему. Хватит и того, что вчера мы его бросили... Мы не имеем права... Нет, говорю я тебе... — твердил второй, высвобождая свои руки.

— Что касается вас, не знаю, а я теперь на все имею право... Что хочу, то и сделаю. А? Что ты на это скажешь, разве не так? Так ведь? — продолжал четвертый, обращаясь ко второму.

— Не прав ты, никто не имеет права бросить на полдороги товарища, больного товарища, никто на свете не имеет такого права. Тот, кто так поступает, свинья, понял, свинья и больше ничего.

— Вот посмотришь, посмотришь, и потом говори, — невразумительно ответил четвертый с грустью в голосе.

— О чем это ты? Что он должен посмотреть? — попытался выяснить третий. — Уж если ты не хочешь замолчать, говори яснее, что...

— Я говорю то, что я имею право... на все имею право... уже. Вы — не знаю, дело ваше, но я имею право теперь, понял? Вот если бы я мог, спел бы «Бубу Какучелу»! Ты когда-нибудь слышал эту песню? Наверное, нет, потому-то и противишься. А ты знаешь, о

---

¹ «Буба Какучела» — сванская песня.

чем эта песня? В ней поется о **вине** и о женщинах. Эти две вещи — самые главные в жизни, понял? Или, может, я ошибаюсь? Мой бог, неужели и в этом я **ошибаюсь**?

— Вино? А почему именно **вино**? Разве водка хуже? — не согласился третий.

— Тогда и женщин заменим! Почему это именно вино и женщины? — вмешался в их спор первый. — Водка и.. водка и.. постой, чем же заменить женщин, а? Вот тех самых женщин, которые ждут нас там, внизу, дома, которые смотрят, смотрят на дорогу, смотрят, высматривают нас, ждут с дальних дорог меня и тебя и всех нас, других... Чем же нам их заменить? Может, ты придумаешь другое слово? Неужели же возможно заменить женщину?!

— Так вот и вино. Как водка не заменит вина, так и женщину ничто не заменит. Женщина есть женщина, и баста, и вино есть вино! Водка — это совсем другое, водка... квас и глянэ...

— Ну, ты тоже, поехал!.. Оставим эти философствования. Я за то, чтобы заснуть, а вы как? — сказал третий. — Итак, я уже сплю!

— Да, сон — хорошая вещь. Кто знает, может, приснится тебе земля, наши города и знакомые лица.. Действительно, что может сравниться со сном! Но Илико? Ведь Илико не сможет заснуть? Оставить его на произвол видений и галлюцинаций? — оглядывая товарищей, сказал второй.

— Он тоже уснет. Спорим, что уснет. Постепенно расслабнет, разморится и уснет, — нежась в тепле спального мешка, пробормотал третий.

— Ты как думаешь? Тэмо, Минаан, а вы? Вы тоже так думаете? Если все вы так считаете, давайте и правда уснем. Чего же мы ждем, в самом деле? В мыслях и мечтах о земле мы так сладко уснем...

— Обо мне речь? — внезапно поднял голову четвертый. — Я сейчас разговаривал с богами, и они тоже посоветовали мне так — спи. Но я все взвесил и решил бодрствовать. Так лучше. Я буду бодрствовать до утра, а потом усну. Сердце мне подсказывает, сердцем чувствую, что так лучше. А до утра я могу петь. Как раз Кирилл никогда не слышал наших лесен, вот и послушает. Спать под музыку хорошо, приятно. Будут

сниться разноцветные сны. До утра можно столько песен спеть, что... Потому я и решил бодрствовать. Боги сказали свое. А я сделаю свое. Потому что сердце так говорит. Первый властелин — сердце, а потом уже боги... Я думаю, все понятно. Я думаю, что хотя бы сейчас я говорю понятным языком, а? — обратился он к третьему и, не ожидая ответа, продолжил: — А утром я перейду в их распоряжение. А до тех пор уж вы на меня не обижайтесь. И вообще пусть никто на меня не обижается. Когда вы уснете, я припомню одну песню. Когда-то я очень любил ее. Ага, она была про детей, про детей, ожидающих возвращения с охоты отца, который принесет им мяса. Они глядят на горные тропинки в надежде увидеть отца с добычей на плечах. Но отец не появляется. По-моему, я много раз пел эту песню. Содержание помню хорошо, но вот мотив никак не могу вспомнить. Не знаю, правда ли я ее пел когда-нибудь? Но какое это имеет значение, я спою ее теперь, спою на другой мотив, что с того! Я с ума сойду, если не спою! Неужели я говорю что-то непонятное? А? Кирилл, может быть, ты слышал эту песню? Ах, да, простите, вы теперь спите, усните, мои дорогие. А я пошлю вам разноцветные сны... Значит, так...

— Минаан, тебя зовут. Туда зовут, — сказал стоявшему на коленях товарищу второй. — Здесь тебе уже нечего делать. Мы получили свою долю. Здесь ты зря тратишь силы и время, только и всего, больше ничего...

«Все же как это случилось?» — упорно думал Минаан. Ползком он выбрался из палатки и ползком же продолжил путь. Он уже не чувствовал усталости, и спать не хотелось. Всем его существом владела одна единственная мысль: «Как все это случилось?».

Потом вспомнил, что рассказал ему Кирилл. Вспомнил — и еще раз представил себе очутившихся на вершине товарищей — без палатки, без спальных мешков. Застигнутые ночным мраком, они тщетно искали убежища, теплой одежды и еды, ползком, на коленях, искали и ничего не находили, обалдевшие от воя и свиста ветра, от слепящего глаза снега. Они боролись с наступающей смертью, кричали, но измученное тело брало свое, оно требовало сна, а сон означал смерть.

Холодная ночевка... холодная ночевка... Мишаан вспоминает холодную ночевку на Виатау. Сколько лет прошло с той далекой поры... Неоперившимся дитенцом был он тогда, на Виатау... Но какое сравнение — холодная ночевка на небольшой теплой вершине теплого Кавкасион и холодная ночевка на одной из высочайших вершин холодного Тянь-Шаня!

Одного он не знал и не мог понять — как можно было оставлять рюкзаки на предвершинном гребне? Из каких соображений они «похоронили» там все свое достояние — пропитание, теплые вещи и все остальное, необходимое при штурме? Неужели было так трудно поднять все это хотя бы метров на сто выше? Если бы на штурм шли неопытные новички, еще понятно, но эти, выдавшие виды, закаленные в битвах с горами! Разве можно было доверяться погоде на пике Победы?!

— Ну что, как они там?

Вопрос вывел его из оцепенения.

— Как? Уснули, уже все спят.

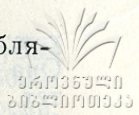
— Ты мне правду говоришь? Не обманываешь?..

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

В период подготовки к штурму большое внимание мы уделяли разработке режима питания, ежедневного рациона. Питание — один из решающих факторов для сохранения спортивной формы. Нецелесообразно было бы менять привычную для организма пищу, состав ее, так как с биологической точки зрения это могло повлечь целый ряд нежелательных явлений. Продукты питания должны были быть максимально калорийными и в то же время необременительными в пути.

Разрабатывая высотный рацион, мы приняли за основу многовековой опыт наших предков. Но в это народное меню следовало внести определенные изменения, обусловленные нашими довольно широкими экономическими возможностями. Одним словом, необходимости в прижимистом экономе наша экспедиция не испытывала.

Успешному решению вопроса питания способствовало и то обстоятельство, что все участники экспедиции были горцы. Единогласно было решено брать с собой

такие продукты, которые местное население употребляло спокон веку, постоянно и каждодневно.

Эти продукты были:
кубдареби — лепешки с мясом, каждая весом до 350 граммов (по калорийности одна лепешка равна приблизительно 150 граммам отварного говяжьего мяса, двум куриным яйцам, 200 граммам хлеба и стакану молока). Эти кубдареби были удобны еще и тем, что в течение долгого времени не черствели и сохраняли вкусовые качества;

мед, перемешанный с орехами, — защищающий организм от переутомления во время больших нагрузок и напряжения;

отварная телятина, которая тоже сравнительно долго сохраняет питательные и вкусовые качества, не высыхает, подобно говядине;

отварное куриное мясо. Вместе с соусом из барбариса, приготовленным по местному рецепту, оно хорошо действует на утомленные мышцы;

сванская аджика — перетертые и перемешанные перец, различная сушеная зелень и соль.

Кроме того, мы взяли с собой и традиционную альпинистскую провизию — консервы, сахар, кофе, какао, колбасу и пр.

На каждого участника было рассчитано по 600—650 граммов пищи в день, что давало приблизительно 4500—5000 больших калорий.

— Если вы меня будете потчевать этими дворянскими кушаньями, и я пойду с вами на Ушбу, — посмеивался ближайший сосед Михаила, Шардэн Пилиани. — Бедняги Бесарион и Максиме о сухом мчади мечтали, зато как бегали по кручам!..

МИХАИЛ ХЕРГИАНИ-СТАРШИЙ

— Это случилось в 1961 году. Грузинские альпинисты проходили акклиматизацию в горах Тянь-Шаня перед штурмом второй по высоте вершины в Советском Союзе — Пика Победы (7439 м над уровнем моря),

---

Мирон Хергиани. Тигр скал.

уступающего Пика Коммунизма всего каких-то 56 м. Она лишь в 1943 году была открыта топографами, до тех пор высочайшим считался пик Хан-Тенгри — 6995 м.

Покоритель Хан-Тенгри Абалаков заметил среди гряды облаков огромную вершину, которая величественно и гордо взирала сверху на весь Тянь-Шань, на его бесчисленные хребты и кряжи, но из-за плохой видимости Абалаков не смог определить, где она находилась — на нашей стороне или за рубежом.

Впоследствии не раз предпринимались экспедиции в тот район Тянь-Шаня, но из-за непогоды никто не смог точно определить местонахождение и высоту таинственной вершины. Как было сказано, вплоть до 1943 года она оставалась неизвестной.

И лучше б такой и осталась — не может не промелькнуть подобная, пусть дурная, мысль у того, кто знает, сколько замечательных людей погибло на ее склонах...

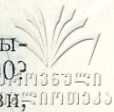
Вспомним хотя бы экспедицию 1961 года — ту страшную катастрофу, которая началась так незаметно и которой нет оправдания...

Вот как это было.

Мы должны были начать штурм Пика Победы. Мы — это Тэймураз Кухианидзе, Джумбер Медзмаришвили, Илико Габлиани, Михаил Хергиани-Младший, Кирилл Кузьмин, который присоединился к нашей группе в лагере Чон-Таш, я.

Поначалу все шло хорошо. В первый день мы поднялись на высоту 5300 метров и ночевали в снежной пещере. Вторая ночевка — на высоте 5600 метров, третья — на высоте 6000 метров. Погода плохая, но мы все же продвигаемся вперед. На 6500 метрах проводим ночь в палатках. На следующий день из-за страшнейшего ветра проходим лишь 200 метров. У нас уже не остается сил на то, чтобы вырыть укрытие в снегу, и мы опять ночуем в палатках.

И следующая ночь проходит в палатках, которые стоят всего лишь в каких-то ста метрах от предыдущей ночевки, но — уже в скалах. Дело, кажется, принимает плохой оборот. Высота, холод (30—40, а то и 50 градусов ниже нуля), сухость воздуха, солнечная радиация, ветры и снег оказывают на нас свое действие. Из-

известно, что на высоте 3000 метров сила в руках убывает почти в три раза, что же должно быть на 6000? На такой высоте происходят изменения в составе крови, ухудшается работа нервной системы, кровообращения и сердца, чему сопутствуют головные боли, тошнота, катар и другие повреждения дыхательных путей, странности в поведении. Странности в поведении!..

Группа приближалась к кризисному состоянию. Но о возвращении никто не помышлял.

На следующий день мы были на Западной вершине. Джумбер написал записку, которую оставили в надежном месте, и мы тотчас начали спуск на гребень, седлом тянувшийся к центральной вершине. На 7000 мы вырыли пещеру, а потом вышли к седлу, откуда уже начинался подъем к Пику Победы. Ночь провели опять в палатках. Погода стояла ужасная.

В ту ночь всем нам снились дурные сны.

Наутро Михаил произнес три страшных слова: «Мне очень плохо».

Михаил был крайне сдержанным и застенчивым человеком, он не умел жаловаться, и мы сразу поняли, что до сих пор он просто утаивал свое состояние, крепился, чтобы не помешать продвижению вперед. И раз произнесены эти слова, значит, больше терпеть он уже не мог.

«Я спущусь с Михо в лагерь Хазарадзе через Западную вершину», — сказал я товарищам. Группа Хазарадзе должна была выйти вслед за нами на второй день и, взяв Западную вершину, вернуться обратно. Они не должны были совершать траверс, как мы. Я рассчитывал, что по дороге где-нибудь наткнусь на них, поручу им больного Михо и возвращусь наверх.

— Если нужно, я пойду с вами, — предложил Тэймураз.

— Не только нужно, а необходимо.

Все молчали. На том пути это были самые тягостные минуты для нашей группы. В момент, когда до желанной цели, ради которой столько перетерпели, рукой подать, всего какие-то метры, возвращаться обратно!.. Бросить на ветер столько трудов!..

А вершина сверкает перед самым носом, кажется,

вот она, на расстоянии вытянутой руки... Путь одного дня...

— Я не думаю, что у Михаила горная болезнь, он просто плохо себя чувствует, завтра будет здоров. Так что ничего тревожного нет, — нарушил молчание Кузьмин. — Мы должны подняться на вершину во что бы то ни стало...

У Кузьмина богатый опыт высотных восхождений. Потому его слова имели решающее значение. И мы поверили, мы с надеждой стали ждать завтрашнего дня. Я, Михаил и Кирилл связались одной веревкой, остальные — каждый в одиночку, и продолжили путь... Остановились на высоте 7360 метров. Ночевать будем в палатках.

— Поздравляю вас, товарищи! На такой высоте советские альпинисты еще не ночевали, мы первые! — торжественным тоном обращается к нам Кузьмин.

Но наше внимание устремлено на Михо. От состояния его здоровья зависит так много. Он чувствует себя вроде неплохо. Шутит, смеется. Вообще-то всем было неважно. Давала себя знать недостаточная подготовка. Правда, я пока чувствовал себя на удивление бодро. Так хорошо на большой высоте я никогда себя не ощущал.

Рассвело утро — утро на вершине. У всех нас одна мысль: как-то сбудется предсказание Кузьмина насчет выздоровления Михаила? Однако не все человек может высказать вслух. Молчим и украдкой поглядываем на Михаила — как он выглядит?

Пока что, кажется, все в порядке. Михаил одевается, как обычно, взваливает на спину рюкзак, берет ледоруб и связывается веревкой.

Мы проходим десять метров, потом еще десять, и еще, и вот тогда-то и выявляется самое страшное: нет, не оправдалось предсказание Кузьмина! Михаил только из уважения к товарищам отчаянно борется с собой, играет роль здорового человека!..

* * *

Согласно выработанному нами плану, штурмующая группа должна была как можно быстрее достигнуть первого, то есть основного лагеря, чтобы одна связка вышла на маршрут и, одновременно с рекогносциров-

кой пути, освоила трассу. Так должно было происходить и в дальнейшем. Практически картина рисовалась руководителю группы и участникам следующим образом: пока одна часть устраивает лагерь и готовит пищу, другая часть разрабатывает следующий участок. Ночевки предполагались в гамаках, в висячем положении, а также на искусственных площадках, — иного выхода у нас не было. Ставить палатки нам доведется, может, всего только дважды, в первый день штурма и в последний (это если нам удастся успешно справиться с нашей задачей), у подступов к Зеркалу и на спокойном предвершинном гребне. Но предположение — всего лишь предположение: может быть, то, что издали кажется возможным, при ближайшем рассмотрении окажется совершенно недостижимым?..

Численность группы тоже была продиктована тактическим планом. На стене нам придется проводить сложные, специфические именно для Зеркала, работы. Обдумав характер этих работ и их объем в переводе на человеко-дни, мы пришли к выводу, что в лучшем случае шестеро смогут осилить все эти работы при условии, что каждый будет нести предельную нагрузку.

Именно из этих соображений исходил Михаил, когда требовал от членов команды серьезной подготовки, максимальной собранности и внимательности. В борьбе с горами не существует ничего второстепенного — все равно важно и значительно, начиная со складывания спального мешка и кончая вбиванием крючьев в лед. Любая, самая, казалось бы, незначительная операция требует особой ответственности, внимания и напряжения сил. Небрежно сложенный спальный мешок во время подъема либо спуска может зацепиться за выступ скалы и сбросить в бездну своего владельца. Такой же печальный исход может повлечь за собой ненадежно вбитый крюк. Эти и другие простейшие, азбучные истины альпинистской науки все мы, конечно, хорошо знали, и тем не менее Михаил многое напоминал нам снова и снова. Причем делал он это предельно тактично, не выпячивая своего «я» и не задевая самолюбия никого из нас.

Все мы хорошо сознавали значение нашей экспеди-

ции и старались быть особенно пунктуальными, внимательными и осмотрительными. Экспедиция Зеркала Ушбы, если она закончится благополучно, станет выдающимся достижением грузинских альпинистов и всего советского альпинизма. Говоря словами Алеши Джапаридзе, это была бы «одна составная часть той извечной борьбы, которую ведет человек за господство в мире».

Для нас больше не могло существовать «мое дело», «твое дело». Было одно единое и наше дело, единая цель, равная ответственность каждого из нас шестерых, одна общая радость и одна забота, и вместо «я» теперь стало «мы», «все».

Вот как должна была разворачиваться наша работа на любом участке Зеркала:

Передовая двойка проводит наблюдения. Ее задача — освоение трассы, обеспечение надежности и безопасности: вбивание крючьев и натягивание основных веревок, при необходимости — устройство штурмовых «платформ» и «площадок», выполнение трудоемких скальных работ. Передовая двойка должна надежно закрепиться на освоенной высоте, обеспечить прием и «поселение» последующей.

Что в это время делает последующая двойка?

Поскольку идти по проложенному пути сравнительно легко, вторая двойка ведет относительно «спокойную» жизнь и находится в некотором выигрыше, однако в скором будущем ей предстоит сменить впереди идущих, поэтому этот отдых ей необходим. Итак, в дальнейшем первая двойка занимает место второй, выполняет ее работы, а вторая занимает передовую позицию. Бывшая первая, теперь уже вторая связка помогает третьей, замыкающей связке подняться и поднять весь груз экспедиции, при этом страхует обе связки. Как только заканчивается подъем груза, вторая и третья связки меняются местами. Этот сменный метод дает возможность равномерно распределить силы участников и их нагрузку. Кроме того, один и тот же человек за определенный отрезок времени чередует три различных вида работ, что снижает усталость.

Благодаря этому сменному методу продвижение вперед, если только оно возможно, ни на минуту не прерывается, без чего ни одна экспедиция, ни один поход никогда не заканчивались успешно.

При таком ритме возможно было в продолжение десяти дней и ночей работать по десять-двенадцать часов. Если иной раз после устройства бивака у нас оставалось время, передняя связка могла по своему желанию выйти на участок, чтобы продвинуть свое дело, то есть дело всей экспедиции...

* * *

Михаил падает ничком и сипло, со стоном выдыхает:

— Не могу больше. Клянусь богом, не могу!..

Тут уж стало ясно, что состояние его катастрофично. Группа застыла на месте. Каждый напряженно думал, что же делать.

— Не могу идти ни вверх, ни вниз... здесь очень хорошо...

— Траверс не состоится. Мы должны спасти Михаила, — нарушил звенящую тишину, воцарившуюся после тех слов, Кухианидзе.

И снова — тишина. Молчание и неподвижность. Казалось, не люди — изваяния с ледорубами в руках и рюкзаками за спиной стоят на снегу.

Противоречивые чувства обуревали нас. Мы так радовались близкой победе, до которой оставалось совсем немного, и вдруг — эта беда! Ведь мы были альпинисты, а значит единоборство с горами и страсть к их покорению для каждого из нас была основным движущим фактором. И в этот критический момент каждый был мучительно раздвоен. «Вверх или вниз? — стучало в голове. — Вверх или вниз?»... И коварно, соблазнительно улыбалась сверкающая вершина, желанная, обратившаяся мечтой...

Молчание стало невыносимым. Что-то должно было решиться. Кто-то должен был произнести «да» или «нет».

Да или нет?..

— До вершины рукой подать. Может, пройти по гребню до Центрального пика и тотчас вернуться обратно? — проговорил Кузьмин.

Спорить было невозможно. Да никто и не мог выдвинуть аргумент против. Все вздохнули с облегчением и даже с благодарностью посмотрели на Кузьмина. В конце концов ведь это он нарушил мучительное молчание...

Однако с места никто не сдвинулся. Сделать первый шаг оказалось еще труднее, чем нарушить молчание.

— Михаила оставлять нельзя. Мы все должны остаться здесь. Если он протянет до завтра, мы тепло укутаем его и оставим здесь, а сами поднимемся на вершину. Я думаю, другого выхода нет. Мы должны выполнить человеческий долг перед больным товарищем. А если он до завтра не выдержит... ну что ж, тогда что ж, пусть хоть сотни вершин, мы поднимемся на все вершины! А теперь я никуда не могу подниматься, я остаюсь здесь, здесь очень хорошо... — я положил руку на плечо Михаилу и слегка встряхнул его: — А, Миша, ты ведь сказал, что здесь хорошо?

Он поднял воспаленные глаза и попытался улыбнуться, но не сумел. Только морщины на лбу как-то изогнулись, словно он старается вспомнить какую-то старую историю и не может.

Тэймураз заметно приободрился. Он оглядел нас и спустился на ступеньку ниже. Илик и Джумбер дрогнули, словно их обдало сильной волной воздуха. Потом подняли ледорубы, собираясь следовать за Тэймуразом, и в это время Кузьмин категорически потребовал выйти на маршрут:

— Оставаться на этой высоте недопустимо. Еще день, еще одна ночевка, и мы все погибнем... Вы не понимаете этого?

Кузьмин был самый старший среди нас. Старший и возрастом, и опытом. Приоритет в высотных восхождениях принадлежал ему. Кузьмину верили больше всех. А вера — это такая вещь...

Пока что все было в тумане. Что произойдет, что будет — кто мог это знать наперед?

«Может, и правда нельзя оставаться на такой высоте? Может, это «выполнение человеческого долга» попросту погубит всю группу?».

— Еще одна ночевка, и мы превратимся в дедов-морозов. Горные духи будут водить хороводы вокруг нас, благодарить за развлечение...

ШАЛИКО МАРГИАНИ: «Я говорю — дорога, но разве это дорога!..»

Участок № 1. 15.VIII.64 г.

Выходим из основного лагеря ровно в час ночи. На этом участке, то есть от глыбы, точно бородавка, торчащей на самой середине кулуара Ушбы-Чатини, до непосредственных подступов к Зеркалу, во время предварительных наблюдений мы заметили интенсивный камнепад. Чтобы избежать его, мы решили пройти этот участок ночью, когда природа относительно спокойна и все вокруг замирает.

Что бы там ни было, а ходить в горах ночью — дело довольно рискованное и опасное, но предстоящий переход не сулил никаких сюрпризов. Нам предстояло пройти освещенный луной сравнительно спокойный снежный склон, изрытый ямами и изборожденный трещинами от проходящих по нему камнепадов.

Мы продвигались вперед, упираясь ледорубами в твердый, надежный фирн. Кошки держали хорошо. Уклон примерно 35 градусов. Идем как можно быстро, не переводя дух. Пройдя метров сто, натываемся на трещину, разверстая пасть которой может привести в ужас.

Многие из нас впервые видели «снежную рану» при лунном свете. Она казалась особенно зловещей ночью. В глубине ее устрашающе сгустился мрак, и откуда-то, словно из самой преисподней, доносилось какое-то бульканье — точно кипел дэвов котел.

Обойти трещину оказалось невозможно, она тянулась вдоль всей полосы фирна. Перепрыгнуть тоже невозможно, так как противоположный ее берег на три-четыре метра выше того, где мы находились.

Во время предварительного наблюдения Михаил Старший и Джумбер Кахиани потратили два с половиной часа на то, чтобы преодолеть ее при дневном свете. К счастью, они оставили на том берегу ледоруб

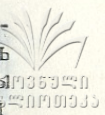

с привязанной к нему веревкой, второй конец которой мы сравнительно легко обнаружили, и немедленно приступили к форсированию трещины. Через двадцать пять минут мы уже на противоположном берегу. В том месте, где мы переходили, ширина трещины достигает четырех метров.

Участок № 2. За трещиной уклон становится 40—45 градусов. Перед нами снова фирновый склон. Идти по нему без кошек было бы очень трудно. А все же как здорово, что нам не приходится рубить ступени! Мы полны энтузиазма и продвигаемся быстро — надо спешить. Первый день хочется завершить с хорошими результатами.

Но говорить об этом пока что рано: нам предстоит пройти «движущиеся» места — камнепады. А камнепад — это одно из самых беспощадных и с трудом избегаемых явлений. Преодоление трещин и расщелин — дело нелегкое, однако мало найдется «снежных ран», которые не преодолел бы человек. Пройти отрицательную стену в последнее время тоже стало возможным, а ледовый кулуар, если он очень уж крутой и даже кошки не помогают, преодолешь, вырубая ступени ледорубом, либо с помощью ледовых крючьев. Если поднялся ветер — на худой конец, прильнешь к стене и переждешь, пока он уляжется. Одним словом, альпинисты подыскивали ключи ко многим ранее непреодолимым явлениям природы, и только перед камнепадом они все такие же беззащитные и бессильные, как столетия назад. Никакие шлемы и каски не спасают: вовсе не обязательно, чтобы камень попал в голову и вообще коснулся тебя — он и так увлечет тебя в бездну. А каски и шлемы защищают лишь от мелких камней, от так называемой «дробь». Единственным противодействием камнепаду остается — заранее угадать его и миновать опасное место как можно скорее в безопасное время. А в горах безопасным считается время от полуночи до десяти-одиннадцати часов утра, после чего солнце вступает в свои права, снег начинает подтаивать, лед размягчается и все приходит в движение.

И вот, когда мы уже считали себя в безопасности, нам преградил дорогу бергшруд. Как и трещина, которую мы только что оставили позади, он тянется вдоль всего фирнового склона, вплоть до подступов к Малой

Ушбе. Но в отличие от трещины, противоположный берег его выше того, где мы находимся, уже на пять-шесть метров. В поисках ахиллесовой пяты бергшрунда мы ходили в ту и в другую сторону по его берегу, наконец решились форсировать его в том месте, где он почти на половину глубины заполнен осыпающимися камнями. Спускаемся туда на веревке, а на противоположную ледовую стену поднимаемся с помощью крючьев.

Участок № 3. За бергшрундом простирается ледовый склон. Он достаточно крут, причем крутизна увеличивается исподволь, незаметно, будто не желая нас напугать. Лед темно-серого цвета и в лунном свете мерцает, подобно морской поверхности. Начинаем рубить ступени. Лед такой твердый, что при попадании на лицо самого незначительного осколка возникает чувство, словно с тебя всю кожу сдирают. Град осколков осыпает наши плечи, колени, спины, вонзается стальными иглами, колет, щиплет. Но мы знаем, что опасности нет: ледоруб не в состоянии отколоть такой кусок, который мог бы смертельно поранить человека.

Рубим ступени, сменяя друг друга. Местами для большей безопасности вбиваем ледовые крючья, и по мере необходимости отдыхающая связка идет на страховку, чтобы передовые работали с полным спокойствием. На веревке подтягиваем идущих позади. Сверху с горящими глазами наблюдают за нами товарищи. Какая забота, ответственность в их взглядах, и как велика наша благодарность им...

Внизу, на земле, мне думается, вряд ли кто может хотя бы приблизительно представить все это и почувствовать.

Участок № 4. Преодолев ледовый склон, оказываемся в скалах. Они представляют собой плоские, круглые валуны. Уклон здесь — 60 градусов. На склонах снега нет, скалы сухие. Первая связка ползком продвигается кверху. Страхуем с помощью крючьев.

Участок № 5. Вскоре выходим на участок, представляющий собой чередование снега, льда и скал. Уклон здесь меньше, зато множество скалистых выступов, которые затрудняют быстрое продвижение. Мы используем их как опоры, крепим веревку и страхуем друг

Мирон Хергиани. Тигр скал.

друга. Над всем этим участком нависла огромная отрицательная стена. Уже десять часов утра. Наша цель достигнута лишь частично. Камнепад пройден. Правда, перед носом у нас отрицательная стена, но о ее существовании нам было известно заранее...

Здесь нам предстоит проторчать долго, ведь отсюда и начинается Зеркало Ушбы во всем своем великолепии и неприступности. Начинается наша главная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. На обработку этой стены уйдет, вероятно, весь день, может даже мы не успеем пройти ее до вечера, потому решаем устроить у ее основания площадку для ночевки. Сравнительно ровный рельеф и защищенность от камнепада дают эту возможность. Палатка, которую мы поставим здесь, вмещает четырех человек. Двоим предстоит «убаюкивание» в гамаке. Пока товарищи занимаются устройством ночлега, мы с Михаилом, согласно нашему тактическому плану, ведем освоение участка...

* * *

Они ушли.

Кухианидзе некоторое время продолжал упорствовать и отказывался уходить, но без него «ломалась» штурмовая связка. И они ушли, одна связка за другой.

Это была ужасная минута. Минута опустошенности, минута неверия и нищеты. Банка консервов, обрывок веревки и снег, которого хватило бы на весь мир, — вот что оставалось в нашем распоряжении. Больше ничего. Ничего и никого. Четыре точки отделились от двух и вскоре растворились высоко в облаках. Две точки соединились, словно слились друг с другом. Они выделялись на белом снегу, точно латка. Латка медленно сползала книзу.

Два Михаила Хергиани, больной и здоровый, одна кровь и одна плоть, боролись с приближением конца.

...— Ты напрасно мучаешься... послушайся меня, это напрасно... — говорит Михо.

— Тш-шш... молчи! — я зажимаю ему рот рукой.

Ташу его по снегу, и снег как-то необычно шуршит с присвистом.

Там, где спуск ровный, дело идет хорошо. Я легко ташу его. Поворот... здесь мы замедлим ход. Останавли-

ваемся. Я беру его руку, кладу себе на плечо и с на-
тугой тащу его. Трудно тащить на такой высоте... Я не
могу взять его удобно, вскинуть, как рюкзак, на спину.
И тем более трудно это голодному и не очень-то отдох-
нувшему человеку. Но, как ни удивительно, во мне
рождаются какие-то запредельные силы, силы, о су-
ществовании которых до настоящего момента я не
имел представления и не подозревал. А сила и воля,
вместе взятые, — это очень много. Тело сжимается в
мощное ядро, сознание работает напряженно, переби-
рает одновременно тысячу возможных вариантов и рас-
кладывает их в определенном порядке. Из этой тысячи
вариантов необходимо избрать один, который окажется
единственным путем, надежным и доступным. Путем
одолимым и проходимым. Путем с ночевками, с отды-
хом, с обедами и ужинами... «Что у нас сегодня будет
на ужин? Турья лопатка... Где сегодня будет наша но-
чевка? В Цайдерской пещере будет наша ночевка...»

— Ты не веришь... почему ты мне не веришь...

— Молчи!..

— Ты всегда верил мне, а сегодня не веришь...

— Какое время сейчас об этом!.. Молчи..

— Знаешь что? Мне кажется, у меня что-то обор-
валось в груди. Оборвалось, и уже ничто не соединит,
не исцелит...

— Тебе кажется это. В таком положении многое
кажется человеку.

— Нет... нет... нет...

— Молчи...

— Здесь отличное место. Вокруг белое безмолвие,
чистота и белизна... Что может быть лучше этого... по-
верь мне...

«Здесь надо остановиться. Остановиться и отдох-
нуть, на сегодня хватит. Это от долгой тряски у него
что-то оборвалось внутри...»

— Я сейчас же устрою площадку!

Работаю целый час. Рассыпчатый снег поддается
с легкостью. Но под ним — слой льда, перед которым
мой ледоруб бессилен. Все мои труды напрасны, думаю
я со злостью. Но тут же беру себя в руки. Нет, нельзя
подаваться эмоциям. Необходимо сохранить спокой-

ствии, придержать нервы, чтобы не утратить трезвость мысли.

— Прошу тебя, поверь мне...

«И начали мы идти-уходить...» Есть такая песня невеселая...

— Ну-ка, давай твою руку. Чем ниже мы спустимся, тем лучше ты себя почувствуешь, — пытаюсь я приободрить его.

— Наоборот, дело пойдет все хуже и хуже... Потому я и прошу тебя. Вот, взгляни туда...

— Да, хорошо, я взглянул. И что?..

— Отпусти меня на нашу сторону, прошу тебя братски, отпусти. Все кончится. И для тебя так будет лучше, может, хоть ты спасешься. И моим мученьям настанет конец.

— А? Что ты сказал? — погруженный в размышления, я не сразу постигаю смысл, слух ухватывает лишь отдельные слова.

— А потом твоя воля... Придешь потом и соберешь меня. Потом делай со мной что хочешь...

«Придешь потом и соберешь меня. Потом делай со мной что хочешь», — дошло-таки до моего сознания. Дрожь пронзила меня. Слово «соберешь» было ужасающе.

— Не говори так, ты слышишь?! — заорал я сам не свой. — Не болтай все, что придет на ум, понял?

Он испугался моих окриков. Молчал и смотрел на меня.

На нашей стороне колоссальная стена. А на китайскую сторону спускается спокойный снежный склон.

«По этому склону его можно бы легко спустить, — мелькнула мысль. — Спустить-то можно, а что будет после? Ведь нас никто не найдет, никто и не заподозрит, где мы находимся..»

Нет, надо как-то собраться с силами и выйти к подъему Западной вершины. Подъему, который два дня назад прошла наша шестерка.

Если бы в эти минуты на нас посмотрел человек с холодным рассудком, все это, вероятно, показалось бы ему ненужным и бессмысленным. Он не задумался бы о продолжении пути. Но среди альпинистов, наверное, очень мало людей с холодным рассудком. Я не знаю,

был ли такой среди нас, в нашей группе. Может, был, а может, и не был...

На высоте 7300 метров я снова начал рыть в снегу пещеру. Кое-как мне это удалось, и я втащил Михаила. Согреться, конечно, мы бы не согрелись, но это было укрытие. Михаил чувствовал себя очень плохо. И если что и могло его сейчас вернуть к жизни, так это пылающий камин, тепло мачуби.. Но далеко, неизмеримо далеко была от нас родная Грузия, и тепло сванского мачуби не достигало тяньшаньских снегов. Мы должны были согреться сами, без камина и без мачуби, без близких и родных... Но как?!

Его стала мучить жажда.

— Сгим... сгим ламаш.. джесмима, сгим ламаш.. — бормотал он в бреду.

Кто уж плакал о сгим — минеральной воде! Растопленный снег был пределом всякой мечты. А ему казалось, он находится в Легаби, у минерального источника. Он с кем-то спорил, кого-то убеждал — оставь меня, дай мне вволю напиться... Кто-то мешал, не давал ему напиться.

Всю ночь он бредил. Затуманенное сознание боролось с наплывающими далекими видениями, с гложущими его болью, жаждой, голодом.

Он не мог жевать. Питание было необходимо для больного организма, поэтому я прожевывал кусок хлеба и впихивал ему в рот. Как птица-мать, кормящая птенца. Но он не в силах был глотать и выплевывал этот прожеванный хлеб.

— Сгим ламаш.. Симарэси, сгим ламаш...¹

У нас не было ни плиты, ни спирта, чтобы растопить снег. Ничего у нас не было. Только снег. Но снег я не мог ему дать — снег не утоляет жажды, наоборот, еще более усиливает ее.

Приходя в себя, он снова твердил:

— Чего ты со мной возишься, ведь я уже умер, не мучай зря ни меня, ни себя...

— Тшш... — я закрывал ему рот рукой.

---

¹ Джесмима, сгим ламаш, симарэси, сгим ламаш — напиток меня, умоляю, пить... (сванск.).

И наконец:

— Я кончился, понимаешь ты, чего ты со мной нянчишься...

При этих словах я не сдержался. Слезы выступили у меня на глазах, и я разрыдался. Мне было нестерпимо жаль его. Я уже не знал, что делать, и дал ему снега. Он накинулся на него так, как спустившийся с горных пастбищ бык накидывается на каменную соль.

Всю ночь он тихо стонал и умирал. Но я никак не мог примириться с мыслью, что мы не приземлимся все вместе на тбилисском аэродроме! Никак не мог представить себе гул величественно-скорбных, сотрясающих все нутро зауспокойных сванских песнопений в Ланчвали. Неужели мы уже никогда не будем с ним пить минеральные воды из источников Легаби и Сгиши, Шгеди и Кахрулди? Нет, этого не должно было быть, судьба, провидение не должны допустить такой великой несправедливости. Я никому не дал бы права, никому ни за что не разрешил бы обидеть Михо, моего любимого брата и друга, улыбчивого, милого и всегда задумчивого Михо! Никто, никто не отнимет его у меня. Он мой, моя кровь и плоть.

И я растирал, разминал и колотил его, хлестал — всю ночь напролет. Не сомкнув глаз, весь в поту, я мял, колотил — как кожевенники кожу — только бы хоть чуточку согреть его остывшее тело, заставить кровь побежать по жилам, как бежала когда-то... Всеми силами старался я передать ему свое тепло.

— Напрасно, напрасно ты мучишься, Минаан, все это зря, пойми!..

— Молчи! Тш-шшш...

— Ты должен был уйти вместе со всеми...

Так говорил он, приходя ненадолго в себя.

А я закрывал ему рукой рот. Я ничего не мог сказать в утешение, не мог его обнадежить...

ГИВИ ЦЕРЕДИАНИ: Иэлгридиво, иэлгридиво...

Участок № 6. 12.VIII.64. Выходим на стену отрицательного уклона (до 25°). Решили попытаться прой-

¹ «Ехали мы, ехали»... (сванская песенка).

ти по внутреннему углу, потому что его уклон по сравнению с внешним углом меньше. Нигде не видно трещин либо выступов, которые могли бы послужить захватами для рук, потому вместе со скальными крючьями используем и шлямбуры. Наверху наш угол постепенно расширяется. Переходит в 100-градусную «плиту». Передовая связка продвигается вперед при помощи веревочных лестниц и площадок. Вторая и третья связки следуют за ней «зажимами»...

Участок № 7. С обеих сторон монолитной гранитной плиты свисают карнизы. Преодолеть их чрезвычайно трудно. Свободна от карнизов только средняя часть плиты. Мы должны попытаться пролезть здесь. Гладкая поверхность плиты блестит, как зеркало. Никак не можем наметить место для вбивания обыкновенного стенового крюка. Применяем шлямбурные крючья, и так же, как на предыдущем участке, передняя связка прокладывает путь с помощью площадок и веревочных лестниц. На верхушке плиты обнаруживаем небольшую ложбину, получаем возможность перейти из висячего положения в стоячее. Уклон в этом месте 85—90°. Каким блаженством оказывается для измученного висячим положением тела ощутить землю, к которой так привычен каждый из нас и которой вот уже сколько часов нет у нас под ногами...

Участок № 8. Но вертикальная стена вновь переходит в отрицательную. Хотя уклон по сравнению с предыдущими участками меньше — 95°. Поверхность скалы гладкая, словно ее тщательно отполировали. Стук молотка по крюку разносится в пространстве, как стук дятла. Крюк слегка постанывает, это означает, что стена очень твердая. Нет, с крючьями тут далеко не уйдешь, трещина вскоре смыкается. Опять беремся за шлямбуры. Но разве бурить скалу — менее трудоемкое дело? Что может быть более изматывающим и утомительным, чем буравить камень и потом вычищать каждую дырку от каменной крошки и пыли? Да только делать нечего: не потрудишься — не пройдешь.

На этом участке наша связка отдыхает в полном смысле этого слова — если не принимать во внимание то, что мы нервничаем и суетимся. Первая связ-

ка и без того с трудом умещается в ложбине наверху скалы, и о том, чтобы принять вспомогательную связку, речи быть не может.

Третья связка подняла все имущество группы. Они тоже, как и мы, разинув рты, наблюдают за обоими Михаилами Хергиани, которые висят на самом небосводе. Правда, мы их боимся, но если что-нибудь случится — все будет кончено. Они находятся метров на двадцать выше нас. Если они сорвутся, будут лететь сорок метров: двадцать до нас и двадцать после, страховочная веревка натянется и приступит к выполнению своего назначения только на этом сороковом метре. Но какой крюк и какая веревка выдержат тяжесть двух мужчин, летящих с высоты? Страховка здесь формальная. Это знают и штурмующие, и страхующие. Все знают, но никто ничего не может сделать. Что мы можем? В альпинистской жизни есть минуты, когда каждый полагается лишь на свою судьбу. Мы полагались на ушедших вперед товарищей, мы зависели от них, от их ловкости, силы, мужества, умения. И мы верили в обоих Михайлов, которым даны были прозвища Старший и Младший. Так прозвали их коллеги, товарищи, журналисты — Михаил Старший и Михаил Младший. Прозвали неправильно, потому что Михаил Младший был в действительности старшим годами, а Михаил Старший был младше него. Старшинство как заслуга принадлежит младшему по возрасту. Это знали все, и это походило скорее на шутку.

Сейчас оба висели на волоске над бездной, и для них, связанных одной веревкой, никакого значения не имело, кто старше, а кто младше, кто руководитель группы и кто — рядовой ее член. Только бы благополучно пройти над бездной, только бы не сорваться, победить!

Вскоре с карниза, выступающего над нашими головами, исчез сперва один силуэт, затем — второй, потом исчезли лестница и площадки. Стена опустела, только там и сям торчали шлямбурные крючья...

Потом мы услышали, как застучал молоток. Через определенные интервалы стук прекращался и возникал снова. Это означало — «забиваем крючья для страховочной и вспомогательной веревок, которые скоро спустим. Готовьтесь». Всего было вбито три крючка. Трех

крюков было достаточно для безопасного подъема двух человек и крепления основной веревки, по которой нам предстояло сейчас подняться.

И вот сверху, подобно солнечному лучу надежды и утешения, соскользнула веревка. Ее появление наша четверка встретила восторженными взглядами. Мы сейчас ухватимся за этот луч, и он поднимет нас кверху, к солнцу, к конечной цели нашего трудного пути.

И вот мы наверху, мы стоим на скальном гребне, но где он, конец? Где желанная цель? Снова скалы, утесы, карнизы, углы, желоба, на которых снова будет расходоваться наша сила и воля. И главное — где оно, златоокое солнце? Куда же поднял нас луч?

Восточный ветер подул с вершины. Подул и принес с собой клочья тумана. Они цеплялись за плечи наши, за лица и оседали влагой.

Ветер усилился. Он забросал нас охапками тумана. Вокруг воцарилось серое безмолвие. Ушба помрачнела. Наши окна, которые соединяли нас с внешним миром, закрылись. Исчез из виду вспомогательный лагерь на Чаладском леднике. Сеть незримых связующих нитей разорвалась... Ощущение одиночества подрезало нам крылья. Гложущая тоска завладела нами. Тоска и молчание. Но так нельзя! Сейчас нужно быть еще более собранным, сильным, чтобы одолеть наше одиночество...

Не без труда нам удалось перебороть себя. Мы загорелись прежним азартом, и вот уже застучали молотки — переклички между связками. В лагере было опять все в порядке. Мы осваивались с туманом.

Когда я глянул на часы, оказалось, что на те двадцать метров нам понадобилось более ста двадцати минут.

— Сколько крючьев мы употребили на этом участке? — спросил я Михаила, когда менялись связки.

— Десять шлямбурных и пять обыкновенных, скальных, — ответил он. Ответил уверенным, спокойным голосом. Это было самое главное для нас.

ПИРИБЕ ГВАРЛИАНИ:

...— Один белый — группа в порядке, два белых или два зеленых — продление контрольного времени. А красный... — Михаилу трудно говорить. — Красный... — он умолкает.

Я сижу перед ним на валуне. На коленях у меня — раскрытая тетрадь, я записываю в нее каждое его слово.

В тревожном смущении оглядываю молчаливые лица.

Джокиа, Гиви, Михаил Младший, Джумбер и Шалико — все молчат.

Даже горные индейки замолкли, затаились где-то вдали, даже их свист не нарушает молчания и тишины, объявшей все вокруг. И вороны не кружат внизу — укрылись в нижних скалах.

С тех пор, как альпинисты вступили в единоборство с горами, во времени возникла какая-то новая минута. Это — минута молчания, которая возникает всякий раз, как заходит речь о красной ракете. За красной ракетой стоит жуткая тайна — то, что на языке альпинистов зовется несчастьем.

— Красная ракета — группе плохо, требуется немедленная помощь. Контрольный — до двадцать шестого августа, — кратко заканчивает Михаил.

Я закрываю тетрадь с сигнальными знаками и бережно прячу ее. Будто от нее зависит судьба товарищей. Михаил встает, ребята вскидывают на плечи рюкзаки. Михаил подходит ко мне и тихо говорит:

— Я еще в жизни не выбрасывал красную ракету... Но если ты увидишь ее, знай: пусть вспомогательный отряд не пытается подниматься снизу, ничего не выйдет. Лучше действовать с вершины...

Они ушли.

Я, кинооператор Борис Крепс и врач экспедиции Хито Мусэлиани остаемся во вспомогательном лагере. С нами остались одиночество и пустота. Впереди сверкает Чаладский ледник. Весь словно изрубленный, бесконечно длинный, он простирается кверху, к подступам вершин Чатини и Ушбы, и теряется там, сливаясь с облаками. Ребята пойдут по этому леднику, поставят палатку, чтобы оттуда рассмотреть юго-восточную сте-

ну Ушбы, которая выглядит словно пещера с разинутым зевом. На эту стену еще не ступала нога человека. Сколько экспедиций возвращалось оттуда ни с чем! Шестисотметровое Зеркало — это не шутка!.. Там их ждет тяжелейшая работа с молотками, ледорубами, шлямбурными крючьями. Ждет перспектива висеть на веревках в течение десяти суток.

...Мышляев отказался от восхождения на Зеркало. Михаил продолжал упорно думать об этом.

Идея покорения Зеркала превратилась в решимость. И тогда Михаил поделился с отцом своей мечтой. Через короткое время отец и сын Хергиани отправились к основанию юго-восточной стены. Два часа вдумчиво, сосредоточенно рассматривали стену. Составили варианты, взвешивали все за и против. Когда возвращались домой, отец сказал: «Если подберешь надежных ребят, сможете покорить Зеркало».

С того дня началась серьезная подготовка. Постепенно выявлялись желающие штурмовать Зеркало.

Они собрались и стали готовиться идти на Ушбу и возвестить ей, грозной в своей неприступности, о мощи и неодолимой силе человека... Они шли отомстить за погибших на ее склонах...

— На другой день меня ждал сюрприз. К моей радости Михаилу стало лучше. Он пришел в сознание, речь его стала нормальной, осмысленной. Все это воодушевило меня и настроило на рабочий лад. Во мне окрепла уверенность, что мой Михо поправится, что я спасу его... Всю ночь меня мучило иное предчувствие, и вот!.. В эти минуты на свете не было человека счастливее меня. В один миг перед глазами возникли оживленные улицы Тбилиси, родные, друзья, здание Альпклуба... Намжимают руки, нас утешают — ничего, не огорчайтесь, главное — все благополучно, будем живы, посчитаемся с Пиком Победы...

«Все благополучно...»

Да, главное — все было бы благополучно, все были бы живы-здоровы... Пока человек жив, он может творить чудеса, может совершать подвиги.

Погода тоже хорошая, погода тоже будто подбадривает меня. Потеплело. Теперь надо двигаться, действовать, бороться. Природа помогает нам, дело за нами!

«Но они? Где они? И как они?..»

Я вышел из нашей пещеры. Ого, вот новости — над нами, в нескольких метрах всего, палатка!

— Эгей-эй! — радостно закричал я.

Из палатки высунулась голова Кузьмина.

— Ты откуда тут взялся? — удивился и он при виде меня.

Наше убежище в снегу невозможно обнаружить с первого взгляда.

— Мы здесь, в этой вот берлоге.

— Михо там?

— Там, конечно.

— Габлиани и Кухианидзе тоже там?

Что такое?! Габлиани и Кухианидзе? Почему они должны быть там? Как? Я ничего не могу понять... Меня словно огрели по голове молотом. Неужели столь радостно начавшееся утро обманет меня? Неужели я напрасно так обрадовался палатке, появившейся над нами?..

— Вы не видели Илико и Тэмо? — снова окликнул меня Кузьмин.

— Но вы ведь были вместе, вместе вышли и...

— Мы потом разделились и разминулись... — запинаясь, говорит Кузьмин.

«Как же вы потеряли друг друга в двух шагах!.. — в отчаянии думаю я. — Как это произошло?..»

Но сейчас не время размышлять о том, как это произошло. Надо действовать. Надо что-то предпринимать. Но что?

В это время высоко на гребне появились две фигуры. Илико и Тэмо! Черепашьим шагом спускаются они вниз. Я немного успокоился. Залез обратно в нашу пещеру и начал готовить Михаила. Пришли Кузьмин и Джумбер. Общими усилиями мы усадили Михо на снег и стащили вниз. Этот участок, примерно метров в триста, ровный и безопасный. В двух-трех местах, где были на пути скалы, Михо поднимался на ноги и при моей поддержке шел сам. Опасные места его как-то отрезвляли, потому я сознательно выбирал скалистые участки.

Кириллу и Джумберу тоже трудно идти. Порой нам

даже приходится ожидать их. Потому спуск до седловины занимает очень много времени. Спустившись до 7 000 метров и оглянувшись назад, мы нигде не обнаружили Илико и Тэймураза. Остановились и стали ждать. Тем временем похолодало. Было, вероятно, градусов сорок ниже нуля. Я опять отрыл яму на подходящем участке склона, устроил убежище. Усадил туда Михо, а сам стал подниматься по гребню. Уже семь часов, вечерний сумрак быстро сгустится во тьму, — надо успеть помочь товарищам. Поднявшись всего на несколько шагов, я увидел их. У Илико все лицо почерневшее и посиневшее. На одной ноге нет шекльтона, но он, по-видимому, и не чувствует этого. Говорит с трудом.

Я срочно поставил палатку, которая была у них с собой, зажег примус. Сразу стало тепло. Потом я закатал штанины его брюк и... обе ноги были как ледяные! Начинаю растирать, мять, хлестать... Не переводя дух, массирую, растираю, потом бегу к Тэймуразу и Джумберу. От него — к Михо.

— Как они?.. Помогите лучше им, слышишь? Иди к ним! — прогоняет меня Михо.

— Эгеге-геей!.. — раздается слабый крик.

— Пойди к ним, я тебя умоляю, помогите им!..

— Воды... воды... дайте воды!..

А котелок все булькает, и никак не растает в нем снег.

— Вот как только растает, я отнесу им...

Потом уже спрашиваю Илико:

— Как все же случилось это?

— Мне очень тебя жаль... очень жаль, что ты не был на вершине. Мне всех жаль, кто не был там... не смог подняться туда...

— Как вы разошлись? Почему вы оказались не вместе?

— Я тебе все расскажу внизу, когда спустимся, расскажу... Но как тебя жалко, господи, как жалко, что ты не смог подняться...

ДЖОКИА ГУГАВА: «Скользи, скользи, веревка..»

— Ну, здесь можно и передохнуть... — говорит Михаил Младший и удобно закрепляется на стене. А наша связка — я и Шалико — перешла на страховку. По движению веревок Джумбера и Гиви, которые теперь идут первыми, мы догадываемся об их перемещении, догадываемся, успешно ли они продвигаются или испытывают затруднение. Веревка — наш главный связной. Особенно теперь, когда все кругом укрыл туман и мы с трудом различаем друг друга, эта связующая нить становится особенно ценной.

«Скользи, скользи ты вверх, веревка, и никогда не напрягайся», — вспоминаются слова из какой-то альпинистской песенки.

А веревка вправду скользит в наших руках, скользит и незаметно, медленно, но равномерно поднимается вверх. Не качается, не дергается. Это хороший признак.

Вскоре и мы следуем за веревкой. Наверху, на маленькой платформе, закрепляемся и снова переходим на страховку. Страховка здесь более надежна, чем там, внизу. Когда стена местами переходит в отрицательную, мы применяем лестницы из тройной веревки. В верхней части этого участка обнаруживается угол, который на глаз и не виден, но хорошо прощупывается рукой. Угол выгоден для положения стоя. А это означает, что наша страховка будет еще более надежной. И еще — что шлямбурные крючья будет легче вбивать в стену. Когда хоть одной ногой стоишь на твердой земле, удар приобретает большую силу, мышцы устают меньше...

Время от времени прибегаем к веревочной лестнице. Как правило, первая связка поднимается наверх с помощью площадок и лестниц.

Участок № 9. Этот участок имеет уклон 75—90°. От других он отличается тем, что на поверхности гранитной стены едва заметно обозначается пояс трещины, который тянется по вертикали. Поверхность стены имеет форму бараньего лба, и вертикальная полоса проступает, словно след топора. Мы обрадовались при виде трещины. Но она оказалась такой узкой, что не

удалось вбить крюк. Местами на «лбу» виднеются скальные выступы, образующие прямые углы с его поверхностью. Расстояние между ними примерно около двух метров. Весь участок отвесный, в середине с отрицательным уклоном. Наверху, слева — желоб, над ним — что-то вроде площадки. Передняя связка направляется туда. Снова слышен стук молотка. На нас, носильщиков и страховщиков, сыплются каменная пыль, мелкие осколки скалы.

Когда мощная волна ветра закутывает нас в плотное серое облако пыли, из поля зрения исчезает обетованная площадка над желобом. Мы не видим и ушедших вперед Джумбера и Гиви. После двадцати, максимум тридцати ударов молотка у человека, висящего в воздухе, каким бы сильным и тренированным он ни был, устают мышцы, и его необходимо сменить. Мы внимательно следим за сменой товарищей, прислушиваясь к характерным для каждого звукам ударов. Мы хорошо знаем «почерк» каждого, так что несмотря на отсутствие видимости нам не составляет труда узнавать, кто из них вышел на скалу.

— Площадка!.. Площадка! — доносится сверху радостный возглас Джумбера, возвещающий нам, что участок пройден и побежден. И вот мы наверху. Принимаем от первой связки молотки, шлямбурные и скальные крючья, лестницы и прочее необходимое снаряжение.

Мы поработали совсем немного, как вдруг снизу донесся голос Старшего:

— Эй, работяги, как вы думаете, сколько сейчас времени?

Невинный вопрос застает нас врасплох. Я, во всяком случае, думал о чем угодно и вообще не вспоминал о существовании такого понятия, как время.

— Сколько времени? — мы с Шалико пожали плечами.

— Шесть часов. Пора подумать о ночлеге. Тем более в такую погоду, когда весь мир утонул в тумане.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Окончание следует

Карло ТАБАТАДЗЕ

ВОСПАЛЕНИЕ

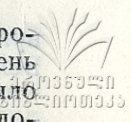
●
Рассказ

Перевела
Людмила КРАВЧЕНКО

БЕЖАНУ Шекриладзе было под пятьдесят. Это был худощавый мужчина выше среднего роста с пушистыми бровями, небольшой горбинкой на носу и тонкими губами; он рано распростился с чубом, но не особенно о нем горевал: прикрывал лысину зачесанными с затылка волосами.

Самозабвенно любил Бежан жену и детей. «Ради семьи, — любил он повторять, — можно и жизнью пожертвовать». Жертвовать жизнью ему, правда, было незачем: зарплату получал хорошую и в магазинах, так или иначе, все доставал. Так что жаловаться на судьбу Бежану не приходилось: жил с семьей скромно, без претензий, по раз и навсегда заведенному порядку. Жена тоже работала, и все сбережения складывались в одну общую копилку.

Вставал Бежан рано, хватал сумку и бежал в магазин. Молочные продукты привозили ровно в половине восьмого, и в очереди Бежан обычно стоял за одной и той же женщиной или перед ней. Некоторые, в основ-

ном шоферы, подъезжали на машинах и брали продукты без очереди, оправдываясь тем, что они «очень спешат». Бежан в таких случаях молчал: у него было высчитано, что ему молочные продукты все равно достанутся. Скандаливших женщин не поддерживал, про себя думал: ну что поделаешь, может, и правда спешат... но в глубине души, конечно, сознавал, что порядок все же надо соблюдать.

На обратном пути Бежан обычно проходил мимо парка, где по дорожкам среди газонов бегали какие-то люди, заканчивая утреннюю гимнастику: пузатые мужчины в спортивных костюмах пытели и отдувались, усиленно стараясь сбросить вес. А у ворот парка их ждали машины с беспечно покуривавшими в ожидании «хозяев» шоферами. Бежан ни разу не остановился и не поинтересовался, кто эти заплывшие жиром люди: они были для него такими же предметами, как парковые деревья, скамейки и навесы.

Бежан приходил домой. Семейство его уже вспорхнуло с постелей, и теперь жена готовила завтрак, а дети повторяли уроки. Одна из дочерей была в семье на особом положении, требовала к себе много внимания. Это была «плутовка Дареджан» — так звал Бежан младшую дочь — которая очень плохо училась. И хотя школьная учительница ничего не делала для того, чтобы девочка училась лучше, Бежан никогда не позволял себе высказать недовольство школой или учительницей. Создавшееся положение он считал явлением временным, и утром и вечером подолгу просиживал с дочерью над учебниками, сам водил ее в школу и даже носил портфель. Старшая дочь, девочка сметливая, училась на одни пятерки и не особенно нуждалась в помощи, но и ей отец уделял внимание — водил в музыкальную школу.

Очень тяжело было ездить по утрам на городском транспорте — троллейбусы были набиты битком, но выручала плутовка Дареджан: по возрасту она имела право входить через переднюю дверь, и вместе с ней поднимались отец и старшая сестра. Некоторые пассажиры, правда, ворчали, но Бежан их одергивал: вы что, не видите — я с детьми!

Каждый день у Бежана был расписан по часам, и вся неделя распланирована заранее: что в какой день

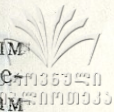

нужно сделать; и этот однажды заведенный порядок Бежан никогда не нарушал.

— Бежо, — так ласково называла его жена, — может, купишь мне новые туфли, — и показывала старые, — смотри, как износились.

Бежан со всем соглашался. Сердце у него радовалось, когда рядом с ним шли красиво одетые, аккуратно причесанные и умытые жена и дети. О себе он совсем не думал. Летом ему хватало пары рубашек с короткими рукавами, а осенью и зимой — одного костюма. Галстуки Бежан не носил и вообще не понимал, для чего они нужны. «Шею не греют, — говорил, бывало, Бежан, — другого назначения тоже не имеют, наоборот — сжимают горло, мешают дышать — так зачем они нужны?!» Зато очень любил ремень. Туго перетягивал ремнем свою тощую фигуру и приговаривал: «Ремень мужчине необходим — и брюки не свалятся, и живот не вырастет».

Бежан ни в чем не нуждался: была у него и двухкомнатная квартира, и импортная мебель (и квартиру, и мебель получил по месту работы). Сам бы он довольствовался и отечественной мебелью, но жена настояла на импортной. А недавно им и телефон поставили. Короче говоря, жил Бежан вполне прилично. Если бы немного поднатужился, смог бы, наверно, и машину купить, но не хотел: боялся, что не сможет научиться водить. Больше всего хлопот доставляло Бежану собственное здоровье: у него с детства было слабое горло, и стоило чуть подуть ветерку, как горло краснело, гланды набухали и поднималась температура. Бежан успел приспособиться к этому своему недугу и обычно чувствовал заранее, когда у него должно заболеть горло: ему снилось ночью, что глотку ему набили раскаленными углями или прижгли каленым железом — он в страхе просыпался, сразу понимал, что у него начинается ангина, и тут же начинал лечение: полоскал горло содовой водой и глотал таблетки стрептоцида. Когда ему пошел пятый десяток, стало давать о себе знать сердце. Врачи сказали, что во всем виноваты гланды, и посоветовали их удалить. Но стоило Бежану представить себе, что он открывает рот и в горло ему засовывают ножницы, как мороз пробежал у него по коже и даже холодный пот прошибал от страха. И опять

он предпочел самолечение: ходил с завязанным горлом, ничего холодного в рот не брал, даже питьевую воду немного подогревал. А к пятидесяти годам горло вдруг само перестало болеть. Он часто подходил вплотную к зеркалу, открывал рот и, затаив, как у врача, «а-а», заглядывал себе в горло.

— Писо, — говорил он жене, — кажется, мои железы сами прошли.

— Бежо, дорогой, — успокаивала жена, — какие могут быть железы в нашем возрасте — конечно, пройдут, как же иначе!

На работе Бежана звали Бежаном Бегларовичем. На его плечах было целое объединение, он был главным специалистом, и в объединении ничего не делалось без учета огромного опыта и больших знаний Бежана Бегларовича. Его рабочий стол стоял в комнате, расположенной слева от кабинета управляющего, но Бежан чаще находился в самом кабинете: управляющий то и дело, по каждому пустяку, нажимал кнопку звонка и вызывал его к себе. В одной комнате с Бежаном сидели еще две сотрудницы: калбатони Ксения и Люба, но как только раздавался звонок, именно Бежан хватал папку с бумагами и бежал к управляющему.

В объединение Бежана привел сам управляющий. Его тогда только что назначили на эту должность, и он подыскивал себе дельного и работающего подручного. Кто-то порекомендовал ему Бежана, и он переманил его из Водоканалтреста тем, что предложил оклад на двадцать рублей выше прежнего. Бежану тогда было тридцать пять лет, у него не было еще ни детей, ни жены, и он работал день и ночь — привел в порядок все дела объединения, отладил всю работу, как часовой механизм. Управляющий тоже сдержал слово: когда Бежан обзавелся семьей, он помог ему получить квартиру, дал тринадцатую зарплату и, чтобы повысить оклад, сделал его «главным специалистом». Бежан был ему за все это очень благодарен. Несколько раз приглашал управляющего к себе в дом, специально устраивал обед. Если бы управляющий сказал Бежану, что нужно за ночь подготовить проект — он бы не задумываясь это выполнил. Все видели, как самоотвер-

женно трудится Бежан, знали, как он необходим, но нашлись все же насмешники, которые прозвали его «сивым управляющего», или просто «сивым». В глаза конечно, никто ему этого не говорил, а за глаза все звали «сивым». Дошло это и до управляющего, друзья сказали ему об этом как-то в компании и много смеялись по этому поводу. Потом один из приятелей управляющего тут же, за столом, внес предложение: открыть цех «сивых ослов» и выпускать маленьких пластмассовых осликов. Так был открыт цех «сивых ослов», который весьма себя оправдал. В одном из отчетов, подготовленном Бежаном для управляющего, так и было зафиксировано: «Сивые ослики» принесли объединению большую прибыль: план был выполнен на 120 процентов».

Бежан приходил на работу рано, надевал черные нарукавники и до прихода управляющего приводил в порядок все бумаги, прочитывал все поступившие письма, сортировал их в зависимости от содержания и ранга отправителя, готовил тексты ответов по-грузински или по-русски. Правда, по-русски он писал не очень хорошо, но, полагаясь на секретаря-машинистку, смазывал окончания слов, вроде, мол, быстро написано, и таким образом довольно легко преодолевал все препятствия. Прежде он пользовался счетами или «Феликсом», но потом объединение приобрело машинки типа «Электроника», и одну такую машинку дали главному специалисту. Бежан подолгу с удовольствием смотрел на циферблат с мерцающими зелеными цифрами. «Вот это я понимаю...» — не переставал он восхищаться, когда умная машина в мгновение ока выдавала ответы на сложнейшие вычисления.

Любое учреждение, а тем более такое большое объединение, конечно, не обходится без сплетен. В комнату часто заходили женщины из других отделов — посплетничать с калбатони Ксенией и Любой. Бежан любил их послушать, и они нарочно шептались так, чтобы он мог их слышать.

— Не верю! — часто заявлял Бежан, и он действительно не верил рассказам о злодеяниях управляющего, такого влиятельного и могущественного человека. В последнее время много всего рассказывали об управляющем и его дружках: будто бы он необъектив-

относится к сослуживцам, неправильно распределяет квартиры, будто даже допускает производственные финансовые нарушения.

— Неправда это! — кричал Бежан. — Все проходит через мои руки, я бы об этом знал!

— Вам-то откуда знать, батоно Бежан, — отвечали женщины.

А сплетни вскоре и правда подтвердились. Управляющему и его приспешникам было предъявлено множество обвинений: на производствах, входящих в состав объединения, царила, как оказалось, полная безответственность, непростительная позиция управляющего, поощрявшего угодливость и панибратство, способствовала всяческим негативным явлениям, планы на предприятиях выполнялись фиктивно, имели место бесчисленные «приписки», выпуск брака и сбыт бесфактурного товара. Правда, управляющего не смогли уличить в финансовых махинациях, но как недостойного, оторвавшегося от масс руководителя освободили от занимаемой должности, и собутыльников спровадили вместе с ним.

— Поразительно, — восклицал потом Бежан, — как все это скрыли от меня?! Кое о чем я, конечно, догадывался, но...

Более всего удивляло и поражало Бежана то, что его никуда не вызвали. Представляют, вызывали даже тех женщин, которые приходили к ним посплетничать, а Бежана Бегларовича, главного специалиста объединения, которого даже прозвали «сивым управляющего», — не вызвали. Пришли пару раз, полистали дела — и ушли. И только на партийном собрании, где разбиралось персональное дело управляющего, Бежан по собственному желанию выступил в прениях. Он все еще не верил, что управляющего, такого влиятельного человека, могут окончательно уничтожить. Начал Бежан издали, высказался об управляющем как об энергичном, деловом человеке, подчеркнул, что именно благодаря ему были реорганизованы и прочно стали на ноги многие производства, входящие в состав объединения. Но Бежана Бегларовича прервали: поднялся с места представитель райкома и сердито спросил:

«Что конкретно вы можете сказать по поводу преступных действий, в которых обвиняется управляющий?» — пожал плечами Бежан. «Об этом я ничего не знаю!» — пожал плечами Бежан. «Тогда садитесь». Бежана бросило в жар, больше уже ничего не слышал и не воспринимал.

Осталось управление без управляющего. Обязанности управляющего выполнял теперь его недавно назначенный заместитель; это был неопытный молодой человек, но с Бежаном заместитель ни о чем не советовался. Время шло; производство требовало реорганизации, потребители — улучшения продукции, а дело места не двигалось: нужен был руководитель. В объединении воцарились безответственность и недисциплинированность: сотрудники бегали где-то по своим личным делам, иногда собирались все вместе, сплетничали и балагурили.

Тяжко пришлось Бежану; правда, наблюдение дисциплиной не входило в его обязанности, но сам никак не мог привыкнуть к безделью; то и дело заходил к заместителю управляющего и предлагал решить тот или иной вопрос.

— Повременим, — неизменно отвечал заместитель. — Вот назначат управляющего... Это дело нелегкое, ищут честного, знающего и порядочного человека.

И Бежан терпеливо ждал, а в душе переживая, кто знает, какого пришлют управляющего, чего доброго, еще разгонит нас всех, старых служащих.

Однажды, когда он сидел, уныло уставившись на свою счетную машинку, зашли в комнату посплетничать женщины, а с ними — председатель профкома Гурам, энергичный, деловой молодой человек.

Он за руку поздоровался с Бежаном и присел на стул рядом с ним, поигрывая связкой ключей. Женщины завели разговор о назначении управляющего, высказали несколько предположений. Гурам тоже поделился своими соображениями, назвал директора одного из передовых предприятий — наверно, мол, его назначат. Бежану ни один не пришелся по душе. «Этот вряд ли», — сказал он.

— Так чего же они ждут? Должны же кого-то назначить! — разволновалась калбатони Ксения. — Люди переживают, все выбиты из колен.

— Придется еще потерпеть, — повторил Бежан.

слова заместителя.—Подбор кадров—дело непростое, ищут честного, знающего и порядочного человека.

Гурам прищурил один глаз: неужели, мол? Сунул в карман связку ключей и развел руками, повернувшись к Бежану:

— Тогда пусть вас назначат, батоно Бежан: вы человек честный, порядочный, и кто лучше вас знает дела нашего объединения?!

Женщины заулыбались и устались на «сивого» бывшего управляющего. Но Бежан отмахнулся: прием тут, мол, я.

— Но почему, почему?! — не унимался Гурам. — Ну чего вам не хватает? Почему вас не могут назначить управляющим?!

И вот застряла у Бежана в голове эта мысль, и потерял он покой, ночью не мог заснуть, все думал о том, как бы он провел реорганизацию производств, сделал их более эффективными и прибыльными. Кого из директоров снял бы, кого оставил. То, что до сих пор казалось ему невероятным, теперь представлялось вполне реальным. Он стал подбирать подходящие кандидатуры среди своих знакомых. «А в управлении я бы распорядился таким образом: нынешнего заместителя отправил бы на производство, свою должность вообще бы упразднил — зачем она будет нужна, если я сам стану управляющим! Калбатони Ксению переведу на должность старшего экономиста — она женщина знающая, может принести пользу объединению. Председателя профкома, Гурама.. парень он шустрый.. назначу директором одного из производств. Некоторые цеха упраздню, например, цех «сивых осликов»: кому они нужны, хватит!» Потом он мысленно пересмотрел бюджет объединения, вспомнил о скрытых резервах, подумал и об экономическом стимулировании — и пришел к выводу, что за два года объединение может прочно стать на ноги, и не так, как это было до сих пор — только на бумаге, фиктивно — а по-настоящему, опираясь на прочную экономическую основу.

Всю ночь не спал Бежан, но утром, по своему обыкновению, встал засветло, схватил сумку и побежал за молоком. Когда дошел до парка, мысли у него совсем

разбрелись: в аллеях, как обычно, тренировались пузатые мужчины, тут же их поджидали персональные машины. Наверно, это руководители производств, подумал Бежан, а может, и повыше. Как хорошо, подумалось Бежану, когда тебя обслуживает машина: за молоком ее можно послать утром, и детей в школу отвезти, а ты иди себе в парк и тренируйся — спортивные упражнения все же дело хорошее... Бежан развел руки в стороны — бутылки и банки для молока и сметаны столкнулись и зазвенели в сумке. Бежан вздрогнул, вернулся к действительности и сразу заторопился: не опоздать бы.

Молочные продукты уже привезли, и его постоянная соседка по очереди продвинулась далеко вперед; Бежан безропотно встал в хвост очереди и посмотрел на часы — он уже опаздывал. А продавец с кем-то спорил и размахивал руками.

Бежан неожиданно для самого себя протянул руку к прилавку и крикнул: «Хватит вам там! И нам уделите внимание!»

В троллейбусе он сгорал от нетерпения: хотелось побыстрее добраться до кабинета управляющего и поглубже вникнуть в дела. «Нет, — думал Бежан Бегларович, — я должен немедленно взяться за объединение!». Вдруг он вспомнил о заместителе, исполнявшем обязанности управляющего: надо мне с ним поговорить, хочет работать — так пусть работает, а не хочет... но что он сделает с заместителем, Бежан еще не решил.

В объединении он застал обычную неразбериху. Заместитель в этот день вообще не появился — был на каком-то совещании. Распространился слух, что совещание посвящено назначению нового управляющего, но Бежан при содействии Гурама узнал из «достоверных источников», что совещание касалось производственных вопросов. Бежану с Гурамом никто не мешал: они сидели в кабинете управляющего и обсуждали вопрос назначения нового управляющего.

— Возьмут и назначат кого-нибудь, кого мы вообще не знаем, — твердил Гурам.

— Да что ты! — спорил с ним Бежан. — Как можно, без нашего ведома никого не назначат, с нами посоветуются. Должны же и с нами считаться! — впер-

ые в жизни горячо доказывал Бежан. — Конечно, обязательно посоветуются!

— А вот увидим, — стоял на своем Гурам. — Может, придем завтра, а в кабинете — новый управляющий.

Новый управляющий... Открою дверь — а он в кабинете! Бежана как обухом по голове стукнули. После ухода Гурама Бежан весь день просидел в кабинете управляющего, ломая голову над тем, как бы разузнать, что там, наверху, намереваются предпринять. В конце концов в какой-то клетке его мозга дала росток очень смелая мысль — и мозг энергично заработал: а что, если направить дружеское письмо в вышестоящую организацию? Проанализировать теперешнее положение нашего объединения, назвать полезных для дела людей, и непригодных тоже. Бежан сел и обхватил голову руками. Напишу дружеское письмо и подпишусь! Прочтут — и заинтересуются мной...

В тот день он должен был вести сметливую дочурку в музыкальную школу и поэтому немного пораньше ушел с работы.

Жена стирала в ванной комнате; не успел Бежан войти в прихожую, как она тут же сказала:

— Бежо, отведи ребенка на музыку, она уже опаздывает!

Прежде, едва дочь исчезала в классной комнате. Бежан бежал в ближайший кинотеатр и, пока ребенок занимался музыкой, смотрел какой-нибудь новый фильм. Но теперь Бежану было не до фильмов, он стоял в коридоре и размышлял.

Когда он пришел домой — все у него было уже продумано; он уединился, сел за письменный стол и принялся излагать на бумаге уже сложившиеся в уме фразы, шевеля от усердия губами.

«Дружеское письмо.

Я работаю в объединении в течение четырнадцати лет. Начал рядовым инженером-экономистом, а сегодня я — главный специалист объединения...»

Писал Бежан долго, прилежно складывал предложения; почерк у него был хороший, и он старательно выводил каждую букву. Сначала коснулся своей без-

упречной деятельности. Затем заострил внимание допущенных предыдущим руководством ошибок, а в конце сформулировал и обосновал большие возможности, перспективу которых давало объединение. Начать же дело, по мнению Бежана, можно было лишь при условии назначения в объединение знающего, честного и деятельного руководителя. В этом месте ему очень хотелось упомянуть свою фамилию, но перо как не подчинялось ему, к тому же и сердце вдруг так заколотилось, что он отказался от этого намерения. Пять страниц посвятил вопросу расширения и реорганизации входящих в объединение предприятий, замене старого оборудования новым и внедрению научных достижений. Все это подкрепил цифровыми данными экономических показателей и повышения эффективности. Он писал, в частности:

«Выпуск «сивых осликов» мы считаем нецелесообразным, так как спрос на эти игрушки упал, нерезализованные ослики скапливаются на складе. Зато хорошо сбываются «Нацаркекии» и «Безбородые обманщики»¹; мы исследовали наши возможности и пришли к глубокому убеждению, что увеличение выпуска «Нацаркекий» и «Безбородых обманщиков» возможно за счет реорганизации цеха «сивых осликов».

До двух часов ночи писал, переписывал и перечитывал письмо Бежан Бегларович. Всего получилось восемь листов, в конце он разборчиво подписался, еще раз все прочел и вложил письмо в конверт.

Наутро он самолично отнес и сдал письмо.

Два дня прошли в ожидании. На работе все шло как обычно: все приходили и уходили, кому когда вздумается, представьте, даже калбатони Ксения не сидела на своем обычном месте. Заместитель управляющего не принимал никаких мер для наведения порядка. По всему было видно, что он чего-то ждал со дня на день. Тем временем из «достоверных источников» не поступало никаких новых сведений. Накануне заместитель вызвал Бежана и поручил ему найти дело цехов № 2 и № 5, объяснив, что поступила рекламация на выпускаемую ими продукцию, и нужно составить

¹ Нацаркекия и Безбородый обманщик — персонажи грузинских народных сказок.

кст приказа и обнародовать его. Бежан молча уда-
лся, улыбаясь про себя: эх ты, мил человек, если я
зыщу дела, сам подготовлю текст приказа, вам-то
о же останется — только подписать? Так давайте
к я сам и подпишу. Что же вы тогда за специалист,
о за начальник?..

На третий день после того, как он отнес письмо,
Бежан получил повестку — его вызывали наверх.

Заволновался Бежан. Он ждал вызова, но не думал,
то это на него так подействует. Утром встал очень ра-
о, принял ванну, тщательно побрился, надел свежую
елую рубашку, черный пиджак, но галстук? Он не-
колько раз подходил к зеркалу, то застегивал, то рас-
тегивал ворот рубашки — и убедился, что без галстука
никак не обойтись.

— Бежо, зачем тебе пиджак? — удивилась жена.
— Посмотри, какое солнце на дворе, сегодня будет
очень жарко.

Бежан промолчал, не хотел посвящать жену в со-
кровенное: он уже не раз убеждался, что стоит заранее
о чем-то рассказать — ни за что не сбудется.

Выхода не было, и Бежан отправился за галстуком
к соседу по площадке. Сосед, человек приветливый и
веселый, очень обрадовался, когда Бежан попросил у
него галстук. Они когда-то даже поспорили из-за гал-
стука, причем Бежан утверждал, что галстук вообще
не нужен, и он лично в жизни его не наденет. И теперь
торжествующий сосед вынес ему несколько галстуков
— на выбор. А сам все твердил: «Значит, все же пона-
добился галстук, понадобился все же!» Даже не поин-
тересовался, зачем Бежану галстук. Сам он работал
в управлении ресторанов и знал цену галстуку.

Вернувшись домой, Бежан опять посмотрел на себя
в зеркало: галстук и черный пиджак очень шли друг к
другу. Бежан Бегларович чуть напыжился и оцениваю-
щим взглядом оглядел себя в зеркале. Щеки у Бежо
были впалые, глаза тусклые, высокий лоб весь в мор-
щинах — внезапно им овладело плохое предчувствие,
но он нахмурился: ничего, потерпи, потерпи немного,
— прошептал он своему двойнику в зеркале, — скоро
я тебя откормлю, лишь бы никто не сглазил. Из задум-

чивости вывела Бежо детская ссора. «Ты, бестолкая!» — кричала смегловая дочурка плутовке Дарьджан.

В комнату заглянула жена:

— Бежо, ты опять у зеркала вертишься? Что с тобой сегодня? Чего это ты никак из дому не выберешься?

— Сходи сама, — вырвалось у Бежана, а про себя он еще подумал: «Где это видано, чтобы за молоко бегал мужчина...» Но он тут же сам понял, что ничего у него не выйдет: жена ведь тоже спешила на работу и за детьми нужно было присмотреть. Бежан неохотно взял сумку — схожу, дескать, в последний раз — и отправился в магазин.

Утро стояло чудесное, солнце еще не вошло в полную силу, но было очень тепло, и Бежану, выряженному в черный пиджак и галстук, стало нестерпимо жарко. Хотел было расстегнуть ворот рубашки, даже взялся рукой за галстук — но передумал: надо привыкать. Шея у него будто одеревенела, галстук давил на горло, душил. Поравнявшись с парком, он издали оглядел толстяков в спортивных рейтузах и в майках: те усердно бегали по аллеям. Бежан не собирался останавливаться, но вдруг представил себе, что он тоже будет приходить сюда тренироваться — и невольно приостановился и расслабил галстук. Вдруг кто-то окликнул его: «Бегларович, Бегларович!» Бежан посмотрел в ту сторону: по посыпанной красным гравием дорожке к нему бежал один из толстяков в майке и махал рукой — это был бывший управляющий объединения. Бежан нахмурился — ему было неприятно встречаться с этим человеком — и приготовился отвечать на вопрос коротко и резко. Управляющий подбежал, улыбаясь, протянул ему руку и по-свойски спросил: «Как поживаешь, Бегларович?» Бежан растерялся, хотел переложить сумку из правой руки в левую, но сделал это так неловко, что молочные и сметанные банки столкнулись и зазвенели.

— Бегларович! — бывший управляющий поправил ему галстук. — Ты настоящий человек, я никогда не забуду твоей услуги.

— Какой услуги? — про себя удивился Бежан, и шея у него еще больше окаменела.

— Скольким людям я делал добро, но никто за меня не заступился, ты ведь помнишь? — продолжал бывший управляющий. — Правда, к тому времени все уже было решено, но твоего мужественного поступка я никогда не забуду. — Он оглянулся и продолжал: — Дочерю тебе одну тайну, но ты пока никому не говори, кругом ведь полно злодеев и завистников. Меня назначают директором одного хозяйства, не сегодня-завтра все решится, и мне нужен надежный человек, такой, как ты, верный и трудолюбивый, так что если ты со-тласен...

У потрясенного Бегларовича все смешалось в голове.

— Обидели меня, дорогой Бежан, обидели! Но что поделаешь, — продолжал бывший управляющий. — Были у нас ошибки, кто же это отрицает, но такая сложилась тогда ситуация, а преступлений я никаких не совершал, ни вот столечко себе не присвоил, — показал он Бегларовичу ноготь и засмеялся: — Искушим все, искупим. Такие, как мы, порядочные, знающие и уважаемые люди на дороге не валяются. Вырастить кадры — дело нелегкое, а тем более подобрать опытного руководителя.

Бежан вдруг вспыхнул, хотел бросить в лицо бывшему управляющему, мол, не тебе со мной в честности равняться, знаю я теперь, что ты за человек, но смог сказать лишь, что его вызывают наверх, а там, мол, посмотрим.

— Тебя? Вызывают? Зачем? — удивился тот. — Что им от тебя нужно? Ни на что не соглашайся, Бегларович, переходи ко мне, не прогадаешь!

Бежан расстался с бывшим управляющим очень озадаченный и взволнованный.

Он здорово запоздал, молока оставалось всего несколько бутылок, сметана кончилась, только творога и мацони было еще много, а в очереди стояло человек двадцать женщин. Бежан глянул на часы: к этому времени он уже возвращался домой, и дети завтракали. «Ну и что? — мелькнуло вдруг в голове у Бегларовича. — Почему я должен стоять в очереди вместе с этими праздными женщинами, не сегодня-завтра...» Бе-

жан подошел к прилавку, и все вроде пошло гладко. Продавец узнал его, улыбнулся, подал две бутылки молока, две банки мацони, и он уже собирался расплатиться, как вдруг стоявшая сзади женщина взвизгнула: почему, дескать, отпускаешь без очереди?! И все сразу загалдели.

— Да что вы, в самом деле! — прикрикнул на него продавец. — Замолчите, а то вообще ничего не будете продавать. Неужели этот единственный мужчина должен сиротливо стоять среди стольких женщин?

— Ну и что?! — возмутился еще кто-то. — У нас что ли, нет мужчин и детей?! Пусть станет в очередь.

— Стыдитесь, женщины, — услышал Бежан тихий голос, — вы же видите, этот человек — лицо ответственное, наверно, опаздывает на службу.

От этого у Бежана совсем упало сердце. Лучше было мне вернуться с пустыми руками — подумал он и оглянулся — хотел увидеть эту женщину. Но взгляд его наткнулся на чернявую, толстую, носатую, мужеподобную женщину. Размахивая руками и что-то крича, она приближалась к нему. Оробевший Бежан предпочел побыстрее смыться.

Дети были уже готовы и ждали отца с портфелями в руках. «Сейчас, детки, сейчас!» — засуетился Бежан и, не пивши, не евши, побежал вслед за детьми.

На остановке народу толпилось еще больше, чем обычно, троллейбуса все не было, а дети уже опаздывали в школу. Раздумывать было некогда. Бежан подошел к обочине и стал махать рукой всем легковым машинам. На его счастье остановилась черная «Волга».

«Это хорошее предзнаменование», — думал Бежан Бегларович, когда черная «Волга» мчала его к управлению. — Как это непривычно и приятно, — думал Бежан, — ради такой жизни стоит, пожалуй, и похлопотать немного». Он остановил машину перед зданием управления, у самой лестницы, незаметно расплатился с шофером, вышел из машины и решительным шагом поднялся по ступенькам. Сослуживцы не выразили особого удивления по поводу того, что Бегларович прикатил на работу на машине, только калбатони Ксения не сводила с него глаз — удивлялась, видя Бегларовича таким нарядным. Бежан даже не надел черные нарукавники — сидел за столом с деловым видом и то пи-

сал, то читал какие-то приказы и распоряжения, но все это так, между прочим, а сам всем своим существом ждал часа, когда он должен будет отправиться «туда».

Время шло медленно, заместитель управляющего все не появлялся, якобы ушел осматривать какой-то цех... А Бежану не терпелось сообщить ему, что его вызывают в вышестоящие органы. Все это действовало на нервы, путало мысли, а в последние минуты у Бежана вдруг так прихватило сердце, будто его сжали цепкими клещами.

Наконец наступил момент, когда Бежану пора было отправляться. Бегларович спокойно встал и, многозначительно указывая пальцем вверх, сказал Ксении, что его вызывают наверх и он может задержаться — и вышел из комнаты. В коридоре столкнулся с Гурамом. Тот шел не спеша, беззаботно играя связкой ключей; увидев Бежана, развел руки в стороны: «Видели, видели, как вы подъехали на министерской машине, — и, сладенько улыбаясь, добавил: — Я как раз к вам собрался, а вы далеко?»

Бежану все это было очень приятно, и он с трудом удерживал расплывающиеся в довольной улыбке губы. Он указал пальцем наверх и многозначительно произнес: «Вызывают, а зачем — не знаю».

— Все ясно, батона Бежан, — заулыбался Гурам и опять развел руками. — Вот мы же не ездим на министерских черных «Волгах»... Ждете машину? Или вас подвезти?

Бежан не стал отказываться от предложенной услуги («Что ж, буду очень признателен») и вскоре уже мчался в «Жигулях» Гурама. По дороге Бежан был немногословен, не хотел откровенничать с Гурамом: пусть, дескать, думает, что хочет. Гурам, конечно, не очень верил в возможность назначения Бежана управляющим, но ведь чего на свете не бывает, а вдруг и правда назначат, думал он про себя, тогда я поймаю сразу двух зайцев.

— Бегларович, дорогой, ну где они найдут лучшего управляющего, чем вы? — на всякий случай распинался он. — Ни в коем случае не отказывайтесь, мы все вам

поможем. Если уж на то пошло, разве и до сих пор вы фактически выполняли всю работу?

— Все это, конечно, так, но тут много всяких нюансов, — сдержанно возражал Бежан. — Тут много всего такого, чего мы пока не знаем, не умеем — опыта нам не хватает, опыта, — деловито заключил он.

В приемной толпился народ. Бежан был здесь впервые и не знал, как себя вести. Наконец ему подсказали, что делать. Он подошел к окошку и протянул повестку. Сердце у него забилося учащенно, стало трудно дышать — и вдруг он буквально остолбенел: «Вашей фамилии в списке нет, — сказали ему, — звоните в секретариат». Опешивший Бежан отошел от окошка и направился к телефонной будке. В приемной откуда-то сильно дуло, но Бежану все равно было ужасно жарко, он чувствовал, как по спине у него стекают струйки пота. И тут Бегларович впервые пожалел о том, что написал то письмо.

Молодой женский голос в трубке удивленно переспросил: «Шекриладзе, какой Шекриладзе?»

— Бежан Бегларович, — ответил Бежан и вытер лицо носовым платком. — Я позавчера принес дружеское письмо...

— Мы ежедневно получаем сотни таких писем, — сердито ответил голос. — О чем конкретно было ваше письмо?

— Конкретно?.. — растерялся Бежан и начал пересказывать содержание письма.

— Вот, нашла, — перебила его женщина. — Бежан Бегларович Шекриладзе. Письмо касается изыскания путей научно-экономического стимулирования объединения, не так ли?

Бежан облегченно вздохнул: «Да-да, так точно!» — и рукой отжал платок.

— Ваше письмо передано в научный отдел, можете сейчас позвонить туда.

Бежан повесил трубку, распахнул промокший пиджак, в голове мелькнуло: брошу все и уйду, но он тут же представил себе горящие любопытством глаза Гурама и Ксении — и опять потянулся к телефону, набрал номер.

— Письмо к нам еще не поступало, — ответили ему. — Позвоните завтра утром. «Тем лучше», — по-

му-то обрадовался Бежан и вышел из будки, облегченно улыбаясь.

Был полдень, стояла ужасающая жара. Бежан поспешно бежал вниз по спуску и уже совсем было собрался снять и галстук, и пиджак, и закатать рукава насквозь промокшей рубашки, но вдруг понял, что отступить поздно: прыгнул в реку — так плыви до конца, если не хочешь окончательно опозориться в глазах сослуживцев — уж это-то Бегларович понимал. Выйдя на главную улицу, он вдруг так внезапно и так сильно схватился за грудь, что у него чуть не разорвалась грудь, перехватило дыхание, а грудную клетку пронзила такая острая боль, что он остановился, прижав руку к груди, и стал прислушиваться к своему пульсу, обводя несчастными глазами прохожих.

Весь этот день Бежан был не в духе и, сидя за рабочим столом, со страхом и беспокойством ждал следующего чихания. «Неужели опять будет так больно?» — думал он. Насморк появился лишь на следующее утро. Бежан тут же обратился к испытанному средству. Одна родственница научила его промывать нос морской водой и сказала при этом, что вместо морской воды можно использовать мыльную. И Бежан, как только у него появлялся насморк, растворял в воде мыло и приступал к промыванию. Он и на этот раз поступил так же: набрал в горсть мыльной воды и втянул ее в нос. Но пропади оно пропадом, такое лечение: носоглотку обожгло так, что он чуть не задохнулся, из глаз потекли слезы, и какое-то время он стоял ничего не видя, не слыша и почти не дыша. Вскоре жжение прошло, и он глубоко вдохнул.

В то утро ему не нужно было идти за молоком, и он с детьми явился на троллейбусную остановку пораньше. Все шло своим чередом, в объединении тоже не было слышно ничего нового, но Бежан почувствовал, что сослуживцы в обращении с ним стали более предупредительными и почтительными. Ксения, например, все заглядывала ему в глаза и вздыхала. Около десяти часов Бегларович степенно встал, опять указал пальцем наверх — мол, «туда» ухожу, и вскоре уже бежал вверх по улице, не переводя дыхания. Заведу-

щий отделом оказался на месте, и едва Бегларови назвал свою фамилию, как он, чему-то вроде очень обрадовавшись, воскликнул:

— Товарищ Шекриладзе, ваше письмо меня не касается!

Бежана бросило в жар; и лицо, и тело сразу стали мокрыми от пота

— Вы слушаете?! — вновь донеслось из трубки, Бежан прижал ее к уху. — Письмо ваше скорее критическое, разоблачительное, чем научное, не так ли?

Бежан сразу даже не сообразил, о каком письме шла речь, но, привыкший со всем соглашаться, произнес: «Да, да, конечно...»

— Так зачем же его передали мне? — изумился голос в трубке. — Хотя вы-то тут при чем, — протяжно пропел он и деловито переспросил: — Вы меня слушаете, товарищ Шекриладзе?..

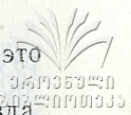
Бежан Шекриладзе его, конечно, слушал, но одно слово не мог из себя выдать и лишь тупо вращал глазами.

— Ваше разоблачительное письмо, — услышал Бежан, причем слово «разоблачительное» было почему-то произнесено с ударением, — я передам в отдел контроля. Конечно, это письмо их касается, а не нас!

Бежан миновал спуск, на ходу шмыгая носом. Из носа текло безостановочно, и он то и дело подносил к носу мокрый платок.

На работу он больше не пошел, зашел в аптеку, купил лекарство и, придя домой, лег в постель. Сейчас у него была единственная забота — любым способом побыстрее избавиться от насморка. «Удивительно! — изумлялась жена. — Как можно схватить насморк в такую жару?! Ну и хилый же ты у меня!» Бежан ничего не отвечал, он всегда помалкивал, когда чувствовал себя виноватым. А Писо с убийственной иронией все подтрунивала над ним. Но заставила проглотить таблетки кальцекса и аспирина, затем велела сесть, хорошенько укутала, принесла ведро с горячей водой и заставила опустить в него ноги.

Закутанный в одеяло, с замотанной полотенцем головой, Бежан долго сидел, опустив в ведро волосатые ноги и упираясь локтями в колени. Сидел молча, но в

душе злился и ругал себя. Какого черта написал он это проклятое письмо!..

Утром Бежан, как обычно, проснулся рано. Правда, он чувствовал слабость во всем теле, но нос уже не беспокоил. Он сел в постели, потрогал нос рукой, попробовал высморкаться — все было в порядке. Бежан обрадовался, заулыбался и стал быстро одеваться — надо было бежать за молоком.

— Зачем ты встаешь, Бежо? — жена открыла глаза и удивленно уставилась на него. — Лежи, я сама схожу за молоком.

— Я хорошо себя чувствую, Писо, милая, совсем хорошо! — улыбнулся Бежо и, не надев пиджака, подхватил сумку с бутылками и банками.

На обратном пути из магазина он намеренно даже не смотрел в сторону парка: какое мне до них, дескать, дело, кто хочет, тот пусть и тренируется. И вдруг услышал, что его зовут: «Бегларович! Бегларович!».

Это оказался шофер бывшего управляющего. Он стоял у «Волги» и энергично махал ему рукой. В «Волге» сидел бывший управляющий в спортивном костюме. Едва подойдя к машине, Бежан сразу понял, что бывший управляющий уже не был «бывшим»: к нему вернулась прежняя самоуверенность, и голос опять стал стальным. Бежан застенчиво стал у дверцы и впился горящим из-под мохнатых бровей взглядом в бывшего начальника.

— Здравствуй, Бегларович! — приветствовал его из машины бывший и протянул руку, даже не приподнимаясь с сиденья. — Ну, что ты решил, пойдешь ко мне или нет?

— К вам?! — растерялся Бежан и удивленно уставился на него, потом перевел взгляд на шофера — может, хоть он выведет его из затруднительного положения.

— А-а! Я тебе еще не говорил, нет? — загудел бывший управляющий. — Меня назначили директором одного хозяйства. Хозяйство, правда, небогатое, но что поделаешь, мне не впервой — года за два поставлю на ноги.

По телу Бежана Бегларовича пробежал озноб, вс

рту пересохло, а глаза чуть не вылезли из орбит! «Назначили, назначили!» — изумленно повторял он про себя и не мог двинуться с места. А директор все гудел, кому-то грозился что-то «припомнить» и всюду расхваливал себя. Слышать-то Бежан все слышал, но анализировать получаемую информацию был не в состоянии.

Наконец машина тронулась с места.

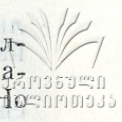
Бежан продолжал стоять на месте, чуть пригнувшись, будто став меньше ростом, морально уничтоженный и раздавленный; он проводил взглядом удаляющуюся «Волгу», потом зажмурился, потому что у него вдруг закружилась голова, и нерешительно шагнул.

В кабинет управляющего Бежан больше не заходил, все ему опротивело. А бестолковое сидение с утра до вечера было так утомительно и так изматывало, что Бегларовичу невольно лезли в голову всякие безрассудные мысли. В его комнату теперь никто не заходил. Если прежде сослуживцы спокойно отводили душу сплетнями в присутствии Бежана, то теперь они вызывали Ксению и Любу в коридор и там, за дверью, выкладывали им кучу новостей. И Гурам не появлялся. Правда, Бежан уже на все махнул рукой, но узнать последние новости ему все же хотелось.

Бежан Бегларович, главный специалист объединения, оказался в полной изоляции, все его избегали, при его появлении все умолкали, будто набрав в рот воды. Только вечерами, вернувшись домой, Бежан обо всем забывал. Ему нужно было заниматься с плутовкой Дареджан. В последнее время двойки учительница ей не ставила, зато тетради и дневник были сплошь испещрены красным: «Обратите внимание на ребенка, она ничего не делает», «С ребенком нужно заниматься» и т. п.

Время шло, Бежан уже и думать забыл о своем письме, как вдруг, дня через четыре, когда он вынимал из почтового ящика газеты, оттуда вылетела какая-то бумажка. Бежан изумленно проводил ее взглядом, бумажка попорхала немного и легла на пол. Бегларович догадался, что это за бумажка.

«С меня хватит, я покончил с этим, чего же им от меня нужно?» — рассуждал Бежан, шагая взад-впе-

ред по комнате и яростно жестикулируя. Когда ложился спать, почувствовал учащенное сердцебиение и нащупал пульс — вроде ничего тревожного не было. Но среди ночи приснился ему ужасный сон: будто та носатая, страшная женщина из очереди выжгла ему горло раскаленным железом. От страха Бежан проснулся, сел в постели и схватился рукой за горло — он сразу понял, что предвещал этот сон — потом снова покорно прилег на подушку. Сердце, правда, билось теперь спокойнее, но все тело было какое-то вялое, и кости ломило, и горло побаливало. Глянул на часы — пора было вставать. За молоком сегодня не идти, но нужно купить хлеба и масла. Бежан стал вставать со стопами и оханьями. Он и сам не знал, почему стонал — горло болело не так уж сильно, но ныло все тело, все внутренности, и это сказывалось на сердце. Одевшись, подошел к зеркалу и, усердно выводя «а-а-а», заглянул себе в горло. Вид у него был такой несчастный и расстроенный, что и жена забеспокоилась: «Бежо, что с тобой, ты такой бледный».

На работу Бежан ушел без пиджака и без галстука. Было пасмурно, и пиджак следовало надеть, но он лишь тщательно укутал горло. Повестку он хотел сначала порвать, потом решил просто выбросить, но не осмелился, сунул ее в карман и, удрученный и подавленный, отправился на работу. Не успел он войти в свою рабочую комнату, как его вызвал заместитель управляющего: близится, мол, конец квартала, надо подвести итоги выполнения планов, наметить планы на будущий год и проверить финансовое положение объединения. Короче говоря, у Бежана появилась работа. Он вернулся от заместителя обрадованный, зашел в архив, полистал дела и вернулся к своему рабочему столу. Кое-что поручил сделать калбатони Ксении и Любе. Надел, как обычно, черные нарукавники и принялся за дело. Бежан Бегларович снова включил свою счетную машинку и с просветлевшим лицом вглядывался в мерцающие на циферблате цифры.

Некоторое время калбатони Ксения работала молча, но ее все время мучила одна мысль: как бы спросить у батони Бежана, что «там» решили, назначают

ли его управляющим. Она все поглядывала на Бежана и наконец спросила, совсем не к месту:

— Как там дела, батона Бежан, управляющего еще не назначают?

Бежан был так поглощен работой, что до него даже не дошел смысл вопроса, и он довольно резко ответил калбатони Ксении: «Не знаю, откуда мне знать!» Ксения, будто только и ждала именно этого ответа вдруг вспыхнула и разом выплеснула всю накопившуюся обиду:

— Почему я все должна узнавать позже всех? Десять лет работаем вместе, и неужели мы совсем не уважаем друг друга, неужели вы мне настолько не доверяете, что у вас от меня секреты? Хотя какой это секрет — все объединение об этом говорит!

— О чем? — ошалело вытаращил глаза Бежан. Это еще больше распалило калбатони Ксению.

— А о том, что вас назначают управляющим!

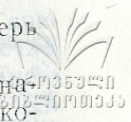
Бежан, смущенно улыбаясь, стал отнекиваться, и беседа, наверно, затянулась бы, но калбатони Ксения привела веские аргументы:

— Туда, наверх, вы ведь ходили? И галстук стали носить в последнее время. Раньше вы все нам рассказывали, а теперь батона, из вас двух слов не вытянешь. И все объединение только о вас и говорит...

В конце концов Бежан размяк и доверительно сообщил калбатони Ксении, что дело еще окончательно не решено, что его и сегодня тоже вызывают — там будет видно. Даже достал из кармана повестку и с победоносным видом поднял ее вверх. Все это так растрогало калбатони Ксению, что она даже прослезилась, и у Бегларовича тоже навернулись на глаза слезы.

— Не соглашайтесь, батона Бежан, я вам не советую, — говорила Ксения. — Разве ваше это дело?! Ну чем вам здесь плохо? Работаете спокойно, ни от кого не зависите. Вы — и вдруг управляющий! Вам придется иметь дело с такими негодьями! Разве справитесь вы со всеми этими испорченными людьми?!

В глубине души Бежан был согласен с калбатони Ксенией, но вслух все же упрямо твердил: мол, теперь поздно об этом говорить дело вот-вот решится. И если

до этого он вовсе не собирался никуда идти, то теперь даже пожалел, что не надел галстук.

Бежан Бегларович снял с шеи повязку и опять направился туда, где уже бывал дважды. Выйдя в коридор, столкнулся с Гурамом.

— О-о, кого я вижу! — развел руками Гурам и поиграл ключами. — Ну что, решился наконец вопрос или нет, а то мы уже измучились, батоно Бежан, совсем измучились!

Лицо Бегларовича расплылось в улыбке — так обрадовался он встрече с Гурамом. Он приосанился и ответил, что подобные вопросы так быстро не решаются: мол, нужно время, чтобы узнать человека, испытать его.

— Батоно Бежан! — опять развел руками Гурам. — Ну разве вы нуждаетесь в каких-то испытаниях?!

В словах Гурама явно слышалась ирония, но Бежан этого не замечал. Однако когда Гурам расстался с ним, даже не предложив подвезти на машине, Бежан обиделся. Впрочем, обида эта быстро прошла.

Заведующего отделом контроля он застал в кабинете — это был симпатичный молодой человек. Как только Бежан назвал свою фамилию, молодой человек встал, почтительно пожал Бегларовичу руку и пригласил сесть. Потом сел сам, раскрыл папку, достал из нее письмо Бежана и положил перед собой.

При виде письма по телу Бежана почему-то пробежала дрожь, сразу вдруг заболело горло, и так кольнуло сердце, что он чуть не задохнулся — некоторое время комната покачивалась у него перед глазами, и он ощущал в висках сильное биение крови.

— Очень интересное письмо, — начал молодой человек, листая страницы письма, — деловое, и критическое, даже с юмором, не правда ли, батоно Бежан? — он улыбнулся и добавил: — Особенно вот в этом месте, где говорится о цехе «сивых осликов».

Бежан улыбнулся, выражая согласие. Он чувствовал, что молодой человек как бы не хочет говорить напрямую, все вокруг да около, а о письме конкретно — ничего, даже в связи с вопросом экономического стимулирования, вспомнил тбилисское «Динамо», посоветовал, что нынешний сезон они провели очень плохо.

— Вы ведь любите футбол? — спросил он Бежана и сам же ответил: — Наверно, обожаете, не правда ли, батано Бежан?! Футбол — замечательное изобретение человечества, настоящее чудо! Ну чем бы мы, мужчины, развлекались, не будь футбола?

Бежан сидел и слушал, время от времени вежливо улыбаясь.

— А вы, батано Бежан, — продолжал молодой человек, — вы, верно, заядлый болельщик. Ведь бывают такие моменты — сам готов выскочить на поле, не правда ли, батано Бежан?

Он довольно долго разглагольствовал о футболе, наконец заговорил о деле. Дружелюбно оглядел Бежана и, одновременно и советуя, и настаивая, и ссылаясь на личный опыт, сказал, что это «чрезвычайно интересное дружеское письмо» придется переслать в министерство, и в качестве пояснения добавил:

— Батано Бежан, это ваше деловое и очень своевременное письмо сослужит министерству большую службу: насколько я знаю, там сейчас подыскивают кандидатуру на пост управляющего вашим объединением, и это письмо послужит им руководством, не так ли, батано Бежан?

— Так, так, — улыбаясь, закивал головой Бежан Бегларович. Он был очень доволен таким приветливым, дружелюбным отношением к нему молодого человека.

— Ведь вы ни о чем конкретно не просите?

Бежан замотал головой, сглотнул слюну (его опять беспокоило горло) и доверчиво улыбнулся.

— Ну, значит, так и договоримся, батано Бежан, с вашего согласия я отправлю письмо в министерство.

На этом беседа закончилась. Молодой человек встал, проводил Бежана до двери, почтительно пожелал всего доброго и пожал ему руку.

Возвращался Бежан довольный. «Когда в министерство поступит бумага сверху, — размышлял Бежан, — они больше заинтересуются и отнесутся к делу с большим вниманием. Пусть почувствуют мою силу — иначе ничего не выйдет. А я действительно заслуживаю большего». Вдруг он вспомнил беседу о футболе: «Человек хотел со мной поближе познакомиться и поэтому завел разговор о футболе! — осенило Бегларовича. Но

что поделаешь, — развел он руками, — где у меня время, чтобы ходить на стадионы. А вообще-то, конечно, надо посещать спортивные мероприятия». Он вспомнил бывшего управляющего, который был страстным болельщиком, любил и покричать, и посидеть в компании с друзьями за бутылочкой вина, и авторитетом пользовался большим: стоило ему появиться в коридоре, как сотрудники испуганно жались к стенам и исчезали в рабочих комнатах. Бежан остановился: у него опять болело горло. Он хрипло закашлялся, схватился рукой за сердце, но мысли продолжали свой бег: «Как все-таки люди всего этого добиваются, колдовством, что ли, каким-то обладают?!»

Бежан Бегларович не знал, куда идти, стоял на том самом месте, где однажды так ужасно чихнул, и рассеянно оглядывался по сторонам. Домой идти было еще рано, а на работу возвращаться не хотелось — знал, что там его с нетерпением поджидает калбатони Ксения, которая уж наверняка всему объединению рассказала, что Бежана Бегларовича вызвали наверх — назначают управляющим. «Видно, и правда не могут подыскать человека на должность управляющего, иначе не тянули бы столько времени, — решил Бежан. — Интересно, что они там, в министерстве, об этом думают, чего ждут...» Бежан повернул к министерству: дай, думает, заодно и туда наведаюсь. Он даже сделал несколько шагов, но все никак не мог припомнить, были ли у него там знакомые. «Нет, — сказал он в конце концов сам себе, — не стоит сейчас туда идти. Пусть сначала получат письмо и сами меня вызовут». Он повернул назад и решительно направился к объединению. Но у троллейбусной остановки опять остановился. Постоял так, болван-болваном, бездумно провожая взглядом прохожих. Вдруг вспомнил о дочери. Наверное, потому, что мимо прошла шумная ватага школьников. В руках у всех были портфели — видно, возвращались из школы. Бежан взглянул на троллейбус: хорошо бы зайти в школу, повидать учительницу. Под горячую руку, может, и выскажу все. Поднялся в троллейбус. Он давно собирался зайти в школу, да все стеснялся. Не знал, что говорить, чем оправдать шалунью Дареджан.

кого и о чем просить. А сейчас вдруг так решительно настроился, у него появилось сразу столько слов, что он чуть не раскричался прямо в троллейбусе.

— Товарищи, так не годится! Больше внимания нужно уделять подрастающему поколению! Детский разум требует чуткого и осторожного обращения, формирование детского сознания требует бережности. Школе нужны учителя, достигшие высокого профессионального уровня!.. — Бежан не открывал рта и даже не моргал — стоял как вкопанный, а мысленно произносил речь, время от времени взмахивая свободной рукой. — Учитель должен отдаваться воспитанию детей целиком и полностью, не думать ни о чем другом, забота о воспитанниках — вот что должно быть его главной мыслью...

Бежан направился в группу продленного дня: шалунья Дареджан кончала занятия раньше и ждала старшую сестру. Девочка так не любила там оставаться, что дома часто плакала: «Не останусь, не останусь больше в этой проклятой продленке!»

Бежан осторожно приоткрыл дверь и заглянул в класс: одни читали или писали что-то, другие просто сидели неподвижно с заложенными за спину руками, вроде наказанные; мальчишки посмелее вертелись и хихикали на последних партах. За столом сидели учительница продленки и классная руководительница шалуни Дареджан. Они усадили рядом с собой собственных детей и кормили их с ложечки мацони с булочками, и при этом оживленно болтали. Не увидев дочери, Бежан открыл дверь пошире: Дареджан сидела во втором ряду с заложенными за спину руками, перед ней лежала раскрытая книга; сидела она тихо, но из глаз у нее ручьями текли слезы, а маленькая девочка, сидевшая рядом, что-то ей говорила.

Когда Бежан открыл дверь, обе учительницы удивленно уставились на него, потом учительница продленки обернулась к расшалившимся мальчишкам: «Сейчас же прекратите! Чтоб голоса вашего не было слышно!» Мальчишки уселись смиренно, заложив руки за спину. У шалуни Дареджан просветлело лицо, она схватила портфель, встала и направилась к отцу. Растерявшийся Бежан привлек к себе дочь, погладил ее по голове, потом повернулся к воспитательницам; он

ведь хотел повидать обеих учительниц и теперь имел возможность поговорить сразу с двумя. Но беседы не получилось.

— Может, вы могли бы уделять ей больше внимания, почаще спрашивать на уроке, — прохрипел наконец Бежан и с мольбой уставился на воспитательницу.

— Да как я могу! У меня в классе больше сорока учеников! Разве могу я каждого вызывать ежедневно? Нет, дорогой, не могу, — заявила руководительница, — вы сами должны следить за своим ребенком, с ней нужно больше заниматься!

Бежан Бегларович, главный специалист объединения, возвращался домой, как провинившийся и получивший взбучку ребенок. Ну как я могу чаще заходить в школу, как? Откуда у меня столько времени?! И в то же время сознавал, что в школу надо ходить обязательно. А горло жгло огнем, он то и дело порывался сжать его руками, во рту пересохло, участилось сердцебиение. С детьми он по дороге не разговаривал. У шалуни Дареджан опять ручьем текли слезы, она жалобно всхлипывала, и это нескончаемое детское горе тяжелым камнем давило на сердце.

Когда пришли домой, Бежан еле стоял на ногах; он со стоном улегся на диван и уставился в потолок. Дети засуетились. Дареджан прибежала с тазом, принесла теплой воды с содой, дала отцу прополоскать горло. Бежану немного полегчало. Теперь он чувствовал, что у него жар: влажный лоб горел, и сердце беспокоило. Присмирившая шалунья Дареджан съежилась у дивана и все твердила, всхлипывая: «Я буду хорошо учиться, папочка, буду учиться!»

Бежан уже знал по собственному опыту, что именно тогда, когда ему бывало очень плохо, либо самому на работе приходилось задерживаться, либо жена опаздывала; вот и сейчас так. Бежан вспомнил: жена ведь предупредила утром, что задержится — у них сегодня встреча с поэтами. А у Бежана Бегларовича был сильный жар — тридцать восемь с половиной! Он лежал на диване, вытянувшись, приложив руку к груди, и тя-

жело дышал. Его беспокоила работа. Кто подытожит планы, кто переделает все дела, если он сляжет?

Жена вернулась оживленная и счастливая, сказала, что вечер был очень интересный, поэты прочли много хороших стихов. Бежана по-прежнему беспокоили горло и сердце, но ему передалось хорошее настроение жены, он забыл о своей болезни и в порыве откровенности все ей рассказал: мол, меня назначают управляющим, и я не знаю, как поступить. Это вырвалось у него, когда Писо, чуть огорченно, чуть сердито, чуть шутливо и чуть встревоженно, положила руку ему на лоб, заставила показать горло и сказала:

— Ну какой же ты у меня слабый и беспомощный! Какое время в жару простужаться?!

Женщины, как правило, обладают верным чутьем, а жена Бежана была в полной мере наделена и интуицией, и здравым смыслом. Она только посмеялась над словами Бежана и сказала: «Ну какой же ты у меня глупый и наивный! Ну кто тебя назначит управляющим, кто?!»

В глубине души Бежан понимал, что жена права. Он понимал также, что должность управляющего — не для него. Но остановить завертешшееся колесо было уже не в его власти.

Утром Бежан чувствовал себя хорошо. Да и некогда ему было болеть: надо вести детей в школу, на работе накопилась масса дел, и, самое главное, он ведь не знал, когда именно его вызовут, когда объединению потребуются огромные знания и опыт Бежана Бегларовича. Он хорошенько укутал горло, проглотил таблетку стрептоцида и отправился на работу.

Все объединение уже открыто говорило о том, что назначают наконец нового управляющего. Многие упорно твердили, что управляющим будет Бегларович, другие высказывали сомнения. Были и такие, которых эти слухи лишь смешили. И сам заместитель недоуменно разводил руками: откуда, дескать, берутся эти дурацкие сплетни. Он несколько раз вызывал Бежана Бегларовича, надеясь выведать что-нибудь у него самого, но так ничего и не добился: Бежан ни словом не обмолвился о своем назначении управляющим, в кабинет входил так же смущенно и почтительно, как и прежде, останавливался на расстоянии и покорно во всем

соглашался с заместителем. Был и такой случай, что к Бежану подошел один сотрудник-пенсионер и заранее поздравил его с назначением. Бежан урезонил его: мол, что ты, дорогой, рано еще, подожди. А когда его вскоре после этого вызвал заместитель — он, как обычно, засуетился, поспешил к нему и почтительно приоткрыл дверь кабинета.

Если раньше, когда нужно было найти какое-то дело, Бежан свободно заходил в пустой кабинет управляющего, то сейчас он вел себя сдержанно: пусть, мол, никто не подумает, что я уже завладел кабинетом. Но один раз ему все же пришлось зайти в пустой кабинет. Совсем другими глазами взглянул он теперь на просторную комнату — и вдруг его охватил трепет. Он прислонился к стене, зажмурил глаза и постоял так какое-то время; когда же он справился с собой, успокоился и снова открыл глаза — все было по-старому, все было на своих местах: письменный стол, приставленный к нему длинный стол, шкафы, кресло управляющего, в которое Бежан не раз садился прежде без всякой задней мысли и к которому сейчас не мог подойти — ноги не повиновались. Некоторое время он горящими глазами жадно смотрел на кресло, потом медленно, с трудом поднимая отяжелевшие ноги, подошел и осторожно опустился в него. Еще раз, сидя за столом, оглядел кабинет и улыбнулся, сам не зная, чему улыбается — им овладело какое-то блаженное состояние. Уселся поудобнее, провел рукавом по столу, стирая пыль, и задумался. Не раз приходилось ему бывать здесь во время совещаний: за длинным столом сидели обычно члены коллегии — руководители фабрик, главные инженеры, заведующие цехами. Бежан всегда сидел справа от управляющего и заглядывал ему в глаза. На столе перед Бежаном лежала толстая папка. Когда нужно было, он открывал ее и доставал то или иное дело; стоило управляющему лишь протянуть руку — как Бежан Бегларович безошибочно передавал ему нужные листы.

В тот вечер Бежан Бегларович снова направился к дубовой двери соседа, на этот раз за валидолом. Сосед обрадовался еще больше, чем в прошлый раз, когда Бежан приходил за галстуком. «А, понадобился, по-

надобился!» — несколько раз повторил сосед и достал из внутреннего кармана пиджака пузырек с валидолом. Протянул Бежану одну таблетку, пояснив, что ее нужно положить под язык и сосать. «Хорошая штука, — воскликнул он, — только благодаря ему я еще и держусь. Надо всегда иметь при себе. И не бойся, он совершенно безвреден».

Три дня прошли в мучительном ожидании, охах и вздохах. Бежан все поглядывал в сторону министерства: вот сейчас его вызовут, сейчас. Но повестки не было, напрасно заглядывал Бежан в свой почтовый ящик. Это непрерывное ожидание совершенно выбило его из колеи, все валялось у него из рук. Чувствовал он себя очень плохо, но не мог лечь в постель и полечиться. Он был в таком состоянии, когда человек не знает, куда пойти, что предпринять. Бежан Бегларович нашел самый разумный выход из создавшегося положения — отправился в министерство, не дожидаясь вызова. Ноги несли Бежана Бегларовича вперед, а сердце тянуло назад. Несколько раз он даже останавливался и оглядывался по сторонам. Но рассудок каждый раз подсказывал ему, что назад пути нет, — и ноги почти насильно тащили его к министерству. К кому он идет, кого собираются повидать, что скажет — он не знал.

В коридоре министерства было тихо и безлюдно, закрытые двери выглядели неприветливо. Бежан на цыпочках подходил то к одной, то к другой двери, читал прикрепленные к ним таблички — вдруг, мол, найду кого-нибудь знакомого. Прочитав ту или иную фамилию, какого-нибудь Кикнадзе или Куртанидзе, он некоторое время стоял и размышлял: знать бы, кто это, вроде такая знакомая фамилия! Так дошел до канцелярии. Он вовсе не собирался туда заходить и что-нибудь спрашивать, просто хотел попытаться найти здесь кого-нибудь знакомого, но ноги сами занесли его в канцелярию.

— Ваше письмо передали Эристави, — сказали ему, и он уже собирался выйти в коридор, как вдруг услышал голос Гурама. Он испуганно спрятался за дверь и затаился. Получилось это как-то само собой, он даже удивился — чего это я прячусь? Но причина, объяснявшая его поведение, все же была: он знал, что его доброжелатель обязательно поинтересуется, к ко-

1935333
1935333

му он пришел и как его дела. Бежану нечего было ему сказать, поэтому он и спрятался за дверь — рассудок сам все взвесил во мгновение ока. А Гурам тем временем, весело смеясь и, по своему обыкновению, поигрывая ключами, попрощался с кем-то, потом заглянул в канцелярию. «Как дела, девочки?» — по-свойски воскликнул он, и вскоре шаги его затихли в глубине коридора. Бежан вытер вспотевший лоб, вышел из своего укрытия и направился к кабинету Эристави.

Эристави встретил его хмуро: «Что это ты написал?!» Бежан растерялся: никак не ожидал он встретить здесь Пантелеймона Эристави, с которым одно время вместе работал в «Каналтресте». Оба они были тогда очень молоды и лучшие годы провели вместе. Оба увлекались кино и по понедельникам и четвергам вместе смотрели новые фильмы. Однажды даже вместе ездили в командировку в город Цхакана. Какое-то время друзья еще встречались, но постепенно, особенно после того, как Бежан начал работать в объединении, потеряли друг друга из виду. Несколько лет Пантелеймон работал за границей. Одним словом, Бежан сегодня впервые встретил Пантелеймона после довольно большого перерыва. Правда, Бежан не раз собирался разыскать друга молодости, возобновить старое знакомство, но так и не собрался — не хватало ни времени, ни решимости перешагнуть через барьер, который возвели между ними время и жизнь. И вот Бежан Бегларович сидит в кабинете у Пантелеймона Эристави и с пылающим от волнения лицом взирает на друга молодости.

Пантелеймон недоуменно вертел в руках письмо Бежана и все повторял одно и то же:

— Что заставило тебя написать это письмо? Зачем тебе это понадобилось? Зачем?

Бежан молчал; лоб у него покрылся холодным потом, горло он вообще перестал чувствовать, а в области сердца что-то остро покалывало.

Пантелеймон, очень возбужденный, вскочил на ноги:

— Мы с тобой старые друзья, и я хорошо знаю твой характер — поэтому и говорю тебе прямо: это письмо

ничего не даст, только поставит товарищей из вышестоящих органов в неудобное положение. Чего ты хочешь, с кем борешься, о чем просишь — непонятно. Вот тут ты пишешь: «Сивые ослики» не продаются, и за счет этого цеха нужно увеличить выпуск «Нацаркекий» и «Безбородых лгунов». Ну и на здоровье! Кто вам мешает? Объединение доверено вам, ты — его главный специалист! Сколько раз ты ставил этот вопрос перед бывшим управляющим? Разве для этого необходимо разрешение вышестоящих органов?! Есть в твоём письме и дельные предложения, но при чем здесь мы? Поставь эти вопросы на коллегии, и если они не будут приняты во внимание — тогда да... Тогда уже мы вмешаемся!

Бежан и слушал, и не слушал, у него кружилась голова и перед глазами мелькали разноцветные круги. А Пантелеймон внушительно продолжал:

— Что же касается назначения управляющего, то с этим мы, действительно, немного задержались. Но на то были свои причины. Нельзя же вот так вдруг взять и назначить кого попало. Дело ведь не только в том, чтобы посадить человека в кресло управляющего. Человек может быть и честным, и порядочным, и специалистом хорошим, — а в управляющие не годится! Вот ты, например, — очень хороший специалист, более чем честный, — а можно ли тебя назначить управляющим? — Пантелеймон задал этот вопрос таким тоном, что Бежан не обиделся и даже не удивился. — Нельзя! Хотя бы по той причине, что ты добряк и не сможешь ни давать задания сотрудникам, ни требовать с них, ни наказывать! А без этого дело с места не сдвинуть — ведь так, давай будем откровенны?!

— Так, так, — проговорил Бежан, избегая пристального взгляда бывшего друга. — Я и не просился на должность управляющего, — будто оправдываясь, добавил он и облизнул пересохшие губы. — Кого все-таки назначают управляющим?!

— Кутидзе, Абибо Кутидзе! — сказал Пантелеймон и удивленно уставился на Бежана. — Ты что, не слушаешь меня? Или что с тобой? — Потом менторским тоном изрек: — Не верь людским пересудам, язык ведь без костей — что хочет, то и мелет. Конеч-

но, были у него ошибки — а у кого их не было?! Мы ему поможем, будем контролировать, и вы должны по-мочь, а не сплетничать и не интриговать у него за спиной... Абибо Автандилович — блестящий руководитель! Именно такой человек и нужен вашему объединению...

— Уже назначили? — дрожащим голосом спросил Бежан и тут же сам понял бессмысленность своего вопроса. Не слушая ответа, он встал и направился к двери. Ему не хотелось больше ничего слушать. Он заторопился домой, захотелось вдруг поскорее увидеть жену и детей. На сердце было очень тяжело, в глазах стояли слезы. Он больше ни о чем не думал. Тихо, на цыпочках прешел по коридору и влился в поток идущих по тротуару людей. Вскоре он уже открывал дверь своей квартиры. Жена хлопотала на кухне. Едва заметив мужа, она сказала:

— Бежо, как хорошо, что ты пришел! Дети голодные, надо сходить за хлебом.

— Сейчас, сейчас, Писо, я только немного отдохну, — отозвался Бежан и прошел в гостиную. Дети сидели перед телевизором. Бежан подошел к шалунье Дареджан, обнял ее и хотел поцеловать в лоб.

— Подожди, подожди, папочка! — отстранилась Дареджан.

Бежан молча отошел, с трудом передвигая ноги, подошел к креслу, опустил в него и бессмысленно уставился на экран.

Мультфильм вскоре кончился. Диктор объявил передачу «Здоровье», и на экране появились люди в белых халатах; они суетились вокруг операционного стола; потом показалось пульсирующее сердце...

Глаза Бежана подернулись белой пеленой, он открыл рот, хотел что-то сказать, но не мог издать ни звука, в последний раз глубоко вздохнул и.. затих в кресле.

— Бежо, Бежо! Скорее сходи за хлебом! — окликнула его из кухни жена, но Бежан Бегларович уже ничего не слышал.

На другой день две новости облетели объединение: скоропостижная смерть Бежана Бегларовича и назна-

чение нового управляющего. Потрясенные сослуживцы спрашивали друг друга: как это случилось? Сторонники Бежана возмущались: дождались бы, пока остынет тело этого человека, потом бы назначали.

— Что же все-таки убило беднягу? — спрашивали другие.

— Вы же знаете эти наши телепередачи, — уже в который раз рассказывала калбатони Ксения. — Пришел человек домой, усталый, измотанный, включил телевизор, думал немного отдохнуть. А по телевизору, будь он не ладен, показывали в это время операцию на сердце: разрезали грудную клетку, достали сердце — вот так вот прямо достали бьющееся сердце и начали его мять... Как не разорваться сердцу от такого зрелища, скажите на милость?!

О смерти Бежана Бегларовича говорили бы дольше, если бы ее не затмило событие поважнее: в объединение пришел новый управляющий, и уставшие от ожидания люди вскоре забыли Бежана и принялись судачить о новом начальнике. «Хороший человек!» — громко говорили одни. «Хороший...» — соглашались с ними другие, а про себя думали: «Хорош-то он хорош да не для нас. На прежнем месте неплохо погрел руки, и наше объединение «не обидит».

Гурам сообщил новому управляющему: скончался, мол, Бежан Бегларович, наш главный специалист, хороший человек был, бедняга.

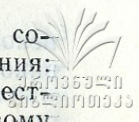
Новый управляющий очень близко к сердцу принял весть о безвременной кончине Бежана Бегларовича. Был он человеком опытным и знал, что помощь, оказанная в беде, зачтется ему вперед и поможет завоевать любовь и уважение сотрудников. Руководство организацией похорон он поручил Гураму, финансовый вопрос — Ксении, и при этом добавил: мол, и меня не стесняйтесь беспокоить.

Бежана Бегларовича предали земле субботним днем. На похоронах побывало все объединение, все так и вились вокруг нового управляющего и судачили:

— И как это Гурам так быстро с ним подружился? — спрашивали одни.

— Наверно, старые знакомые, — отвечали другие.

— А Ксения-то, Ксения, смотрите — не отходит от управляющего! — хихикали женщины.

За несколько минут до выноса тела по рядам сотрудинок управления прокатилась волна оживления: подъехал на «Волге» бывший управляющий. Торжественно вошел в подъезд; вернувшись, подошел к новому управляющему, важно подал ему руку и огорченно воскликнул: «Что же это случилось с беднягой, а?»

Калбатони Ксения еще раз прослезилась. Гурам развел руками. А стоявшие тут же, поблизости, сотрудиники объединения, остолбенев от изумления, с раскрытыми ртами взирали на управляющих, бывшего и нового.

После похорон всех пригласили в банкетный зал на поминки. И новый, и старый управляющие на поминках пробыли недолго: выпили по стакану вина за безвременно ушедшего Бежана Бегларовича и ушли. Гурам предвидел это и предусмотрительно заказал столик в другом ресторане, где управляющего уже поджидали несколько близких людей.

— Ну что за человек! Что за человек! — восклицал новый управляющий, восхищенный расторопностью Гурама.

— Стараемся, Автандилович! — скромно ответил Гурам. — Прекрасный человек был Бежан, мой большой друг. Чем, кроме этого, можем мы теперь воздать ему должное!

— Правда, хороший человек был! — подтвердил бывший управляющий. — Незаменимый работник, знающий, честный!..

— Тем более, убить вас мало, — обвел всех взглядом новый управляющий. — Когда мы составляли некролог, выяснилось, что он не получил ни одной награды. Что ж это вы так поспешили?

— Да-да, ты прав! — сокрушенно поддержал его бывший.

— Так-то вот, брат! — разломил хлеб новый управляющий. — Как часто мы больше уважения оказываем недостойным, чем достойным!

Гурам разлил вино. Долго сидели они за столом и беседовали. Безвременный уход из жизни Бежана

всколыхнул души сотрапезников — и они налегли на вино.

— Что такое человек!.. — говорил один.

— Трудисься, стараешься — и.. — кивал головой другой. — А ведь пока живы — только и делаем, что поедом едим друг друга!

— А все же очень странный человек был Бегларович, — вставил Гурам. — Невозможно было понять, чего он хочет. Особенно изменился в последнее время!

Вспомнили один случай, потом другой, за ним — третий; кто-то вспомнил о цехе «сивых осликов», и это развеселило компанию.

— Будь другом, не закрывай этот цех! — сказал под конец бывший управляющий, утирая выступившие от смеха слезы. — Это будет самым лучшим памятником Бегларовичу.

— «Сивые ослики» иногда бывают нужны. И все еще пользуются спросом, — улыбаясь, глубокомысленно изрек Гурам.

— Нет, брат, закрывать я ничего не собираюсь! — развел руками новый управляющий.

За столом установилось веселое настроение, Гурам разговорился вовсю, и о главном специалисте объединения Бежане Бегларовиче вскоре забыли.

На следующий день было воскресенье, и все отдыхали. Только на третий день, в понедельник, началась новая жизнь объединения, уже без Бежана Бегларовича, под руководством нового управляющего. В этот день управляющий намеревался посетить входящие в состав объединения производства и цеха, затем собрать совещание. Но прежде решил просмотреть корреспонденцию. Большинство писем оказались малозначительными, к тому же многие из них устарели. И дело уже шло к концу: на одни письма была наложена резолюция, другие были просто разорваны — как вдруг в руках управляющего оказался подозрительно толстый конверт — письмо было переправлено из министерства. Управляющий осторожно вскрыл конверт и достал написанное от руки на восьми листах письмо. К письму был приколот министерский бланк, на котором черным по белому было написано: «Разобраться и ответить». Новый управляющий приподнял бланк и взглянул на заголо-

вок письма. Взгляд его скользнул по резолюциям, которыми пестрела первая страница. «Дружеское письмо» — прочел, наконец, изумленный Абибо Автандилович. Он пересмотрел листки письма и прочел стоявшую в конце подпись: «Главный специалист объединения Б. Шекриладзе». Фамилия показалась ему очень знакомой, но он никак не мог вспомнить, кто же это такой — «Б. Шекриладзе». К тому же он очень спешил, и читать все восемь листков ему ужасно не хотелось. Но именно это единственное письмо поступило на имя нового управляющего — что было делать? Автандилович начал читать. «Интересно, кому это делать нечего? Это надо же — сколько написать!» — подумал он, прочтя страницы две — и снова пересчитал листы. Продолжил чтение, прочел еще одну страницу — и вдруг в памяти у него всплыли позавчерашние поминки. «Бежан Бегларович» — вспомнил новый управляющий и опять глянул в конец письма: «Б. Шекриладзе» — прочел он, и лицо его расплылось в улыбке. Он задумался: как поступить? Потом взялся за ручку. Мелькнула мысль: «Интересно, чего добивался этот бедняга?», но времени на размышления не было: внизу его ждали заместитель и Гурам. Он почесал кончиком ручки за ухом и разборчиво написал на письме: «Скончался».

Георгий
МАРГВЕЛАШВИЛИ

КРИТИЧЕСКИЙ ДИПТИХ

1. О САМООЧЕВИДНОМ

ЧТО поражает в такого рода выступлениях, как статья Татьяны Глушковой «Школа «версий»? («ЛГ», 12 февраля 1986 г.). Недоброжелательность на грани озлобленности, что неизбежно влечет за собой предвзятость в анализе и аргументации вплоть до вольных или невольных подтасовок и фальсификаций, когда речь заходит о конкретных примерах. Почти сто пятьдесят лет назад — в 1827 году — Евгений Баратынский писал по частному поводу: «Тот не любит искусства, кто разбирает произведение с эпиграмматическим остроумием. Более или менее отзываясь недоброжелательством, оно заставляет подозревать критика в страсти и удаляет его от настоящей цели... А этого никогда не достигнешь, ежели будешь расточать более насмешки, чем доказательства, более будешь стараться пристыдить, нежели убедить...».

Татьяне Глушковой не до остроумия (если не считать признаком остроумия кавычки и восклицательные либо вопросительные знаки), «недоброжелательство» и «пристрастие» заглушают в ней чувство юмора (а оно порою может быть спасительным).

Уже первая подглавка ее статьи, посвященная истории вопроса и иронически озаглавленная «Вечный вопрос?», яв-

ляется примером прямого и, прямо скажем, преднамеренного искажения истории этого вопроса.

Свой спор с Юнной Мориц Т. Глушкова сразу же начинает с подтасовки. Когда Ю. Мориц пишет, что «множество шедевров поэтического перевода создано при посредстве подстрочника», она имеет в виду главным образом работу поэтов-переводчиков советского периода, и она совершенно права в этой своей констатации. Т. Глушкова тут же подменяет советский период девятнадцатым, а то и восемнадцатым веком и обрушивает на Ю. Мориц грозную тираду: «Между тем в истории русской поэзии от Тредиаковского до И. Бунина... было самоочевидным, что переводить надо с подлинника... никакого «множества шедевров (!)», созданного «при посредстве подстрочника», никогда не существовало, ибо существовать не может». (Прямо-таки как пресловутое — «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»). Кстати, Т. Глушкова должна была бы знать, что, скажем, Пушкин и Жуковский переводили и произведения литературы народов, языками которых они не владели. Кстати, Бунин тоже.

Бунинский перевод «Гайаваты», как известно, был издан в 1898 году и как бы замыкал собою XIX век в этой области творчества. XX век, еще даже в досоветский период, выдвинул здесь перед русской поэзией настолько новые задачи, что сами эти задачи вынуждали искать новые пути для их успешного решения. В частности, русско-грузинские и русско-армянские духовные и культурные связи, уходящие своими корнями в глубь веков, обретают к середине десятых годов двадцатого столетия нераспространенные ранее формы русского поэтического перевода именно с помощью редко применяемого в прошлом подстрочника. В разгар первой мировой войны, в условиях раздуваемого «сверху» националистического угара, передовые представители русской, грузинской, армянской (и других, разумеется, народов, входящих в империю) интеллигенции с особой силой ощутили взаимную тягу, необходимость единства, а главное, творческих контактов, способствующих сближению этих народов. И вот Константин Бальмонт в 1914 году приезжает в Грузию и, как он сам писал, «ободряемый в трудной задаче грузинскими друзьями», изучает поэму Руставели и начинает переводить ее, разумеется, по подстрочнику. В 1915 году было переведено 9 песен поэмы, с чтением которых поэт выступал и в Грузии,

и в России. Эти главы были изданы в 1917 году, а позднее — полный перевод. Примерно в это же время (в трагическую для Армении пору, когда турецкие правители дали сигнал к поголовному истреблению армян в Западной Армении) Валерий Брюсов приезжает в Армению и с помощью армянских друзей готовит ставшую вскоре знаменитой антологию «Поэзия Армении» (от народной и древнеармянской до современной), сделав сам огромное количество переводов и подключив к работе таких русских поэтов, как К. Бальмонт, И. Бунин, Ф. Соллогуб, А. Блок. Перечень можно было бы продолжить. «Поэзия Армении» вышла в 1916 году. Это была колоссальная работа и по своему художественно-эстетическому и по своему морально-гражданскому значению. В свое время выдающийся армянский поэт Ованес Туманян писал об этом: «Преисполненное уважения и любви отношение (русских поэтов — Г. М.) утешает печальное сердце армянского народа». Как же быть тут с глушковой «самоочевидностью» уже в применении к десяткам лет нашего века? Как видим, «история русской поэзии» не остановилась на «Гайавате» Бунина, и очевидным стало нечто совсем иное.

Но вот переворачивается страница истории, ее заглавная, скажем, для Грузии страница, и наступает 1921 год — год победы в Грузии Советской власти. Осенью этого же года в Госиздате Грузии выходит своего рода антология современной грузинской поэзии, где среди основных переводчиков мы видим имена Осипа Мандельштама, Татьяны Вечорки, Сергея Рафаловича. Мандельштам, в частности, переводит ряд стихотворений Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили, Николая Мицишвили, Георгия Леонидзе. А года через два — в 1923 году — уже у себя в России Мандельштам переводит поэму Важа Пшавела «Гоготур и Апшина» по подстрочнику и под редакцией видного ученого К. Дондуа. Еще до этого О. Мандельштам был автором статей, где он касался и Важа Пшавела, обнаружив редкое для того времени понимание масштаба личности и творческого наследия великого грузинского писателя. Продолжим наш разговор пока еще на затронутой нами почве переводов грузинской классики и вспомним, что в середине 30-х годов «Змеед» Важа Пшавела был переведен Борисом Пастернаком, Марина Цветаева, только-только вернувшись на родину, чуть ли не в канун войны перевела опять-таки «Гоготура и Апшину», а также еще две поэмы Важа Пшавела — «Этери» и «Раненого барса». Встреча с Мандельштамом в переводе «Гоготура и Апшины» сделала наглядной

ту творческую концепцию, которую Марина Цветаева сама сформулировала в свое время на примере перевода Жуковским «Лесного царя» Гете: «...два видения одной вещи, свидетельства одного видения». А ведь не так уж далек был час, когда еще одной поэме Важа Пшавела («Алуда Кетелаяри») предстояла первая (довоенная) встреча с Николаем Заболоцким, чтобы потом, после войны, вновь встретиться с ним, быть им заново и по-новому переведенной уже в ансамбле остальных главнейших поэм Важа Пшавела, в том числе и переведенных до этого Мандельштамом, Пастернаком, Цветаевой. Что это? «Версии»? Творческие интерпретации? Три видения? Разве в словах и терминах дело? Дело в смысле. И, конечно, не автору статьи «Школа «версий», а ни в чем не повинному но всегда благодарно-доверчивому читателю, любящему искусство, я бы рекомендовал прочитать удивительную книгу рано ушедшего от нас замечательного поэта Александра Цыбулевского «Высокие уроки» (Тбилиси, «Мерани», 1980 г.). В этой работе дан сравнительный (и с оригиналом, и между собой) — анализ переводов четырех поэм Важа Пшавела, в разное время исполненных О. Мандельштамом, М. Цветаевой, Б. Пастернаком, Н. Заболоцким. Как писал сам А. Цыбулевский, «сравнивая разные переводы одной и той же поэмы, мы исходим из того, что каждый перевод — концепция и, значит, отдельная система (концептуальность — один из первостепенных признаков современного перевода). Тут последовательно проводится идея не взаимоисключаемости различных систем переводов — различия переводов идут не по принципу: хуже — лучше; тут ни в коем случае не качественные различия, а различия характеров, исключают спешные и праздные предпочтения одного перевода другому». И далее: «Различия переводов несводимы к индивидуальной, авторской несхожести переводчиков. Не являются эти различия и результатом большего или меньшего отступления перевода от оригинала, большей или меньшей степени приближения к нему. Будь так, все решалось бы крайне просто... Возможность неоднозначных переводческих решений заложена и в самом оригинале... Различия переводов спровоцированы, оправданы, стимулированы и самим подлинником, его «двойственной природой». Разные переводы как бы запрограммированы в воистину настоящих произведениях, таких как поэмы великого Важа».

Мы говорим пока о довоенных переводах грузинской классики. Добавим к сказанному перевод «Витязя в тигровой шкуре» Пантелеймона Петренко и поистине волшебное пере-

ложение этой поэмы для юношества Николаем Заболоцким (собственно перевод им был сделан позже). До войны же вышел том «Грузинских романтиков» под редакцией Н. Тихонова и Ю. Тынянова (Ал. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили, В. Орбелиани), были изданы избранные сочинения Давида Гурамишвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели — в Москве, Ленинграде, Тбилиси. Все это поэтическое богатство переводилось по подстрочникам, но людьми истинно талантливыми, поэтами большой культуры и глубоких знаний в контакте с опытными редакторами и друзьями-сподвижниками. Это как раз и «самоочевидно», так как воистину «тут ни прибавить, ни убавить, так это было на земле»...

Вот как обстояло дело еще до войны и с «версиями» и с «подстрочниками» в истории русской поэзии, которая продолжалась и после Бунина. Подменив в полемике с Ю. Мориц советский период русской поэзии восемнадцатым и девятнадцатым веками, Т. Глушкова вынуждена все-таки считаться с некоторыми реальностями века двадцатого; но и тут она прибегает к своеобразному «отбору» фактов и явлений. Вот что пишет Т. Глушкова, говоря о некоторых ранних переводах по подстрочникам: «Пастернаковские переводы грузинской поэзии (на которые заклинительно и небескорыстно ссылаются), или, скажем, ахматовские переводы из корейской поэзии **без знания языка подлинника**¹, никогда не претендовали на то, чтобы создать правило, а тем паче школу: они как раз были исключением из русской культурной нормы... Что ж до Ахматовой, она уже в зрелые годы выучила итальянский язык, чтоб переводить Леопарди...».

Все это выглядит «самоочевидным» для тех, кто не знает, что в середине тридцатых годов и с совместной книгой грузинских переводов, и с отдельными сборниками выступили Николай Тихонов и Борис Пастернак, первыми открыв русскоязычному читателю образцы грузинской советской лирики; что сразу же вслед за ними за это же благородное и благодарное дело (кто мог предсказать черную неблагодарность кое-кого в будущем!) перевода грузинской поэзии взялись Сергей Спасский, Бенедикт Лившиц, Павел Антокольский, Николай Заболоцкий; что в довоенные годы переводами с грузинского занимались также Владимир Державин, Александр Кочетков, Михаил Лозинский, Арсений Тарковский, Илья Сельвинский.

¹ Кроме случаев, оговоренных мною, подчеркивания в цитатах из статьи Т. Глушковой принадлежат ей — Г. М.

Рюрик Ивнев, Сергей Шервинский. Я назвал далеко не все имена талантливых русских поэтов, породнившихся с Грузией и с грузинской поэзией. Среди сделанного ими уже в те годы было множество шедевров поэтического перевода, не померкших и по сей день и продолжающих украшать вновь издаваемые антологии и авторские сборники. Само собою разумеется, что к переводам грузинской классики добавились и переводы грузинских советских поэтов — с них и начали Пастернак и Тихонов свое сближение с почвой и судьбой грузинской поэзии. Кстати, та же Анна Ахматова «в зрелые годы», не изучив грузинского языка, перевела и своего современника И. Гришашвили, и молодого поэта М. Квливидзе. (Что касается неизвестно чьих «заклинательных и небескорыстных ссылок» на пастернаковские переводы, то пусть эта тирада остается на совести породившего ее автора). Это выходит за рамки нашей темы, но раз уж сама автор статьи «Школа «версий» называет имя М. Рыльского рядом с тем же М. Лозинским и другими поэтами, перед которыми «мыслимо ль было... заикнуться», чтоб «европейскую классику переводить без знания языков», напомним все-таки читателю, что М. Рыльский был одним из лучших переводчиков грузинской поэзии на украинский язык (по подстрочникам, как и Лозинский — на русский). А другой крупнейший украинский поэт Микола Байан еще до войны перевел Руставели, других грузинских классиков, многих поэтов Советской Грузии, а в итоге стал автором украинского перефразирования Руставели, Гурамишвили, Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Церетели, Важа Пшавела! Недаром он вместе с Тихоновым и Заболоцким оказался в числе первых лауреатов национальной премии имени Руставели. И все это (как ни страшно об этом заикнуться!) без знания языка оригинала, но благодаря таланту и свойственной именно таланту творческой интуиции, культуре, познанию грузинской культуры и любви к ней, любви к поэзии, любви к искусству и народу, это искусство породившему.

Уловив и распознав, так сказать, полемические приемы (как мы убедились, не вполне дозволенные) Т. Глушковой, последуем дальше по этому пути. А дальше вот что, оказывается, было: «Широким фронтом перевод по подстрочнику развернулся в работе тех поэтов, кто вошел в литературу в 40-е—50-е годы. Это явление (охватывавшее поначалу лишь поэзию современную, а не классику) имело объективную обусловленность: стремительное расширение культурных свя-

зей нашей страны после победы над фашизмом, развитие литератур советских республик потребовали огромного числа «рабочих рук», спрос на которые не могли удовлетворить существовавшие на то время «штаты» поэтов-филологов, владевших языками».

Здесь буквально все поставлено с ног на голову. Да, действительно, «широким фронтом перевод по подстрочнику развернулся», но не в 40—50-е годы, а в 30—40-е, когда (если говорить о грузинской поэзии) творчеством перевода вдохновились Николай Тихонов и Борис Пастернак, Бенедикт Лившиц и Сергей Спасский, Павел Антокольский и Николай Заболоцкий, Владимир Державин и Александр Кочетков, Арсений Тарковский и Сергей Шервинский, Илья Сельвинский и Михаил Светлов. Я уже говорил о переводческой доблести Осипа Мандельштама и Марины Цветаевой и не буду здесь повторяться.

«Это явление охватило поначалу лишь поэзию современную, а не классику» — пишет Глушкова. А как быть с поистине классическими, хрестоматийными переводами — Пастернаком — всего творческого наследия Николаза Бараташвили (в первый же год после победы над фашизмом!), Заболоцким — «Давитиани» Гурамишвили (свода основных творений классика XVIII века), всего Григола Орбелмани, стихотворений и поэм Ильи Чавчавадзе, лирики Акакия Церетели, основных поэм и стихотворений Важа Пшавела? Смело заверить читателя, что и остальные из названных выше русских поэтов создали замечательные переводы, а среди них и неуязвимые шедевры переводной поэзии.

Да, «это явление... имело объективную обусловленность: стремительное расширение культурных связей нашей страны...» Но произошло это задолго до «победы над фашизмом», и своего рода концентрированным выражением этого процесса явился Первый съезд советских писателей, предшествующая съезду поездка писательских бригад в союзные республики, итоги съезда и дальнейшая активизация после съезда процесса укрепления творческих взаимосвязей между республиками.

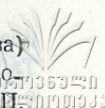
Что касается «развития литератур советских республик» — то не совсем ясно, что имеется в виду в данном контексте? Конечно, и после победы над фашизмом вся советская литература (без исключения) развивалась, и в этом смысле ни грузинская, ни армянская, скажем, поэзия не выдвигала специфических задач, требующих именно тогда образования:

«широкого фронта перевода по подстрочнику». И никакого «штата» поэтов-филологов, владевших языками» (во всяком случае, грузинским) просто не существовало ни до войны, ни после войны. «Военное» поколение русских советских поэтов и «ближайшее к нему младшее поколение», получив эстафету от своих старших коллег, проделали, разумеется, большую работу; но вот как умудряется преподнести даже их труд автор данной статьи: «...было бы неверным начисто отрицать смысл и значение той переводческой работы, которую выполнили по подстрочникам» оно, это поколение. Раскроем скобки и напомним читателю, что речь идет о Михаиле Луконине, Семене Гудзенко, Павле Шубине, Александре Межирове, Евгении Винокурове, Науме Гребневе, Давиде Самойлове, Елене Николаевской, Ирине Снеговой, Владимире Соколове, Марке Максимове, Николае Глазкове, Юрии Левитанском, Константине Ваншенкине, Дмитрие Голубкове. (Следующее за ними поколение открывается именем Евгения Евтушенко). Нам, и вообще читателю, надо, наверное, быть лишь благодарными автору статьи, что она не пожелала «начисто отрицать смысл и значение» замечательных творческих достижений этих поэтов по переводу грузинской поэзии (а некоторые из них прекрасно переводили и поэтов армянских). Так, что ли? Но даже это только еще цветочки. «Не отрицая начисто», как мы видели, «смысла и значения» сделанного новым поколением, автор признает и то, что «эти переводчики вдохновились опытом таких «первопроходцев» освоения поэзии народов СССР, как Н. Заболоцкий, П. Антокольский, И. Сельвинский, В. Державин, А. Тарковский...» (Непонятно только, почему в этот список «вдохновлявших» молодежь «первопроходцев» не попали ни Б. Пастернак, ни Н. Тихонов, ни А. Кочетков, ни некоторые другие мастера старшего поколения). Но если б дело ограничивалось лишь этим. Дальше идет весьма странная и непонятная фраза о том, что «первопроходцы» уделяли, «однако, куда больше внимания изучению истории и культурного фона переводимой поэзии». Что это значит? Наверное, то, что они не овладели грузинским, армянским, азербайджанским, а также языками народов Средней Азии? Да, не овладели и переводили по подстрочникам. И создавали большей частью замечательные переводы. Но вот как буквально тут же, в продолжении приведенной нами выше фразы, оценивает эти переводы — т. е., по сути дела, весь накопившийся к этому времени золотой фонд, всю сокровищницу переводной лите-

ратуры — Татьяна Глушкова. Она оценивает ее как «раз-
нокачественную, предварительную и во многом даже осо-
знанно черновую работу...» И наконец, советскую школу пе-
ревода, которая является одной из фундаментальных духов-
ных и культурных основ взаимопонимания, взаимосближе-
ния, взаимного родства и, если хотите, единства и дружбы
советских народов, эту советскую школу перевода автор
статьи объявляет «слишком похожей на формулу «школа
незнания». Что же все-таки на этот раз оказывается «са-
моочевидным»?

Воздержусь (хоть это и нелегко) от гневных филиппик,
но позволю себе для доброжелательного и заинтересованного
сутью дела читателя привести выписку из умной, тактичной,
профессионально безукоризненной статьи Г. Кружкова («ЛГ»,
29 января 1986 г.). Вот что пишет Г. Кружков о проблеме
«знания»: «...Культура едина и каждая ее клетка связана со
всем организмом, включает в себе закодированную инфор-
мацию о целом. Естественно, что при наличии такого множе-
ства учитываемых факторов на первое место выходит **интуи-
ция переводчика**, а интуиция питается суммой знаний, широ-
той культурного кругозора... Можно восполнить незнание
чужого языка, но ничем не восполнить незнание своего соб-
ственного языка, недостаток общекультурных системных зна-
ний. Здесь разгадка того, почему многие первоклассные пе-
реводческие работы (иначе говоря, «множество шедевров»
— Г. М.) были выполнены поэтами, не владевшими языком
оригинала: таков перевод «Витязя в тигровой шкуре» Н. За-
болоцким (а мы знаем и другие не менее, если не более «пер-
воклассные» переводы Н. Заболоцкого из грузинской поэзии
— Г. М.), индийского эпоса «Рамаяна» В. Потаповой, лири-
ки туркменского классика Махтумкули А. Тарковским (не
меньших похвал заслуживают и переводы с грузинского В. По-
таповой и А. Тарковского — Г. М.). А из совсем недавних
работ можно было бы назвать, например, древнейший памят-
ник индоевропейской литературы «Ригведу» в переводе В.
Тихомирова, «Книгу скорбных песнопений» великого армян-
ского поэта X века Нарекаци в переводе В. Микушевича». Со
своей стороны, несколько отвлекаясь от русских перево-
дов, не могу не вспомнить блистательные переводы поэзии
Петефи Григола Абашидзе и целую серию восточных и за-
падных переводов, великолепно выполненных Тамазом Чхен-
кели. И все это по подстрочнику.

А вот (как бы в предвосхищении вывода Г. Кружкова) в какой закономерный и естественный ряд с такими высокими понятиями, как Знание, Любовь и Дружба, ставит П. Антокольский явление подстрочника: «Раз и навсегда узнавши Грузию — в поэтических переводах и подстрочниках, в ее музыке и во фресках грузинского средневековья, в личной дружбе с ее деятелями и в горном пейзаже, в кипучем строительстве наших дней — словом, во всем многообразии жизни, мы снова и снова радуемся всему, что обогащает это знание и сопутствующую ему любовь». А ведь сам Антокольский перевел (и как перевел!) чуть ли не треть поэмы Руставели, главную поэму Гурамишвили («Беды Грузии»), лирику Акакия Церетели, многих современных грузинских поэтов.

Все тому же доброжелательному и любящему искусствоведу, любящему поэзию читателю я напомню по одной строфе любимых им поэтов, которые к тому же были и русскими «первопроходцами» грузинской советской (и не только советской) поэзии, для которых любовь к Грузии и знание ее, ее людей, ее природы, ее культуры, ее духовных и земных реалий, помноженные на благословенную интуицию, значили больше, чем попытки изучения наспех языка.

Вот эти строфы, по-своему перекликающиеся с приведенными нами выше высказываниями П. Антокольского и Г. Кружкова. Первое — из тихоновского посвящения Грузии:

Я не изгнанник, не влекомый
 Чужую радость перенести.
 Мне в этом крае все знакомо,
 Как будто я родился здесь.

Вторая — из пастернаковского обращения к Паоло Яшвили:

Не зная ваших строф,
 Но полюбив источник,
 Я понимал без слов
 Ваш будущий подстрочник.

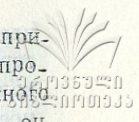
...29 июня 1927 года Андрей Белый записал в своем дневнике, включенном им затем в известную книгу «Ветер с Кавказа»: «Провел этот день с утра до ночи, с близкими

братьями по устремлению культуры и искусства; с Тинтиано Табидзе... Паоло Яшвили... Оказавшись в Тифлисе, братался с семьей трудовой, с семьей творческой, мог поэт русский пожать братски руку, как русский — грузинам... Освещены мы не прошлым, а — будущим, формы кующим... Нам — надо учиться во многом у них: и учили... поминая любезные символы: Лермонтов, Пушкин, а я? Мог ли я... ответить им той же монетой? Нет: я — сидел, убивался; хотелось бы мне изучить двадцать пять языков «СССР-ских», чтобы знать украинских, грузинских, азербайджанских, узбекистанских поэтов».

Как во многих других случаях, и здесь Андрей Бслый оказался провидцем: «Будущее, формы кующее» и в этой области нашло вскоре выход — ни Пастернак, ни Тихонов, ни Антокольский, ни Заболоцкий, ни Тарковский не могли, конечно, изучить не только «двадцать пять языков «СССР-ских», но хотя бы один или два; но появился на свет божий тот самый подстрочник, который и не подозревал, разумеется, что примерно через полвека его гигантская и вполне бескорыстная служба, которую он сослужит русским и грузинским поэтам, а главное Поэзии и Culture, Духовному единению народов, вызовет такое, мягко говоря, недоброжелательное и раздраженное отношение со стороны автора статьи, опубликованной хотя бы и в рубрике дискуссионной...

Но вот подстрочник родился, сыграл свою скромную подсобную роль и продолжает эту роль играть, вовсе не питая относительно себя каких-либо особых иллюзий. Он знает, что он — всего лишь подстрочник, т. е. дословное переложение оригинала, с некоторыми доступными ему и сопутствующими указаниями на ритмо-метрические, рифменные и прочие особенности авторского поэтического текста. Он знает, что он, образно и условно говоря, даже не фотография, а своего рода «рентгеновский снимок» оригинала. Он, вероятно, знает и процитированные тем же Г. Кружковым слова В. Брюсова о нем: «Стихи, переложенные прозой, даже хорошей прозой, — умирают» или же сказанное К. Чуковским: «Точная, буквальная копия того или иного произведения поэзии есть самый неточный, самый лживый из всех переводов». И он, многострадальный и горемычный, но никогда не выдававший себя за окончательный результат поэтического творчества, а знающий свое место, свою природу буквальная копия, т. е. «поэзии мертвой», он вполне мог бы предугадать и даже оценить (при всей его «подстрочной» натуре ему досталось «подстрочное» чувство юмора) полемический эксперимент Г. Кружкова, который, до-

пустив, что пушкинское «Я помню чудное мгновенье» «принадлежит другому какому-то языку, другой культуре», поповал, исходя из этого, сконструировать модель возможного подстрочника первой строфы этого стихотворения. И он, Г. Кружков, имел, конечно, право после этого сказать: «Узнаем ли мы в этом «точном» «филологическом» переводе пушкинское «Я помню чудное мгновенье»? Перед нами золото, превратившееся в труху. Возникает ощущение совершившегося кощунства, надругательства».

И этот наш уже многоопытный и искушенный подстрочник, отлично понявший эксперимент Г. Кружкова, а вместе с ним и мы, доброжелательные читатели и даже литераторы, обязанные остерегаться подтасовок и фальсификаций, демагогии или, прямо скажем, клеветы, не утратившие пока, слава богу, ни чувства юмора, ни способности условно-образного, метафорического мышления, ни элементарного желания уразуметь общий смысл и задачу стихотворения, чтобы не судить о нем по отдельным, выхваченным из него с определенной целью строчкам, мы, повторяю, не только с пониманием, но и с удовольствием воскресили в своей памяти стихотворение Юнны Мориц «Стихи о неделанных переводах». А вот оно-то и послужило автору статьи «Школа «версий» поводом для публичной демонстрации всего того, от чего, как мы сказали, критик по крайней мере обязан воздерживаться, если на большее он не способен, уже с точки зрения взаимоотношений с собственной честью и совестью.

Да, Юнна Мориц говорит (с естественной для поэта и для данного ее замысла образно-метафорической акцентировкой этого мотива) о подстрочнике, как об «ужасной муре», «бессвязном и пустом бреде», «мертвечине» и т. д. Кстати, ничего другого о подстрочнике в стихах она, по сути дела, не пишет, чего не писали бы о нем в приведенных нами отрывках В. Брюсов («стихи... умирают»), К. Чуковский («самый лживый из переводов»), Г. Кружков («труха», «кощунство», «надругательство»).

Подчеркиваю, что у Юнны Мориц речь идет о подстрочниках и только о подстрочниках, и что все это еще, как пишет она в первой же строфе, «нуждается в искусстве перевода». Но вот какую обвинительную тираду произносит по этому поводу Т. Глушкова: «...Как оставить без внимания это высокомерие, эти хрустко зарифмованные **тяжкие поношения иноязычному автору?**» (подчеркнуто мною — Г. М.). Видите, какая и здесь мгновенная подмена, подтасовка! У поэта

идет речь о подстрочнике и о том, как выглядит именно подстрочник, а не поэзия иноязычного автора; а вот нет, извольте вслед за автором статьи переадресовать все сказанное русским поэтом о подстрочнике, — автору оригинальных стихов! Так и Г. Кружкова можно обвинить в том, что он осмелился стихи самого Пушкина назвать «трухой»! Ведь он так и назвал прозаическое (филологическое) изложение пушкинского стихотворения. Но речь обвинителя продолжается: «Да и что сказать о самом взгляде на перевод, как на **заведомый подлог** содержания и стиля стихов?» (подчеркнуто мною — Г. М.). Это о стихах, где черным по белому написано о творческом процессе и о результате искусства вдохновенного труда переводчика:

И круг завертится, и камень из-под ног
Искру заметет, превратясь в огниво!
Нет, не фальшивка это, **НЕ ПОДЛОГ**,
А ужас вдохновенного порыва!

Я подчеркнул слова «не подлог», ибо и впрямь поразились степени демагогии критика, который не стесняется провозглашенный самим поэтом **взгляд на перевод** (мол, это «...не подлог» и т. д.) тут же, без зазрения совести, выдать за «**взгляд на перевод как на заведомый подлог!**».

Но не удивляйтесь и этому, читатель. К таким, и почище, приемам автор статьи «Школа «версий» прибегнет еще не раз. Собственно говоря, только к таким приемам она и прибегает, лишь видоизменяя их в зависимости от конкретной задачи и материала.

Как известно, существует условная параллель между поэтическим переводом и актерским перевоплощением. Еще чаще говорят о том, что перевод так же соотносится с оригиналом, как оригинал с породившей его жизнью, жизненным явлением, какого бы характера и даже качества это явление ни было. И тут я позволю себе одно, так сказать, лирическое отступление. Много лет назад вышла пластинка с удивительной записью — Анна Ахматова читала свои стихи. И вот, кажется, в «Литературной газете» появилась об этом статья-отклик незнакомого мне тогда автора, к которой я проникся искренней симпатией и жадно пытался уловить любые ее публикации тех лет, пока она же не выступила в печати с чрезвычайно недоброжелательной, можно сказать, злонамеренной, статьей о книге стихов такого поэта, как Белла Ахмадулина. Ме-

ня это и удивило, и огорчило, и, конечно же, явно наложило свой отпечаток на тот образ автора, который мне ранее рисовался. Речь идет о Татьяне Глушковой. Но это так... А дело вот в чем. С той пластинки Анна Ахматова читала и знаменитые свои стихи, где есть такие строчки:

Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда.
 Как желтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда.
 Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
 Таинственная плесень на стене...
 И стих уже звучит, задорен, нежен,
 На радость вам и мне.

Повторяю, аналогия здесь очень отдаленная, весьма условная. Конечно, и у Ахматовой «сор» не буквальный, а какая-то часть жизни, иногда неприглядная, иногда пустяковая и незначительная на первый взгляд. Но поэт из нее делает то, что он вообще способен совершить своим искусством. Так и «мура», или «труха», или «бред» подстрочника, «мертвечина», оставшаяся после «филологического» переложения оригинала прозой. Воскресить все это силою таланта, «вдохновенного порыва», неимоверного труда, словом, силою союза любви, таланта, культуры и труда, как раз и предстоит поэту-переводчику.

Теперь же, чтобы исчерпать эту часть навязанной читателю автором статьи «Школа «версий» темы, я сделаю несколько выписок из поэта, в котором перечисленные выше качества сошлись в гармонии идеальной, а сам тон ее рассуждений (делающий музыку!) даст, я уверен, читателю возможность вздохнуть с благодарным облегчением. Вот что говорила о подстрочниках Белла Ахмадулина:

«Стихотворение, подлежащее переводу, проживает сложную, трехкратную жизнь. Оно полнокровно существует в родном языке и потом как бы умирает в подстрочнике. Лишенное прежней стройности и музыки, оно кажется немым, бездыханным, и это — самый опасный, самый тревожный момент в судьбе стихотворения. Как поступит с ним переводчик? Сумеет ли он воскресить его, даровать ему новую жизнь?.. Или так и оставит его убогим сиротой в чужом языке... Нужно иметь много деликатности, пронизательности и фантазии, чтобы по контурам подстрочника восстановить дей-

ствительный облик стихотворения, подобно тому, как ученый восстанавливает по черепу черты прекрасного древнего лица...» И она же: «Давайте будем делиться результатами нашей работы, и они скажут сами за себя. Я не собираюсь упрекать Пастернака в том, что он прибежал к подстрочнику, потому, что он постигал величайшую грузинскую поэзию, и было бы кощунством упрекать его... По подстрочнику только истинный поэт может понять смысл стихотворения...» И еще, под конец: «...Подстрочник. Вот как он расшифровывается: стихотворение жило, ликовало, лепетало в своем родном единственном языке, и вот оно насильственно умерщвлено, распластано перед тобой на столе — нагое, бездыханное, беззащитное, оно — подстрочник, ты — переводчик, теперь все от тебя зависит... ты можешь причинить ему грубый вред дальнейшей мертвости или дать ему его же собственную, принадлежащую ему по праву, вторую, вовсе не лишнюю жизнь».

Я не буду особо задерживаться на второй подглавке статьи Глушковой, весь смысл которой сводится к тому, что и подстрочники, оказывается, передают не все особенности оригинала, что вообще-то и они не всегда бывают на должном уровне, бывают небрежными и могут ввести в заблуждение переводчиков, «спровоцировать» их и т. п. (Даже приводятся примеры этого). Конечно, могут быть, и в не меньшей, кстати, мере, чем плохие поэтические переводы, сделанные со знанием языка оригинала, но оказавшиеся небрежными, способными ввести в заблуждение читателя, и т. д. Но бог с ними, или, вернее, черт с ними, с плохими подстрочниками (как, впрочем, и с плохими переводами и по ним, и с оригинала). Но автор статьи тут же, ничтоже сумняшеся, да еще действительно уж «заклинательно и небескорыстно» ссылаясь на Пушкина, обобщает свой вывод и распространяет его на всех современных поэтов-переводчиков, работающих по подстрочнику: «Если Пушкин назвал переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения», то сегодняшние поэты-переводчики, работающие вдали от оригинала (что за странное выражение? — Г. М.), похожи бывают на «почтовых лошадей» с завязанными глазами, вынужденных идти по бездорожью нелепой организации дела и расплачиваться за безответственность лиц, причастных к книгоизданию».

Конечно, плохая организация дела есть плохая организация дела, ее следует осудить; но вряд ли стоило эту особую

«организационную» тему подмешивать к принципиальному вопросу о творчестве перевода.

Третья подглавка статьи озаглавлена «О невлaдении «деревенским», и уже сам этот подзаголовок выдает очередной нечистоплотный прием, к которому прибегает автор статьи. Читаем: «Я не владею... деревенским», — с бравадой пишет в одном из своих стихотворений Ю. Мориц, после длинного перечня иностранных языков, которыми тоже не владеет». Поставим пока точку в этой цитате, чтобы потом вернуться к ее продолжению, а теперь расшифруем, восполним те три точки, которые обозначают в ней явный пропуск в приведенной автором строке Юнны Мориц. Вот соответствующая строфа поэта:

Я не владею морским, деревенским, спортивным.
Мой кругозор остается почти примитивным, —
Только мое и твое сокровенное дело,
Чтобы земля с человечеством вечно летела.

Ведь «самоочевидно», что наличие в первой же строке целого ряда, целого перечня явно профессиональных «языков» (морской, деревенский, спортивный) совершенно исключает тот народный и национальный смысл, который пытается приписать этой полуиронической, кстати, строке Юнны Мориц автор статьи. Недаром ведь она отсекла стоящие рядом другие слова, оставив лишь «деревенский». А вот уж на незнании «деревенского» («незнании» буквально понятом — куда нам до иронии или вообще до поэзии) можно уже выстроить и такое «обвинительное сооружение»: «Между тем, что такое «деревенский» язык?.. Огромная, основополагающая часть словарного и фразеологического состава любого национального языка. Та, что связана с безбрежным морем природы, с трудовыми процессами на земле, с бытом и всей жизнью тружеников, на чьих плечах воздвигались государства. Это — пласт языкового сознания, который прямо связан с чувством патриотизма; с той духовностью, что свято предполагает бережение и защиту родной земли». Ух ты! И неужели от всего перечисленного (почти весь русский язык, родная природа, труд и быт людей, патриотизм, защита родины!) отрекается преступный поэт? И удалось же автору статьи поймать поэта с поличным, то бишь на слове! Но вот беда, слово то было не одиноко, и сказано оно было в поэтическом контексте, придающем ему совершенно иной смысл.

начисто опровергающий обвинительное заключение! Более того, хотя поэт и признавался на протяжении всего стихотворения, что он не владеет испанским, немецким, французским, английским, турецким, шведским, греческим, латынью, санскритом, персидским, китайским, японским и даже «морским, деревенским, спортивным», она, знаете ли, русский поэт, пишет по-русски, да вот не собирается эту «самоочевидную» истину провозглашать в стихах; но именно как русский, как советский поэт, она вправе и даже считает своим нравственным долгом заявить, что мир должен сохраниться на нашей планете, что «мое и твое сокровенное дело, чтобы земля с человечеством вечно летела», чтобы в мире (и конечно, в ее поэтовом, «кругозоре») сохранились «только любовь, только воздух, и суша, и море, только цветы и деревья», «только жгучие радости, жгучее горе, только надежды и страхи», «только рожденья и смерть, только звезды и зерна», т. е. все истинно человеческое. Как не вспомнить тут любимое Марксом выражение — «ничто человеческое мне не чуждо». (Не «морское, деревенское, спортивное», а человеческое, представьте себе). А из всего этого и благородно-русского, и подлинно человеческого контекста, выхватив нужное ей словечко «деревенский», Т. Глушкова хотела лишь внушить читателю, что «эта бравада (незнание «деревенского» языка — Г. М.) основана на убеждении, будто «язык поэзии» существует поверх всех национальных языков». Что касается патетического восклицания автора статьи — «не на «деревенском» ли сложен русский фольклор, создано «Слово о полку Игореве», главы «Онегина», «Василий Теркин» — то, зная уже, в каком контексте и в каком смысле употребила Юнна Мориц слово «деревенский», мы с равным основанием могли бы спросить автора статьи, не знает ли она, какие вершинные создания русской поэзии были написаны на «морском» или «спортивном» языках? Ведь если можно поднять бурю в стакане воды по поводу языка «деревенского», то почему бы не поднять «морскую» бурю?

Но «деревенская» буря нужна автору статьи не только для того, чтобы обвинить поэта-переводчика в антипатриотическом пренебрежении к перечисленным ею основам духовного и жизненного бытия народа. Раз речь идет о переводах, то, оказывается, Юнна Мориц как переводчица и переводимых (в данном случае грузинских) поэтов пытается лишить признаков национальной самобытности. Т. Глушкова своим, с позволения сказать, «анализом» перевода стихотво-

рения Ш. Нишнианидзе «Трава» старается доказать, что Юнна Мориц целенаправленно исказила смысл оригинала. Вот что она пишет: «...уже из первой строки... изымается переводом ключевой для грузинского поэта образ **земли** — в ее явственной противопоставленности «твердому» и бесплодному **камню**. **Трава** сразу отчуждается переводчиком от **земли**, с высокомерием **одолевая** некую абстрактную «твердь»... то ли небо, то ли неблагоприятную почву...»

Все это нагромождение обвинений буквально высосано из пальца. Никакого «ключевого образа земли — в ее явной противопоставленности «твердому» и бесплодному камню» у Ш. Нишнианидзе и в помине нет. У него эта первая строчка звучит просто и естественно, как начало всего последующего ряда описания жизни травы на белом свете. Вот она, эта строка, в подстрочном изложении: «Что ей земля, она пробьется даже сквозь камень». Речь здесь идет только о поразительной жизнестойкости и «пробивной» силе травы. Никакой «ключевой», а тем более «для грузинского поэта» «противопоставленности» «земли» «камню» здесь нет; есть только, как мы видим, восхищение природой самой травы, вот и все. В точном по смыслу и по образам переводе Юнны Мориц эта строка звучит так: «Что ей твердь? Она **сквозь** камень шла уверенно». Как видим, в переводе передана та же мысль, и даже, я бы сказал, слишком уж точно. Но, как мы помним, бурю «эпиграмматического остроумия» вызвало у автора статьи употребленное в переводе слово «твердь» («**Трава** сразу отчуждается переводчиком от **земли**, с высокомерием (причем тут, господи, высокомерие! — Г. М.) **одолевая** некую абстрактную «твердь»... то ли небо, то ли неблагоприятную почву»). Автору статьи, который так печется о «словарном и фразеологическом составе любого национального языка», стоило бы умерить свой пыл хотя бы с помощью толковых словарей русского языка — того же Даля или Ожегова. Я вовсе не хочу обвинить Т. Глушкову в недостаточном знании родного языка (как она сама делает это в адрес других, вряд ли руководствуясь при этом чисто литературными соображениями), но предвзятость, если вновь вспомнить мудрые слова Баратынского, «удаляет от настоящей цели», и тут стоит заставить себя справиться у Даля или Ожегова. Из всех этих словарей явствует, что «твердь» бывает — 1) земная и 2) небесная (именно в этой, кстати, последовательности). А у Даля «твердь земная» вообще раскрывается синонимическим рядом — «материк, су-

на, земля, толща (подчеркнуто мною — Г. М.). Так что в переводе Юнны Мориз «Что ей твердь?» — это то же самое, что «Что ей земля?» А все язвительные рассуждения Т. Глушковой о предполагаемом ею значении этой «тверди» («то ли небо, то ли неблагоприятная почва») — это чистейшая демагогия.

И вновь послушаем автора статьи: «Глубоко патриотическая по смыслу метафоричность строк о траве: «Свежая была — **нательной** (добавленный к подстрочнику эпитет — Г. М.) рубашкой была на землю **надета**, сухая была — в гнездах лежала» — переводится в галантерейно-парфюмерный и безадресный план (при нелепостях словоупотребления): «В пору свежести — **душистая сорочка**, а на старости — гнездовья (?) оболочка».

Во-первых, ни на минуту не сомневаюсь в патриотизме грузинского поэта, но в данном случае в стихах речь идет совсем не о том, куда клонит автор статьи или куда склоняют ее те или иные советчики-консультанты. Никакого собственно патриотического смысла вообще нет и в стихотворении в целом, и в этой строке в частности. Это, скорее, как говорили в свое время, натурфилософские поэтические наблюдения и выводы (в поэтическом, разумеется, преломлении). Вся «галантерейно-парфюмерная» часть обвинительного заключения мгновенно сведется на нет, стоит опять-таки злопыхательский пыл автора статьи остудить любым толковым словарем русского языка, где соответствующее грузинскому слову «перанги» русское понятие обозначено синонимическим рядом — рубашка, сорочка. Например, в словаре Ожегова прямо говорится: «сорочка — то же, что рубашка». Эпитет же «душистая» имеет прямое отношение к траве, а не к «парфюмерии». Любой читатель, исходя из контекста, свяжет это слово именно со свежей травой, а не с духами или одеколоном. Добавление же в подстрочнике к «рубашке» эпитета «нательная» преследует целью лишь усилить «демаркацию» между нею, «рубашкой», и «сорочкой». Вот и все. Впрочем, не все. «Рубашка»-«перанги» нужна автору статьи и для дальнейшего усложнения своих демагогических построений с апелляцией к патриотическим чувствам грузин: «Тав утрачивается глубинная связь «травы» с «землей» (Грузии) и смысл, что трава **охраняла, защищала** землю, подобно молодому воинству». Ничего этого в оригинале нет — ни «охраны» травой земли (Грузии!), ни «защиты» ее, ни сравнения, даже подразумеваемого, с «молодым воинством». А тем

более нет тех, буквально за уши притянутых «ассоциаций», которые якобы должны быть вызваны самим словом «рубашка», замененным Юнной Мориц «сорочкой». И тут идет спекуляция на грузинском звучании слова «перанги» в сочетаниях этого слова с другими, не только не обязательных для «ассоциативного» ряда данного стихотворения, но прямо противоположенных ему. Поистине, «слышал звон, да не знает, где он!» Вот где еще раз оказали медвежью услугу автору статьи ее друзья-советчики и консультанты по грузинской филологии. И Т. Глушкова — с ученым видом знатока — продолжает свою мысль о «траве», как о «молодом воинстве»: «Этот смысл в оригинале поддерживается ассоциативным рядом: «перанги» (рубашка...) властно (!) приводит на память «ркинис перанги», «джачвис перанги», то есть **кольчугу...**». Мы уже сказали выше и показали, что не «рубашка -перанги» «властно приводит» все эти ассоциации, а недобрая воля автора статьи и ее консультантов. А почему, например, с такой же «властностью» не возникла ассоциация, скажем, с «гвелис перанги» (рубашка — кожа змей?). Это, пожалуй, ближе к натурфилософской концепции стихотворения, чем весь тот псевдопатриотический воинский реkvизит и антураж, который нагроможден в статье Т. Глушковой.

Да, я забыл сказать о «гнездовьях» из перевода Юнны Мориц, также вызвавших раздражение у Т. Глушковой («Нелепость словоупотребления» — сказано об этом). По Ожегову же, «гнездовье — место, удобное птицам для устройства гнезда, место гнездованья». Так что смысл сказанного поэтом не меняется от того, используют ли птицы засохшую траву для того, чтобы выстелить ею само гнездо, или для того, чтобы устлать ею гнездовье. Вот и все. Самоочевидна здесь лишь «нелепость» пристрастной придирки.

Военно-патриотическая демагогия, столь «властно» прозвучавшая в анализе перевода «Травы» Ш. Нишнианидзе, преследовала и иную цель — подготовительную для атаки на новый «вражеский» объект. Это сразу же становится ясным, как только мы переходим к стихотворению того же Ш. Нишнианидзе «Хвала войску нашему — грузинскому винограднику». Конечно, и здесь, сразу же, в «преамбуле» обвинительного потока повторяется основополагающий тезис о том, что «отношение к «деревенскому» («крестьянскому») нередко проявляет себя как отношение к национальной культуре, национальному духу». Цену рассуждениям о «дере-

венском» мы уже знаем: но тут следует задать автору еще один вопрос: что может означать данное им в скобках уточнение «деревенского» как «крестьянского», да еще взятого в кавычки; кому оно приписывается и по какому, собственно, праву? Далее идет набор самих обвинений: «И вот стихотворение... «Хвала грузинскому воинству» переозаглавляется в переводе «Хвала войску нашему — грузинскому виноградику», а из самого его текста вытесняется и понятие **виноградника**, заменяемого просто «виноградом», — речь ведется о войске ягодном и в конечном счете гастрономическо-винном». Далее идет длинный перечень поэтических фраз из перевода, где встречаются слова «виноградный» и «виноград», с присовокуплением, что «эти сладкоягодные слова, странноватые понятия насыщают перевод».

Во-первых, ничего переводчиком не «переозаглавляется», а заглавие именно **переведено** со всей смысловой точностью, ибо любой, действительно (не с камнем за пазухой, а с любовью к искусству) читавший это стихотворение в оригинале, сразу же поймет, что речь идет именно о виноградном войске и ни о чем другом, ни о каком реальном, конкретном грузинском войске. Более того, через все стихотворение красной нитью проходит мысль, что виноградное войско способно было заменить войско реальное, терпящее порою поражения, в отличие от него. Это, конечно, образная гипербола, но дело не в этом. Дело в том, что в оригинале это именно так. Что касается «сладкоягодных» галлюцинаций автора статьи, вызванных у нее понятием «виноград», то для терапевтического эффекта я и на сей раз посоветовал бы ей заглянуть или в словарь Даля или в I том академического четырехтомника. У Даля она бы вычитала, что «виноград — растение и плод, лоза и ягода», а в академическом толковом словаре русского языка, что — «1) виноград — выющееся плодое кустарниковое растение, 2) ягоды этого растения». В обоих изданиях она встретила бы ряд приведенных примеров употребления слова «виноград» именно как растения.

Т. Глушкова утверждает, что в переводе «из самого его текста вытесняется и понятие виноградника, заменяемого просто виноградом...». Не говоря уже о заглавии («Хвала... виноградику»), которое является ключом к стихотворению в целом, то, если на то пошло, разве в строке «твои виноградники в лиственных гущах» нет этого «вытесненного» переводчиком слова? А сколько раз в переводе говорится о «лозе» в разных образных сочетаниях? Но главное, конечно,

то, о чем мы уже говорили: в русском языке одним из главных значений слова «виноград» (а на этом слове и «ловит» переводчика автор статьи) как раз и является то растение, которому посвящает свое стихотворение Ш. Нишнианидзе. И утверждая, что «поэт (пользуясь филологическими переводами) слово «виноград» не поминает», автор статьи или говорит заведомую неправду, или обнаруживает свое невежество, так как в первой же строфе оригинала речь идет именно о лозе (т. е. о винограде), а дальше этот образ является сквозным для всего стихотворения.

Т. Глушкова, не ограничиваясь «гастрономическо-винным» определением русских слов «виноград» и «виноградный», идет еще дальше. Так вот, Ш. Нишнианидзе, а вслед за ним и Ю. Мориц, по ходу лирического сюжета, в одной строфе, имея в виду древний обычай, говорят об обмакивании хлеба в вино. «Свой хлеб накроши в эту кровь винограда» — переводит Юнна Мориц, а в оригинале сказано — «накроши свой хлеб в эту кровь дэва». Тот, кто хоть немного знает грузинскую речь, поймет, что «дэв» здесь является синонимом героя-победителя (есть даже такое грузинское слово «дэвмири», обозначающее буквально героя), — ведь непосредственно перед этим описана героическая жизнестойкость винограда в борьбе с врагами, а «кровь дэва» здесь не что иное, как «кровь винограда», т. е. вино. Но вы послушайте, как повышает голос и по этому поводу автор статьи: «...Даже «кровь дэва», придающая крепость и силу воинам, минуя грузинскую мифологию, напрямую перегоняется в хмельную кровь винограда!» Этот хмель и дальше не дает покоя Т. Глушковой. Она тут же пишет, что Ш. Нишнианидзе «не поминает ни ресторанный «бокал», ни «рога» для питья, и не приглашает — как в стихотворном переводе, стать «овном жертвенным» Бахусу». Позвольте, но в оригинале есть и «вино», и «чадо чачи» (виноградная водка), и «мачари» (молодое вино), и «застолье», и «квеври» (кувшин для хранения вина, зарытый в землю), и «винопитие», и «пир». Кстати, перевод Ю. Мориц сделан по подстрочнику самого раннего варианта стихотворения Ш. Нишнианидзе, в котором ныне сокращено несколько строф, и, как мне подтвердил сам поэт (настоятельно попросив даже на него сослаться), в этих строфах данный ряд «вин», «рогов» был тоже представлен. Сохранилось в последней редакции стихотворения (и соответственно в переводе) и выражение «стать... овном жертвенным», но вот «Бахус», конечно же, добавлен для пущего

эффекта самой Т. Глушковой — так же как эпитет «нагельная» к «рубашке» в «филологическом переводе» «Травы».

Дальше у Т. Глушковой идет такой окончательный вывод-приговор: «У Ш. Нишнианидзе «грузинское войнство» дано в двух планах: реальные герои, защищавшие родину от персов и турок, и войско метафорическое, претворенное в «лозу», которая знаменует непобедимую силу земли, вобравшей кровь и героический дух павших». Никаких «двух планов» в стихотворении нет. Есть лишь один сквозной для него образный ряд «лозы», «винограда», «войска нашего — грузинского виноградника» со всеми модификациями этого образа. Из шестидесяти строк одной из последних редакций оригинала лишь в упомянутых уже нами четырех строчках, где предлагается «горемычной древности» накрошить свой хлеб в вино (в «кровь винограда», «кровь дэва»), имеется в виду будущее, возмужавшее поколение тогдашних детей, в которых вселится «дух винограда», «сила лозы» и даст им возможность устоять в схватке с персами и турками. Такова эта предполагаемая, предвосхищаемая поэтом картина, возможная благодаря «духу винограда». И все это есть в переводе данной строфы. Во всем остальном стихотворении нигде нет и в помине «второго плана» (если не считать метафорического подтекста, сохраненного и в переводе) — «реальных героев, защищавших родину». Автор же статьи продолжает гневно вещать и изрекать: «...Реальные войны иберийские оказываются в переводе «виноградом (1) ратным». Все, что связано с реальной историей Грузии и чертами национального духа, переводится в план снижающей двусмысленности либо просто опускается. Утрачено и обращение к критике о шапке царя Ираклия, и суть (неуловимого в переводе) перифраза народной песни о кипчаке. То есть утрачены все существеннейшие фольклорные («деревенские») опоры стихотворения, и мы обрели перевод «на язык поэзии», идущей решительно поверх переводимой национальной культуры».

Посмотрим, что на деле остается и от этого набора «урат»:

1) Никаких «реальных воинов иберийских» в оригинале нет — вся строфа с упоминанием «войска иберийского» относится к виноградникам, к винограду, и только к нему. Точно так, как и в переводе Юнны Мориц.

2) Никакой «шапки царя Ираклия» во всех доступных нам вариантах стихотворения (в том числе, и вошедших в

последние сборники избранных стихов поэта) — нет. Не было ее и в тексте, по которому делался подстрочник для Юнны Мориц (свидетельство Ш. Нишнианидзе);

3) Суть перифраза народной песни о кипчаке как раз уловлена в переводе Юнны Мориц — в третьей и четвертой строфах третьей главки перевода. (Именно эти строфы сокращены в последних редакциях оригинала, но они были в подстрочнике). Но этот перифраз не уловлен как раз автором статьи в переводе Юнны Мориц.

А что можно сказать о такой недвусмысленной реплике автора статьи по поводу одной вырванной из контекста строчки перевода: «...что тут — бессмыслица или черты некоего чуждого и грузинам, и русским культа?» (подчеркнуто мною — Г. М.). А строчка-то всего лишь была такая: «Станешь воздухом, станешь светом». Под какую нравственную категорию подвести эту тираду?

Как видим, от набора приписанных переводу «утрат» ничего не осталось. Так что грош цена и высокопарным рассуждениям о «национальном духе», «национальной культуре», выше которых Юнна Мориц ставит, оказывается, «язык поэзии». Юнна Мориц и другие талантливые русские переводчики готовы отдать частичку своей души, своей жизни, чтобы на русском языке передать национальный дух иноязычного поэта, сделать его национальную культуру достоянием и русской национальной культуры. Это и есть одна из главных сфер процесса взаимообогащения наших народов, являющегося одним из краеугольных камней общей гармонии нашего духовного бытия. А вот как раз демагогия и инсинуации, подобные тем, к которым прибегает автор статьи «Школа «версий», мягко говоря, вносят диссонанс в эту диалектическую по своей сути гармонию.

Мы воочию убедились, кто продемонстрировал именно «школу незнания» в истории поднятого им же вопроса, и его существа и природы, и творческих способов его разрешения в практике русского перевыражения поэзии других народов. А Юнна Мориц, я уверен, ничего не потеряла от таких злорадных и злопыхательских наскоков. Лучшая для нее награда — сознание, что она перевела (а мы знаем, что она перевела прекрасно) таких, к примеру, грузинских поэтов, как Георгий Леонидзе, Отар Чиладзе, Джансут Чарквиани, Михаил Квливидзе, Шота Нишнианидзе, Гиви Гегечкори, Лия Стуруа, Хута Гагуа — я мог бы продолжить этот перечень. Но вот мне вспомнилось одно, имевшее среди

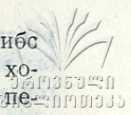
грузинских литераторов хождение, русское четверостишие, в
мне трудно удержаться, чтоб не привести его здесь:

**И не какой-нибудь заморыш,
Случайный баловень стихий,
А Юнна Мориц, Юнна Мориц
Перевела твои стихи!**

Это тоже кое о чем говорит...

Под занавес я хочу извиниться перед читателем, внимательно следящим за дискуссией, что я коснулся в своей статье (в конкретной ее части) только близкого и наиболее доступного мне материала — переводов с грузинского. Не критические приемы Т. Глушковой, к которым она прибегла на этом материале (такие приемы обычно называют недо-зволёнными или запрещёнными), создают впечатление, если не убежденность, что и в других случаях она верна им. И, к сожалению, она далеко не одинока в этом своем злопыхательном рвении. Мне уже приходилось в свое время отводить не менее, если не более, мрачную тень, которую пытались навести на переводческие шедевры Бориса Пастернака и Беллы Ахмадулиной (см. мою статью в «Литературной Грузии» № 6 за 1979 год). Приходилось мне объяснять и характер, и причину, обусловившую оправданность ряда замечательных «вольных переводов» Владимира Леоновича, или эстетическую позицию Марины Кудимовой. И ведь все повторяется. И мишени выбираются безошибочно. И прекрасные стихи, и отличные переводы, и естественно-любственное и радостное их восприятие вызывают у закомплексованных и раздраженных недоброжелателей реакцию, нагоняющую на нас тоску и скуку, но способную ввести в заблуждение хоть часть доверчивых и склонных прислушиваться к печатному слову читателей. И поэтому, конечно, если б не жестокая необходимость, было бы лучше, если б я мог просто повторить вслед за Беллой Ахмадулиной слова из одного ее интервью: «Да, и мне порой не удержаться от сарказма, но... уж коли ты поэт... то не замечай их... Спокойно относись к неприятию твоих стихов... Но я не устаю дивиться и радоваться тем, кто внимает моей поэзии...»

И мне еще хочется повторить созвучные этим словам и настроению, вызванному во мне необходимостью с болью и горечью в душе реагировать на статью под дискуссионной

рубрикой, статью, которая дискуссионной и не является, ибо «самоочевидна» в совершенно иных своих качествах, мне хочется повторить стихи талантливого московского поэта и редактора, давнего друга Грузии и старожилы нашего русского журнала Сергея Гандлевского, адресованные тем, кто умеет внимать поэзии, внимать искусству слова:

В конце концов не для того ли
Мы знаем творческую власть,
Чтобы хлебнуть добра и боли,
Отгоревать и не проклясть!

2. ОБ ОДНОМ БИБЛИОФИЛЕ

В пятнадцатом номере «Альманаха библиофила» была напечатана статья С. Ломинадзе о книге «Искусство слова. Слово об искусстве», написанной мною в соавторстве с Э. Думбадзе.

Допускаю теоретически, что человек может быть страстен, но хоть в чем-то прав, хотя бы в конкретном анализе или отдельных замечаниях. И тут я со всей ответственностью и категоричностью заявляю, что в статье С. Ломинадзе «Какой должна быть книга критика?» нет ни слова правды, нет ни одного фактически верного или справедливого высказывания, замечания, критического упрека в адрес Г. Маргвелашвили и Э. Думбадзе. Сама статья его — пример того, какой не должна быть статья уважающего себя критика.

Неточно уже первое утверждение автора статьи о том, что книга «Искусство слова. Слово об искусстве» «должного резонанса в критике пока не получила». С опозданием, но все же отозвались о книге Л. Озеров, В. Коротич, К. Ваншенкин, В. Огнев, Д. Гранин, Л. Новиченко (статья первого и письма остальных, по просьбе авторов писем, были опубликованы в № 11 «Литературной Грузии» за 1983 год). А до этого еще в августовской книжке 1982 года, в «Литературной Грузии» была напечатана статья Э. Гугушвили об этой книге.

Я не буду, разумеется, рассматривать здесь все случаи демагогических рассуждений, подтасовок, дешевого иронизи-

рования и т. д. со стороны С. Ломинадзе. Чего стоят хотя бы все его рассуждения о том, что Г. Маргвелашвили якобы годами работает методом «блочно-панельного» построения своих текстов. В доказательство этой, с позволения сказать, мысли С. Ломинадзе приводит два случая из почти 370-страничной книги, когда автор в двух разных статьях привел одну и ту же цитату из высказываний В. Леоновича, сопроводив эти цитаты тремя-четырьмя своими повторяющимися, вводящими эту цитату в контекст, строчками в начале и конце ее; или же в другом случае, в статье об Э. Фейгине, повторил свое же, несколько видоизмененное, высказывание о его повести «Бульдоги Лапшина», тут же оговорив это обстоятельство и предупредив читателя, что ему «уже приходилось в свое время писать» об этой вещи и что он «может лишь повторить суть своих суждений и размышлений по ее поводу». И этот вполне законный прием и случай С. Ломинадзе, обобщая и возводя в ранг «блочно-панельного» «критического творчества» Г. Маргвелашвили вообще, выдвигает как одно из главных своих обвинений, прикрывшись к тому же заботой о судьбе «первых книжек» молодых писателей, которые можно было бы издать в условиях «бумажного голода» вместо отвергаемой им книги!

Или такой вот случай. Г. Маргвелашвили черным по белому пишет, что в его статьях «Свидетельствует вещей знак» не учтены «композиционные изменения, которые внеслись в сами подборки», из вступлений к которым состоит эта серия статей. С. Ломинадзе обрушивается на автора за то, что он пишет о двух-трех вещах, не оставленных в подборках на данном этапе и временно отложенных на будущее, то есть как раз попавших в те «композиционные изменения», о которых читатель заранее был предупрежден. Что же тогда сказать о самом С. Ломинадзе, в руках которого оказался «уникальный» экземпляр разбираемой им книги, по составу своему не вполне совпадающий с текстом всего тиража, и читатель с недоумением будет искать в своих экземплярах, скажем, ту же статью о Белле Ахмадулиной, на которую тоже обрушивается С. Ломинадзе?

И что можно сказать о пишущем по-русски литературном критике, который не знает, что «древесина» — это не только бревна и доски, но и «основная часть дерева», находящаяся под корой, к которой и «прививаются» черенки. Это слово использовано поэтом В. Леоновичем в его образно-метафорической строке — «может веточка привьется и рос-

сийской древесине» (речь идет о русско-грузинском поэтиче-ском взаимодействии). Но С. Ломинадзе и тут начеку, он просвещает русского поэта и заодно иронизирует, а чуть вы-ше даже издевается над ним, говоря о «восхитившей Г. Мар-гвелашвили товароведческой метафорике В. Леоновича» (на этот раз по поводу строчек — «задохнулся — и на русский перевел в слезах от счастья вашу негу, ваши сла-сти без усушки и утруски»). В какой мере надо быть ли-шенным чувства слова, чувства поэтического образа, хотя бы чувства юмора, на худой конец, чтобы эту истинную поэзию воспринять как «товароведческую метафорику». Ломинадзе и тут не чувствует, что сам выступает с «товароведческим» подхо-дом к поэзии. Кстати, что касается «восхищения Г. Маргве-лашвили товароведческой метафорикой Вл. Леоновича», то оно давно уже было поддержано журналом «Дружба на-родов», где еще в № 8 за 1980 год была напечатана рецен-зия покойного ныне поэта Леонида Темина на сборник пере-водов В. Леоновича из Галактиона Табидзе. В этой рецензии не только восторженно цитировались взятые из предисловия Г. Маргвелашвили к сборнику все те же «криминальные» строки и строфы В. Леоновича с «древесиной» и с «усушкой и утруской», но сама рецензия была программно озаглавлена — «Без усушки и утруски». Как видно, ни талантливый поэт Леонид Темин, ни редакция солидного журнала не могли пред-положить, что найдется на свете человек, да еще и литера-турный критик, который даст по этому поводу выход своему «товароведческому» сарказму.

С. Ломинадзе, как видно, известно только религиозное значение слова «причаститься», он не знает другого его зна-чения, которое в академическом словаре русского языка объ-ясняется как «сделаться участником чего-либо», т. е. приоб-щиться. Даже слово «причастие», от которого произведен глагол «причаститься», имеет значение не только религиоз-ного обряда, но и — как сказано в том же словаре — «причастности». Таким образом, «филиппика» С. Ломинадзе по поводу фразы Г. Маргвелашвили о том, что мы, грузины, «причастились» таланту Беллы Ахмадулиной, повисает в воздухе, бьет мимо цели, ибо речь идет не о религиозном «обожествлении» поэта, как утверждает С. Ломинадзе, а о возникшей у нас духовной близости и связи с нею. Иное де-ло, что эта мысль выражена в патетически-приподнятом то-не — мне это по душе, — что С. Ломинадзе может не нра-

виться, но это еще не повод и не основание для демагогических рассуждений.

С. Ломинадзе спешит и слово «благодать» истолковать в религиозно-божественном аспекте («обожествил Ахмадулину, можно сказать, с заранее обдуманном намерением», — пишет он). Но с таким же успехом он мог бы запретить нам произносить слова «благодарствую» и даже «спасибо» — ведь это последнее произошло от «спаси бог». Я уже не возвращаюсь здесь к отмеченному мною выше немаловажному обстоятельству, что этой статьи о Белле Ахмадулиной в тираже книги «Искусство слова. Слово об искусстве» вообще нет. По воле автора она была напечатана лишь в виде предисловия к одновременно вышедшей книге Б. Ахмадулиной «Сны о Грузии».

Такие же натяжки, передержки и подтасовки видим мы и в оценке статьи Г. Маргвелашвили о Е. Евтушенко. Стоит, например, Г. Маргвелашвили сказать, что при оценке переводческой работы Е. Евтушенко некоторыми его «оппонентами забывалось главное — масштаб личности, дарования и самого явления такого поэта, как Евгений Евтушенко», как С. Ломинадзе такое замечание («забывалось главное») расценивает следующим образом: «Вот, к примеру, как **разделяется** с «оппонентами», **осмелившимися** критически отнестись к переводам Евтушенко», Г. Маргвелашвили (подчеркнуто мною — Г. М.). И далее следует цитата, которая, кстати, в тираже книги выглядит тоже в несколько иной редакции, чем в «уникальном» экземпляре, попавшем в руки С. Ломинадзе, и там в данном контексте имена Евтушенко и Ахмадулиной не упоминаются, хотя и подразумеваются: «...Если примыслить дистанцию, которая в скором будущем неизбежно образуется, то вполне вероятно, далеко не один из наших славных современников окажется в числе поэтов такого ранга и масштаба, которым и выпала, собственно, честь полномочно представлять великую русскую поэзию в наши дни». С. Ломинадзе тут же делает вывод: «Смысл этой велеречивой тирады предельно ясен. Евтушенко и Ахмадулина — поэты «такого ранга и масштаба», как Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Есенин». У Г. Маргвелашвили и С. Ломинадзе могут быть разные взгляды на поэзию Евтушенко и Ахмадулиной, но в любом случае допущение или утверждение, что эти поэты в будущем («дистанция времени») окажутся «в числе поэтов такого ранга и масштаба, которым и выпала, собственно, честь полномочно представлять

великую русскую поэзию в наши дни», вовсе не равнознач- но утверждению, как это инкриминирует автору С. Ломинадзе, что «Евтушенко и Ахмадулина — поэты «такого ранга и масштаба», как Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Есенин». Кстати, и слова о переводах, которые дальше об- грываются у С. Ломинадзе («Великое и чудесное свершение» и т. д.), относятся не к Евтушенко и Ахмадулиной, а к вы- шеупомянутым классикам русской поэзии, имена которых приведены в статье Г. Маргвелашвили лишь для того гипо- тетического допущения, действительно «великого и чудесного свершения», если бы эти поэты перевели по 15 тысяч строк грузинских стихов. Таков тот «контекст мечты и чуда», в ко- тором Г. Маргвелашвили позволил себе выразить радость по- поводу поэтического подвига, совершенного нашими совре- менниками.

Пренебрежительно-злостствующее отношение, педалиро- ванное и откровенное, сквозит у С. Ломинадзе и по отноше- нию к другим талантливым русским поэтам, во многом свя- завшим свою творческую судьбу с Грузией и грузинской поэ- зией (В. Леонович, Я. Гольцман, М. Кудимова).

Коснусь еще одного частного вопроса, одного из недозво- ленных приемов, к которым прибегает С. Ломинадзе в своей полемике. Речь идет о воспоминаниях Г. Маргвелашвили о Н. Заболоцком — «Свет памяти». Им С. Ломинадзе якобы отдает должное, но тут же добавляет: «Да и **достоверность** вос- поминаний подчас вызывает сомнения. У читателя, к приме- ру, создается впечатление, что в 1949 году автор был весьма близок кругу «давних друзей» Заболоцкого и в их числе — П. Г. Антокольскому». И дальше критик выражает недоуме- ние, мол, «как совместить это» со статьей того же Г. Маргве- лашвили, напечатанной тогда же и критикующей П. Г. Анто- кольского.

Ну что ж, ответим и на это. Во-первых, в «Свете памяти» ни слова, буквально даже намек нет на близость автора кругу «давних друзей» Заболоцкого и в их числе — П. Г. Антокольскому» в те времена, хотя такая близость в действи- тельности существовала (хотя бы уже потому, что «давние друзья» Заболоцкого М. Бажан и П. Антокольский были чле- нами редколлегии редактируемого В. Гольцевым альманаха «Дружба народов», ответственным секретарем которого был тогда Г. Маргвелашвили). У С. Ломинадзе «создалось» такое «впечатление» только лишь потому, что ему требовалось бро- сить тень на Г. Маргвелашвили. Что же касается той давней

статьи, где П. Антокольский назывался «эстетом» (в этом и заключалась буквально вся критика в его адрес), то сама эта статья, подготовленная редакцией «Литературной газеты», была подписана Г. Маргвелашвили именно с целью максимально смягчить критику, в частности в адрес П. Антокольского. В курсе этой работы над статьей был ближайший друг Антокольского В. Гольцев, а через него и сам П. Антокольский. Так что уже и тогда Павел Григорьевич Антокольский испытывал по отношению к Г. Маргвелашвили лишь чувство благодарности. Об этом знают многие и по рассказам В. Гольцева, и в передаче самого П. Антокольского. Но если даже оставить в стороне, так сказать, «закулисную» сторону дела, достаточно перечитать опубликованные уже письма П. Антокольского разных лет к Г. Маргвелашвили (они вновь воспроизведены в № 11 «Литературной Грузии» за 1983 год), чтобы понять, «совместимы» они с версией С. Ломинадзе или нет. А вот передо мною лежит еще более ранняя книжка стихов П. Антокольского с такой дарственной надписью: «Георгию Маргвелашвили. С глубоким уважением и симпатией к Вам, к Вашей жизненной позиции, дай Вам боже счастья! Ваш П. Антокольский».

Теперь об общих выводах, к которым приходит автор. Вот его приговор балетным статьям: «...Третий раздел книги (написанный в основном Э. Думбадзе) посвящен балетным постановкам Вахтанга Чабукиани. Но и тут перед нами — типичные образцы хвалебной рецензионной эмпирики, не поднимающейся до сколько-нибудь оригинальных выводов и проблемных обобщений».

Это глубоко неверная оценка. Но давайте послушаем крупного специалиста в данной области, автора главных статей по грузинскому балету в энциклопедии «Балет», ректора тбилисского Театрального института, профессора Э. Н. Гугушвили: «О Вахтанге Михайловиче Чабукиани написано немало исследований, книг, статей. Но читая «Победную поступь искусства» (большинство статей этого раздела принадлежит Э. Думбадзе), понимаешь, что мало кому из балетных критиков удалось так последовательно и тонко воссоздать образ большого художника, проследить основные вехи на его творческом пути и рассказать о всех его победах, как это сделано в статьях Э. Думбадзе. Хотя каждая из статей написана по специальному поводу и носит в большинстве своем характер рецензии на отдельные спектакли, в синтезе своем они отмечены обобщениями и выводами, создающими целостность, объ-

емность, масштабность содеянного мастером, его художественный портрет... Здесь возникает множество авторских ассоциаций, неординарных сравнений и параллелей, пронизанных эмоциональностью видения и глубоким пониманием смысла происходящего».

Если бы статья Э. Гугушвили не была написана в 1982 году, можно было бы подумать, что автор ее специально задался целью попасть не в бровь, а в глаз С. Ломинадзе.

Перейдем к общей ломинадзевской оценке литературно-критической части книги, принадлежащей Г. Маргвелашвили. Сразу же бросается в глаза тенденциозное утверждение С. Ломинадзе: «Г. Маргвелашвили, как мы убедились, интересуется не столько грузинская литература, сколько местная канонизация полюбившихся ему поэтов...» (читай — русских). Во-первых, мы уже убедились в предвзятости С. Ломинадзе; во-вторых, им обойдено все, что связывает «полюбившихся» Г. Маргвелашвили поэтов с Грузией и грузинской литературой; и вообще, кого уж вовсе не интересуется грузинская часть и грузинские мотивы рассматриваемой книги, так это самого Ломинадзе; в-третьих, нет в книге почти ни одного материала, который так или иначе не был бы связан с Грузией или с грузинской литературой. Главное: кроме статей определенного пятилетия, включенных в книгу, Г. Маргвелашвили (не говоря о десятках его книг и сотнях статей, посвященных грузинской литературе) буквально за шесть лет до «Искусства слова» выпустил две объемистые книги на грузинском и русском языках в основном о грузинской советской литературе, хотя в этих книгах речь идет и о классике. Вот только перечень авторов, которым там посвящены монографические работы и литературные портреты: Шота Руставели, Акакий Церетели, Важа Пшавела, Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе, Иосиф Гришашвили, Симон Чиковани, Карло Каладзе, Алио Мирцхулава, Константин Лордкипанидзе, Ираклий Абашидзе, Александр Гомиашвили, Григол Абашидзе, Реваз Маргиани, Нодар Думбадзе, Арчил Сулакаури, Отар Чиладзе. Я уже ничего не говорю об обзорно-проблемных статьях, вошедших в эти книги, и о статьях, посвященных русско-грузинским, украинско-грузинским и другим братским литературным взаимосвязям. Книжки эти называются — «Несгорающий костер» (50 авторских листов) и «Немеркнущий свет поэзии» (25 авторских листов).

Если же вернуться к конечным выводам С. Ломинадзе относительно книги «Искусство слова. Слово об искусстве»,

то, по его убеждению, она — пример того, «какой не должна быть книга критика», он считает ее издание слишком «большой роскошью... в условиях бумажного голода».

А позволительно спросить — печатать ничтожную по смыслу и содержанию, злобредную по форме и целенаправленности статью С. Ломинадзе — это не «роскошь»? Пожалуй, нет, потому что это не просто «роскошь», а ничем не оправданная и непростительная ошибка.

Можно и сейчас, задним числом, перечитать статью члена редколлегии альманаха Л. Озерова в № 11 «Литературной Грузии» за 1983 год, где дается высокая оценка книги Э. Думбадзе и Г. Маргвелашвили. Я не буду здесь ее цитировать, так же как и отзывы на эту книгу В. Коротича, В. Огнева, К. Ваншенкина, Д. Гранина, Л. Новиченко — из того же номера «Литературной Грузии». О ряде статей, вошедших в книгу, можно прочитать и в критическом очерке Г. Белой в журнале «Литературное обозрение» № 8 за 1979 год.

Как же все эти авторитетные оценки совместить с «мнением» С. Ломинадзе? Я сознательно беру в кавычки слово «мнение», ибо нельзя назвать всерьез мнением злонамеренные выпады, продиктованные сугубо личными мотивами. Но, повторяю, совершенно независимо от истинных стимулов, двигавших пером С. Ломинадзе, статья его является образчиком того, какой не должна быть, не имеет права быть статья советского критика — ни в профессиональном, ни в морально-этическом отношении.

ИСПАНИЯ началась для меня в Севилье, где в двух залах Франсиско Сурбарана господствует белый цвет. Цвет господней плащаницы и белого одеяния монахов. Сутью этого цвета является добро (накормить пятью хлебами тысячи человек, исцелить верой прокаженного), а формой — свет, свет прекрасен...

Лия СТУРА

Сияющий белизной Христос. Такой белоснежный, что плотно, обернутое вокруг бедер, заглушает и гасит капли крови. Цвет крови — насыщенный и громкий, более склонный к экстазу, и равнодушный, углубленный в себя белый не в силах заглушить его, не будь он Светом.

„И ДЕВИЧИЙ СКЕЛЕТ СКВОЗИТ В БЫКЕ УБИТОМ“

До христианства было еще далеко, когда Платон указал на аналогию прекрасного, доброго со светом — сверхчувствительным феноменом, таким же, как мудрость, реальность которого способен имитировать глаз — видеть цвет и свет одновременно.

Свет — зримая форма прекрасного.

Эстетика белого цвета Сурбарана — для меня на всю жизнь. Но это какой-то иной белый, более взрывчатый, чем красивый. В нем не звенит серебро и не лучится выпуклая плоть жемчугов, как у Гойи. Это цвет строгий, аскетический и в то же время

экзальтированный — свет на испанской земле, которая, со своей стороны, желта, так стойко, так пронзительно, будто рождает только желтые растения: кукурузу, подсолнух, цветы шафрана; растения, которые в пору зрелости превращаются в бронзовые монументы.

В течение всего путешествия по Испании меня преследовал этот белый свет на фоне благородной бронзы. Художник Сурбаран, которого я раньше фактически не знала, наиболее остро дал почувствовать мне цвет и пластику испанской земли, так же как Лорка — дуэнде, красоту испанского слова и не только испанского.

Боже, как звучало для меня это слово! Если в музыке его и был смысл, это было рождением (слова), доверием (к нему), благоговением (перед ним); а его чистое звучание было мощным и оркестровым — порой вертикальной линией Дон Кихота, поверженного с небес на землю, порой «внезапным, как нож перекрестка в сердце» (Лорка). Оно, несомненно, было мужской стихией, которой я сразу же противопоставила стихию женскую, заключенную в области любимых мною нервно-звонких звуков (мрл, мнрл) — арили (ореол), минанкари (эмаль), мтвареули (лунатик), но и мориели (скорпион) — обязательная капля яда в бочке меда.

Тьму горизонта обгладывают костры
(Ведь сказал вам: оставьте,
оставьте в поле меня, среди мрака —
плакать)

В Испании нет дома-музея Федерико Гарсия Лорки. Как сказал нам гид, его дом в деревне Фуэнте-Вакерос, близ Гранады, все собирались превратить в музей, но так и не собрались, ибо во франкистской Испании Лорку не любили — ясно, не все любили, раз сумели убить...

Как видно, деспоты всех мастей больше боятся мужской стихии дуэнде, воплощенной в слове, чем безобидной эстетической линии и цвета, хоть и тоже чуждой им, чуждой, но не враждебной...

Гранада — красивейший город. Вообще, когда говоришь об Испании эпитето-метафорная эмоция подавляет в тебе современного рационалиста. Наверно, причиной тому своеобразный неповторимый стиль Испании — слияние благородной готики и безудержной фантазии Востока. Нравится, пленяет то, что зовется

Альгамброй и Альказаром; как ни фантастичны сады Семирамиды и Генералифа, они все же подчинены логике, правде, логике парадоксальной — восточной.

Но храм Вознесения в Толедо, в котором готика неуловимо, неопишимо слита с мавританским геном, затягивает тебя в водоворот мраморных торсов и золотых нимбов (даже пядь стены не остается вне этого пластического апокалипсиса). И, оглушенный лужеными глотками трех органов, онемев, смотришь на гида, который рассказывает, что строительство храма было начато в 1226 году и закончено в 1498, тогда, когда Колумб открыл Америку. У храма восемь дверей, нутро его вызолочено тремя органами — это уже я покрываю позолотой сухую статистику, которая всегда нагоняет на меня сон, и потому я пропускаю ее мимо ушей. Но здесь почему-то хочется послушать этого человека, типичного испанского крестьянина, старого, беззубого. Он, словно угадав мое настроение, как бы между прочим роняет среди сыплющихся дат: — Это — пламенеющая готика! — и продолжает что-то свое, что я уже слушать не в состоянии; но в его словах столько прелести, что я уже люблю эту остроконечную, пламенеющую готику, этого гида, которого, оказывается, прозвали «синьор примитиво», ибо независимо от степени интеллекта он самобытен и несет в себе заряд дуэнды, как все наивное искусство.

Толедо — город Эль Греко. Обнесенный крепостной стеной, древний. Мостовые здесь так узки, что по ним не проехать автомобилю. Маленькие дома, маленькие окна и балконы. Облицованные мрамором внутренние дворики с обязательными фонтанчиками и разнообразными цветами в горшочках — райский сад в миниатюре, осколок восточной роскоши. В магазинах, обязательных на каждом углу, выставлены все аксессуары испанской экзотики: веера с изображенными на них танцовщиками фламенко, ярчайшие платья Карменсит. Мне все казалось, вот-вот появится кабальеро с неизменной веревочной лестницей и запоет серенаду под балконом... Но под этой сверкающей мишурой, очень глубоко, в самом сердце царит трагическое искусство, живущее в лоне идеальной античной гармонии Дионисово начало, которое нарушает равновесие между телом и духом (в здоровом теле — здоровый дух?!) и дарит духу — главному, сильнейшему, прекраснейшему — преимущество перед плотью. Пластика тела у Эль Греко параллельна устремленности духа. Такое утрирование форм столь необычно для той эпохи, что я всегда воспринимала Эль Греко как художника-современника, и это восприятие еще более усилилось в Толедо, в его доме-музее. Удлиненные

изысканные тела его героев, совершенно выпадающие из законов золотого сечения, являют собой только сосуды души, но не красивую, здоровую, рожденную для земных грехов и страстей плоть, как на картинах Риберы и Мурильо. Быть может, физический облик Дон Кихота в силу переизбытка в нем духовного начала идет из живописи Эль Греко?..

Экстаз — обычное состояние для героев Эль Греко, подобных льющемуся с неба дождю. Только у человека, охваченного экстазом, могут быть такие глаза и такая поза, только в этом состоянии в грязной деревенской девчонке можно увидеть Дульсиною, а ветряную мельницу принять за человека. И он такой явный, этот гениальный, безумный и блаженный экстаз, до головной боли четкий, «как на белом снегу полный оранжевой плоти круг мандарина».

Здесь, в этом доме я впервые обратила внимание и на то, что над головой одного Христа Эль Греко вместо канонического круглого нимба сияет треугольный, приближенный к форме креста. Видимо, художник — сплошь обнаженный нерв и душевная боль — избегал круглой формы, как спокойной, замкнутой в себе и классически красивой. Его напряженная, нервная красота угловата и экстаична.

Когда я стояла перед последней картиной Эль Греко («Св. Бернардино из Сиены»), на которой изображен трагически рафинированный человек, покачивающийся на голубых стеблях ног, я услышала, как один художник из нашей группы спросил у гида (гидом был все тот же «синьор примитиво»): — Существует довольно распространенное мнение, что у Греко, помимо душевной болезни, к концу жизни началась еще и болезнь глаз, он очень плохо видел и, возможно, этим объясняется «удлиненная анатомия его фигур?» Гид ответил: — Эль Греко вообще всегда рисовал людей духа, святых, но под конец жизни его перестало интересовать тело, он рисовал только душу. На этой картине изображена душа человека!

Как человек земли пропитан солнцем и ветром, так был пропитан Эль Греко этот старик. Греко был его родиной, так же как моя родина — Галактион, и по ассоциации в моей голове всплыли строки:

Душа твоя, некогда добрая,
Голубая душа Серафима,
выглядела усталой и рваной,
похожей на лянляную ткань.

(Подстрочный перевод)

Однообразие дороги из Толедо в Севилью нарушали черные картонные быки — это, как выяснилось, реклама бренди, а не корриды, которую я не видела, поскольку отношусь к ней слож-но, хотя и понимаю тех, кто любит эту кровавую и мужествен-ную «фиесту».

Для меня убить быка не меньший грех, чем убить человека. В этом случае полностью отсутствует комплекс вины, и бой в основе своей — неравный. Мыслящий борется с животным, аналитический ум — со слепой яростью, жажда славы — с жаждой сохранить жизнь (разве не испанский писатель Унамуно говорил, что главная проблема XX века — это не борьба за существование, а борьба за бессмертие), и для тореро, которых в Испании чтут наряду с крупными поэтами и художниками, а может быть, да-же и больше, главной целью является поднять этот бой на уро-вень искусства, разбудить в тысячах зрителей азарт и превра-тить их в соучастников убийства или окончательно отвлечь от корриды. Коррида больше чем театр требует соучастия и сопереживания, вернее, созкстаза или полного отрицания. Здесь нет равнодушных зрителей и, кто знает, может ее почитателям не чужд и катарсис, но катарсис экзальтированный и пылающий алым цветом, в отличие от моего, блестящего, как осколок зер-кала, очищения.

Но я человек с комплексом Миндии*, впрочем, мне известно и то, что отрицать что-либо всегда легко и безответственно, а наиболее верно и человечно — найти объяснение даже такому явлению, от которого моя неагрессивная натура встает на дыбы.

Испанцы народ отважный, свободный, раскрепощенный, а ведь известно, что закомплексованность человека своими корня-ми уходит в детство, в покорный характер, в неудовлетворенные желания, подавленные, неосуществленные стремления. Какое желание, какое стремление можно считать постыдным и безнрав-ственным? Наверно то, на которое накладывают табу библейские и общественные законы. Ясно, ни один ребенок не преступит та-бу. Полная свобода в глазах взрослых может повлечь за собой содомский грех. И если человеку с детства не воспрещают нару-шать одну из главных библейских заповедей (не убий), что так отвечает его крошечным, «безобидным» желаниям: убить из ро-гатки птицу, наколоть на булавку бабочку, помучить иглой улитку, убить быка на арене, — у него, наверно, возникает другое отноше-ние к миру и, свободный от комплексов, он формируется в тот

* Миндия — герой поэмы Важа Пшавела «Змеесд».

архетип, который зовется отважным, мужественным, бесстрашным, но, возможно, и потенциальным убийцей.

Именно это качество восхищает моего антагониста (и, наверное, он тоже прав) в противовес «бесхребетной мягкой интеллигентности», комплексу Миндии, обладатель которого физически гибнет при первом же соприкосновении с жизнью. Примирить между собой две правды дело сложное, но факт то, что они существуют в природе независимо друг от друга. Ведь тот же Важа Пшавела писал:

Смерть всех нас пугает,

Когда других убивают, нам хочется смотреть.

Люди часто не понимают,

Какой они совершают великий грех.

(Подстрочный перевод)

Не понимают в ту минуту, когда являются соучастниками греховного, кровавого зрелища, а потом с таким же самозабвением и фанатизмом отдаются религиозным праздношествованиям, очищающим, дающим отпущение грехов. Ни в одной стране не устраиваются так часто эти два взаимоисключающие, но взаимодополняющие праздника, как в Испании, и, наверно, в них нашла наиболее точное выражение натура человека, в которой в пору покоя, равновесия и мира сосуществуют человек-ангел и человек-зверь, а в периоды обострения земной или духовной жизни начинается их вечная борьба, в которой верх берет то один, то другой.

Так или иначе, я все же рада, что наряду с корридой в Испании существует и культ Дон Кихота. Мне думается, сущность красоты Испании составляет ее контрастность, сосуществование и слияние непримиримых, несовместимых, на первый взгляд, явлений. Синтез восточной и европейской архитектуры создает новый стиль — модехар: краткое и резкое, как взмах ножа, «Оле!» вливает в сладкие и тягучие, словно нуга, восточные напевы испанскую кровь. Вызывающую, кричащую роскошь золотых рыбок, садов, мраморных орнаментов Альгамбры сглаживает строгий аскетизм Эскуриала. Аскетизм и роскошь сосуществуют рядом, создавая прекрасный симбиоз.

Стихия Дон Кихота так сильна для меня, что, наверно, смогла бы примирить меня и с корридой, пойдя традиционные испанцы на компромисс и прими они финал мексиканской корриды, где победителем признается не убийца, а сильнейший. В живых остаются и человек, и бык, если только они случайно не убьют

один другого, но главное здесь то, что мы имеем дело с более осмысленным действием — не преследующим убийство.

К Дон Кихоту у меня свое, идущее с детства, отношение. Когда я впервые прочла эту книгу, возникло чувство, будто кто-то унес всю мою печаль, освободил меня от нее, оставив только смех, красоту и свет, приблизительно то же ощущение владело мною, когда из нашего дома выносили взятый внаймы рояль. Я ненавидела уроки музыки, но любила этот рояль, его округлость, вкрашуюся в строгий треугольник, золотисто-струнное нутро, в котором для меня была заточена Музыка. И когда я слушала пластинки Рихтера, мне казалось, я освобождаю ее из черной лакированной темницы. Я кончила школу, рояль унесли, и мне показалось, что меня обобрали, украли у меня музыку. Мне показалось, что отныне я не услышу не только музыки, но и слова, только увижу его — оно сливового цвета и кровоточит, когда не пишется стих, когда мучаешься, бьешься, ибо не слышишь «элипс крика а-а-а-и», который описывает звук слова, не слышишь музыку, которая была раньше, чем графическое изображение звука.

Описать Ламанчу я не могу. Мне она представляется идеальной декорацией к спектаклю «Дон Кихот» — клочок испанской земли, накрытый испанским небом — такова Ламанча. Заезжие дворы, памятник Дон Кихоту и Санчо Пансе; ветряные мельницы...

Ко мне возвращается утраченная когда-то в детстве печаль. Почему устроено так, что Поэт заранее, наверно, еще до рождения обречен на поражение во всех схватках с жизнью? Может, потому, что «жалеет врагов своих, не знает вражды», или потому, что всегда воюет с ветряными мельницами, которые не может одолеть простой смертный?..

А может быть, потому что превыше любых выигранных войн для него — поступок женщины, сын которой погиб в равном поединке с тигром: мать погибшего пришла к матери убитого тигра, чтобы сказать ей слова утешения. Это явление того же порядка, как и то, что цветы просят Миндию вовремя сорвать их, чтобы они могли послужить людям лекарством, ибо боятся быть побитыми градом или затоптанными. Это проявление добра не стихийного, а осмысленного, которое в своем высшем качестве переходит в Прекрасное, или, может быть, наоборот добро — это вершина Прекрасного.

Схватка с ветряными мельницами — не борьба за существование, стихийная, опирающаяся на инстинкты, животная. Это — борьба за существование истины, утверждение позиции, при этом чтобы выжить, надо не убить врага, а привить ему свою веру.

явить ему прекрасное, заставить осознать всю изменчивость его страстей, направленных на бессмысленное убийство; и раскаяние врага, а не его уничтожение будет твоей победой в этой борьбе, ибо Дон Кихот, Галактион, Поэт верят, что:

Я врагу угрожаю тем же голосом,

Каким он кается мне.

На одной из площадей Мадрида стоит памятник Дон Кихоту, вернее, скульптурная группа. Есть здесь и Росинант, и Санчо Панса, и Дульсинея, и другие крупнотелые, земные, в духе Ренессанса, фигуры, на фоне которых четче выделяется печальная отвесная линия Дон Кихота; несмотря на свою полнокровную, исполненную опасностей жизнь, он напоминает мне Бернардино с картины Эль Греко — не человек во плоти, а душа, как цветок, на голубых стеблях конечностей.

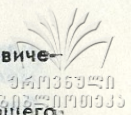
Ни в одном городе мира нет столько банков и баров, как в Мадриде, так говорят сами мадридцы. И столько дворцов, — добавлю я. Особенно в центре города. Здесь стоят только дворцы. «Разрушили дворец и на его месте поставили «мерзость» из стекла и стали», — сетуют местные жители, хоть эта «мерзость» выполнена по последнему слову современной архитектуры. Идешь по улице и не можешь оторвать глаз от сказочной красоты дворца; гид замечает это и говорит: — Первый этаж этого дворца продается. — А другие? — Другие этажи уже заняты жильцами.

Правда, никакой дворец, никакая современная форма не заменят мне домов, построенных Гауди, которые имеют для меня ту же художественную ценность, что и скульптуры Мура, Арпа или Бранкузи.

В тот день, когда я впервые увидела в альбоме имя Гауди, мне почудилось, что в переплетении античных торсов и монументальных лошадиных крупов, как окно, открытое в ночь, засветилась скульптура дома. Так на полотнах Шагала из живота коровы светится теленок или скрипка, что, если задуматься, вполне закономерно, но гениально выпадает из спокойного, мастерского, большого аполлонического искусства.

Это — непредусмотренный, вечно неразгаданный, внезапный, необычный, активный Дионисов ген, это — «эллипс крика», «представленный к сердцу нож перекрестка».

Изваяние дома... Не знаю, как чувствует себя в таком доме обычный быт, ибо внутри него невозможна спокойная, домашняя, уютная жизнь: смена маленьких печалей маленькими радостями, однообразие, порой оживляемое алым цветом, но не

крови, а алым бархатом адюльтера, порой наслаждения, нервные столкновения, но ни в коем случае не трагедия.

Трудно представить себе в доме образованного и имеющего определенный вес в обществе филистера картины Иеронима Босха или Сальвадора Дали, будоражащие, революционные, необычные (если, конечно, им не преследуется какая-либо корыстная цель).

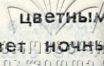
Дома Гауди увенчаны терновым венцом готических церквей и фантазии Лорки, и этот венец может быть надет не на каждую голову.

Посещение Барселоны не входило в наш маршрут, но я не могу быть в Испании и не думать о домах Гауди, о стихах Лорки, о полотнах Сальвадора Дали, фантазия которого не менее образна, ассоциативна и вылита в слове, чем фантазия любого поэта. В Испании я видела всего три полотна Сальвадора Дали. Одно — его, настоящее, расчленяющее, разъединяющее дух от плоти, тела друг от друга, все это — от природы, природу — от бога, когда ноготь человека может превратиться в гору, а сам человек — в муравья; и все же такая царит гармония между этими разрушенными, расчлененными, вывернутыми наизнанку пропорциями, явлениями и предметами, что возникает ассоциация с античной трагедией со всеми ее патологическими комплексами Эдипа и Электры, с кровопролитиями, с выкалыванием глаз и наконец с катарсисом — этическим и эстетическим чистилищем. Виденные мной две другие картины Дали относятся к его раннему периоду, когда он ничем не отличался от других рядовых художников. Дома-музея Сальвадора Дали мы не видели, так же как и дома-музея Лорки и домов Гауди, поэтому девственным нетронутым снегом осталась в моей душе эта Испания, которой я не смогла коснуться взглядом и рукой и которая не менее велика для меня, чем Испания Веласкеса, Гойи, Сервантеса, Сурбарана.

Горящий жираф, разлитые, как яичный желток, часы — время, сладость смуглого хлеба, обмакнутого в спелую луну...

Жизнь в Мадриде, как и в других европейских городах начинается в 11—12 часов. Движение на главных улицах такое, что пройти быстрее, чем проехать на машине. Я все переживала, что не видела фиесту, но ночи Мадрида — это маленькие, устраиваемые в ожидании большого праздника фиесты, полные смеха, песен, танцев и манифестаций веселых, красиво и экстравагантно одетых молодых испанцев; оживает каждый уголок улиц и площадей — здесь продают веера, там рядом с именами знаменитых тореадоров Пако Камино, Лоренцо Вилалта и других печатают на афишах имена желающих; еще где-то молодые устроили

манифестацию за мир. Уличные художники рисуют цветными мелками прямо на мостовой, источают музыку и свет, ночные бары, погребки, таверны, рестораны. Заходим в одну таверну, которая называется именем любимого народом разбойника Луиса Канделаса. В этом подвале он прятался, и здесь же его, оказывается, убили. Маленькие столики, крошечные комнатки, разделенные друг от друга перегородками, звучат испанские песни, исполняемые на механическом пианино, официанты, наряженные под Луиса Канделаса в пестрые костюмы, разносят еду и напитки. Интим, особая атмосфера — вот чем отличаются эти маленькие таверны от больших ресторанов. Наш гид повел нас в один из таких ресторанов с ярко освещенным огромным красным залом, до отказа набитым богатыми бургерами, замороженно взирающими на довольно низкопробное шоу с участием увядающих женщин и женоподобных мужчин.

В таверне Луиса Канделаса все иначе — она заряжает чисто испанским настроением и будит в тебе давнее желание: хорошо бы в старых кварталах Тбилиси были бы такие места — духаны Пиросмани, Изтима Гурджи, Арсена Марабдели, куда можно было бы заглянуть в поисках настроения и интима, а не для устройства собраний с дифирамбно-дипломатической иерархией тостов. Как необходимо порой такое интермеццо в нашей напряженной жизни!

По ассоциации вспоминается сугубо испанский дворец Эскуриал, свободный от всякой восточной примеси и как будто даже чрезмерно суровый; и снова Босх, Эль Греко, Сурбаран, древнейшее в мире книгохранилище, рукописные фолианты, строгий латинский шрифт и вызывающе красивый — арабский. Композиции с множеством фигур очень напоминают мне Босха, но их авторами являются неизвестные художники, и никого мне не жаль так, как человека, утерявшего имя, нерв его таланта звучит во времени, как самая высокая, натянутая до предела струна, звучит, не смолкая, ибо грядут Босх, Пикассо, Сальвадор Дали, Хуан Миро и продлевают звучание этой струны, пусть в другой тональности, но звук ее чист и предельно, поскольку творец как бы балансирует на самом краю бездны, и когда всем кажется, что вот-вот он сорвется, он именно тогда взмывает в небо. И не стоит, видимо, жалеть этих анонимных художников, ибо порой превыше всего для человека стать благодатной почвой для взращивания новой Красоты...

Соотечественники считают Пикассо испанским художником. «Гернике» выделено три зала. В одном из них выставлена сама картина, а в двух других залах поменьше — ее фрагменты и

детали. Для меня Пикассо всегда был художником французским, здесь в Испании я еще сильнее почувствовала это.

А один из самых своеобразных и неповторимых современных художников Хуан Миро со своими контрастными и насыщенными красками и, на первый взгляд, наивными, но глубоко разумными и рафинированными формами показался мне наиболее остро испанским.

Еще одно впечатление из Мадрида — фильм-опера Франческо Розы «Кармен». В фильме поют знаменитые певцы — Доминго, Джулия Джонсон. Очень интересно задуман образ Кармен. В отличие от традиционного облика фатальной красавицы в черно-красных тонах корриды, Кармен Франческо Розы — веснушчатая, светловолосая современная девчонка, ни красотой, ничем особым не отличающаяся, но в ее голосе и в ее внешности такое дуэнде, что не любить ее невозможно, можно даже умереть за нее. Хозе убивает Кармен, пришедшую смотреть корриду, и мне вспоминается строка Лорки: «И девичий скелет сквозит в быке убитом».

В церкви, расписанной Гойей, думаю о Кармен, анонимных художниках, быке, убитом на последней корриде. Что поделаешь, я не могу забыть, как бык из детской сказки вызволил меня из беды, а я, чтобы спасти его, дала мыши съесть кусок своей плоти*...

В церкви — два зеркала. Ты и без этого уже так пронизан Гойей, начиная с музея Прадо и кончая выполненными на холсте репродукциями, которые лежат у тебя в гостинице и лишают покоя. А здесь ты видишь себя в Гойе и Гойю — в себе. «Зеркало — символ призрачности и раздвоенности нашего бытия...» Мудрый и туманный Малларме.. Он знал, где начинается это блаженное чувство, когда бог входит в человека и собирает в одно целое его раздвоенное «я».

Поначалу Гойю объявили еретиком и чуть было не сожгли, а затем дали расписать ему церковь и в ней же похоронили, ибо сложен и долгов был его путь к богу. Так же сложен, как путь к душе человека в сказках (правда, этот человек всегда волшебник и чаще злой, но «зло не имеет сути, оно вероятность добра» и добром же повергается, зато разум у него изощренный и фантазия безгранична. Может быть, это Художник?!). А путь к душе его, как и к душе каждого человека таков: за тридцать девять земель находится скала, за скалой — птица, в птице — яйцо, а в яйце — бессмертная душа, в самой сердцевине которой, как талант, схоронена соль, хрусталик каменной соли...

* Имеется в виду грузинская народная сказка «Цикара».

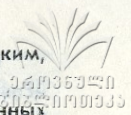

манifestацию за мир. Уличные художники рисуют цветными мелками прямо на мостовой, источают музыку и свет ночные бары, погребки, таверны, рестораны. Заходим в одну таверну, которая называется именем любимого народом разбойника Луиса Канделаса. В этом подвале он прятался, и здесь же его, оказывается, убили. Маленькие столики, крошечные комнатки, разделенные друг от друга перегородками, звучат испанские песни, исполняемые на механическом пианино, официанты, наряженные под Луиса Канделаса в пестрые костюмы, разносят еду и напитки. Интим, особая атмосфера — вот чем отличаются эти маленькие таверны от больших ресторанов. Наш гид повел нас в один из таких ресторанов с ярко освещенным огромным красным залом, до отказа набитым богатыми бургерами, замороженно взирающими на довольно низкопробное шоу с участием увядающих женщин и женоподобных мужчин.

В таверне Луиса Канделаса все иначе — она заряжает чисто испанским настроением и будит в тебе давнее желание: хорошо бы в старых кварталах Тбилиси были бы такие места — духаны Пиросмани, Изтима Гурджи, Арсена Марабдели, куда можно было бы заглянуть в поисках настроения и интима, а не для устройства собраний с дифирамбно-дипломатической иерархией тостов. Как необходимо порой такое интермеццо в нашей напряженной жизни!

По ассоциации вспоминается сугубо испанский дворец Эскуриал, свободный от всякой восточной примеси и как будто даже чрезмерно суровый; и снова Босх, Эль Греко, Сурбаран, древнейшее в мире книгохранилище, рукописные фолианты, строгий латинский шрифт и вызывающе красивый — арабский. Композиции с множеством фигур очень напоминают мне Босха, но их авторами являются неизвестные художники, и никого мне не жаль так, как человека, утерявшего имя, нерв его таланта звучит во времени, как самая высокая, натянутая до предела струна, звучит, не смолкая, ибо грядут Босх, Пикассо, Сальвадор Дали, Хуан Миро и продлевают звучание этой струны, пусть в другой тональности, но звук ее чист и предельный, поскольку творец как бы балансирует на самом краю бездны, и когда всем кажется, что вот-вот он сорвется, он именно тогда взмывает в небо. И не стоит, видимо, жалеть этих анонимных художников, ибо порой превыше всего для человека стать благодатной почвой для взращивания новой Красоты...

Соотечественники считают Пикассо испанским художником. «Гернике» выделено три зала. В одном из них выставлена сама картина, а в двух других залах поменьше — ее фрагменты и

детали. Для меня Пикассо всегда был художником французским, здесь в Испании я еще сильнее почувствовала это.

А один из самых своеобразных и неповторимых современных художников Хуан Миро со своими контрастными и насыщенными красками и, на первый взгляд, наивными, но глубоко разумными и рафинированными формами показался мне наиболее остро испанским.

Еще одно впечатление из Мадрида — фильм-опера Франческо Рози «Кармен». В фильме поют знаменитые певцы — Доминго, Джулия Джонсон. Очень интересно задуман образ Кармен. В отличие от традиционного облика фатальной красавицы в черно-красных тонах корриды, Кармен Франческо Рози — веснушчатая, светловолосая современная девчонка, ни красотой, ничем особым не отличающаяся, но в ее голосе и в ее внешности такое дуэнде, что не любить ее невозможно, можно даже умереть за нее. Хозе убивает Кармен, пришедшую смотреть корриду, и мне вспоминается строка Лорки: «И девичий скелет сквозит в быке убитом».

В церкви, расписанной Гойей, думаю о Кармен, анонимных художниках, быке, убитом на последней корриде. Что поделаешь, я не могу забыть, как бык из детской сказки вызволил меня из беды, а я, чтобы спасти его, дала мыши съесть кусок своей плоти*...

В церкви — два зеркала. Ты и без этого уже так пронизан Гойей, начиная с музея Прадо и кончая выполненными на холсте репродукциями, которые лежат у тебя в гостинице и лишают покоя. А здесь ты видишь себя в Гойе и Гойю — в себе. «Зеркало — символ призрачности и раздвоенности нашего бытия...» Мудрый и туманный Малларме.. Он знал, где начинается это блаженное чувство, когда бог входит в человека и собирает в одно целое его раздвоенное «я».

Поначалу Гойю объявили еретиком и чуть было не сожгли, а затем дали расписать ему церковь и в ней же похоронили, ибо сложен и долог был его путь к богу. Так же сложен, как путь к душе человека в сказках (правда, этот человек всегда волшебник и чаще злой, но «зло не имеет сути, оно вероятность добра» и добром же повергается, зато разум у него изощренный и фантазия безгранична. Может быть, это Художник?!). А путь к душе его, как и к душе каждого человека таков: за тридевять земель находится скала, за скалой — птица, в птице — яйцо, а в яйце — бессмертная душа, в самой сердцевине которой, как талант, спрятана соль, хрусталик каменной соли...

* Имеется в виду грузинская народная сказка «Цикара».

Слаще сахара она для ослабшего, прошедшего сквозь огонь, испытывавшего муки, боль, зависть человека, и в то же время она — божество, творческий гений, соль души.

Она дала человечеству церкви, расписанные Гойей, Джотто, Мазаччо, Филиппо, Липпи, Сикстинскую капеллу, Кинцвисского ангела, фрески Рублева...

Два дня, проведенные в музее Прадо, — это, наверно, два счастливейших дня моей жизни. Если у твоего народа есть поэт, который мог сказать: «Видели ли вы цвет сумрачной сливы — это горы моей Родины?», для тебя — праздник увидеть оригиналы Гойи и Веласкеса, ибо репродукции работ этих художников не дают даже приблизительного представления о нем. Как компьютер может написать стихотворение только на уровне среднего поэта, поскольку стихи становятся поэзией лишь благодаря таланту, а талант — свойство истинно человеческое, которому не противопоставишь никакой сверхъестественной машины, так никакая техника не в состоянии передать особенности и свойства цвета. Художники формы, а также, в данном случае, скульпторы, находятся в более выигрышном положении, ибо репродукции и копии их работ дают зрителю определенное представление о них.

«Менина» Веласкеса, которая отделена от зрителей стеклянной перегородкой, венчает творчество этого художника, завершает цикл прекрасных инфант. Наверно, это кошунство — пытаться «рассказать» картину, словами передать особенность цвета. Поэтому картину, которая мне особенно нравится, я всегда ассоциирую с поэзией, таким образом превращая далекое в близкое, в мое, выношенное мной. В одном стихотворении у Лорки сказано: «Идут цыгане — бронза и сон». «Менина» — серебро и сон. Гойя — звон серебра, выпуклая плоть жемчугов и алый бархат, одежда сильных мира сего, но такого насыщенного цвета, что она явно, каждой ворсинкой впитала в себя кровь художника.

До тех пор, пока я впервые не увидела Гойю в оригинале (во Флоренции в галерее Уффици) мое отношение к нему было больше литературным. Он был для меня героем Фейхтвангера, настоящим мужчиной, художником, заряженным Дионисовым началом, из головы которого, как Афина Паллада из головы Зевса, рождались кошмарные видения.

Тогда мне больше всего нравились эти видения — «капричос». Нравилась и параллель с Зевсом — рождающая голова мужчины, полная кошмарных видений... Меня совершенно не трогали картины, изображающие царские семьи, отдельные портреты венценосных мужчин, женщин, их детей. Один яркий, на-

сыщенный мазок импрессиониста был мне милее этого знамени- того серебристо-жемчужного колорита, о котором я столько читала, но ни в одной репродукции не почувствовала.

А здесь, в Прадо, я спокойно прошла мимо «черного» Гойи, и уже в который раз потряс меня Гойя светозарный. Я вспомнила одно свое стихотворение, в котором «дети, головами заостренными и круглыми, как вопросительный знак, подставлены под глагол света». Вот так же с непокрытой головой я стояла под светом, который лился из печальных глаз, серебряных шпор, одеяний королей и инфант — своеобразных гениальных натюр-мортов, независимых от своих хозяев, и в меня входило Прекрасное, помимо ощущения счастья вызывавшее и боль, нерезкую, глухую, как если бы к сердцу под ложечкой присосалось множество пиявок, боль, которую совершенно не чувствуешь перед красивыми полотнами Мурильо. Хочу признаться, что гениальная эстетическая живопись Рафаэля для меня тоже безболезненно мажорна. А Греко у меня болит, болит Гойя, Шагал. И боль, явленная мне Микеланджело, приближается к такой нечеловеческой, багровой муке, какая, наверно, бывает, когда орел терзает твою печень и внутренности. Я чутьем ощущаю реакцию моего антагониста на эту боль: матадор-де, тоже любит быка и убивает его с любовью. Помните Габриэлла Мистраль: солнце с любовью дарит зрелость растениям и людям и с любовью же убивает их.

Со мной сражаются моим же оружием. Да, хороший матадор, в отличие от плохого, старается причинить как можно меньше боли быку и убить его так, чтобы пролить меньше крови. Но ведь быку в начале корриды втыкают в загривок бандерильи, которые при каждом движении доставляют ему невыносимую боль и приводят в ярость? Я считаю любовь явлением такого порядка, когда скорее надо пожертвовать собой, чем убить того, кого любишь.

Не убивает и та боль, которую причинило мне великое искусство Испании. Из ключев плоти и крови оно взращивает в душе цветок, прекрасный цветок катарсиса.

ФЕНОМЕН НОРМЫ

Двадцать пять лет назад в Тбилиси вышел в свет сборник, название которого звучало несколько по-старомодному многословно и подробно: «Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней». Через несколько лет появилось второе, дополненное издание. А в 1983 году, к 200-летию Георгиевского договора, скрепившего союз двух народов на вечные времена, был переиздан отдельно том, охватывающий досоветский период... И каждое новое издание пополнялось, расширялось за счет новых материалов, фактов, документов.

Дело не только в научной добросовестности составительницы сборника — дописывалась и пополнялась «Летопись дружбы» самой жизнью, и этому процессу в братской семье советских народов нет конца.

В последнее время «золотая библиотека» дружбы наших народов обогатилась новыми произведениями.

Остановлюсь здесь лишь на трех из них. Это книга Владимира Огнева «Ночные прогулки» (изд. «Мерани», 1985,

Тбилиси), повесть Юлии Эдлеса «Шатало» из цикла «Жизнеописание» (журн. «Октябрь», 1985, № 12) и «Грузинский альбом» Андрея Битова (изд. «Мерани», 1985, Тбилиси).

Что их объединяет в моем читательском восприятии? Не только одновременное появление на свет, но и то, что при всех жанровых и стилистических различиях они наглядно отражают современный этап процесса, который именуется «взаимообогащением» братских культур и народов. В той же «Летописи дружбы» нашли отражение и первое знакомство народов друг с другом, и открытие черт сходства и близости, и переход от экзотического восприятия к осмыслению общности судьбы и пути... От путевых заметок и очерков литература шла к глубинному, диалектическому постижению темы.

И вот перед нами три новых произведения, которые по жанру мне представляются ближе всего к эссе — жанру проникновения и постижения, размышления и оценки. Недаром этимология его восходит к латинскому слову, обозначающему и «взвешивание» тоже...

«Известно, что главное в творчестве — о чем говорит писатель, над какого рода проблематикой работает. Над быстротечным, пусть повседневным необходимым, но, к сожалению, раньше самого автора умирающим, или над вечным живущим долго и полнокровно. В обоих случаях предмет отображения — человек в среде, в окружающей, под воздействием факторов, определяющих настоящее и будущее, но в первом случае — человек лока-

лизованный, сам по себе, частность. Во втором — все то от человека, что всегда было, есть и останется вовеки, то от его характера, что перерождается в признаки класса, целого народа, всего человечества, в действующее лицо великой мистерии жизни».

Это соображение заимствовано мною из краткого предисловия грузинского писателя Чабуа Амиразджиби к «Грузинскому альбому».

Владимир Огнев сборнику своих статей о литературе и искусстве Грузии предпослал подзаголовок: «Книга эссе». Как видно, он разделяет точку зрения своего грузинского друга и коллеги о вечном и преходящем. Правда, жанр этот, имеющий в русской литературе традиции Пушкина и Герцена, а в грузинской — Ильи Чавчавадзе и Нико Николадзе, почему-то постоянно оказывался в числе невезучих, воспринимался как нечто инородное для наших культур, неорганичное. Попытка В. Огнева, одного из авторитетных советских критиков, «прописаться» по этому жанру, выглядит тем более примечательной.

Возникает одно соображение. В. Огнев известен не только как критик, но и как автор нескольких беллетристических произведений, хорошо принятых читателями и критикой. Ю. Эдлис, приписанный к цеху драматургов, является в то же время интересным прозаиком. А. Битов, один из ведущих мастеров нашей современной прозы, пишет стихи и даже оказался среди авторов последнего «Дня поэзии»...

Так, может, именно эта «пограничность», позиция на

стыке жанров и объединила всех их под зыбкой крышей эссе?..

Владимир Огнев, правда по другому поводу (в статье «Душа экрана», посвященной грузинскому кинематографу), писал: «Нет необходимости.. противопоставлять наблюдения живой действительности — точке зрения художника. Между фактом жизни, наблюдением живого потока, где ничто заранее не отвергается и не «подсказывается» натуре, и между принципиальной убежденностью художника в идеале, тем представлением о действительности, которое всегда предшествует изучению жизни, опыту, — между этими категориями нет никакого противоречия. Увиденное может или подтвердить предварительные выводы художника, или опровергнуть их. Дело честности — выбрать концепцию...»

Глубина и объемность письма, «эффект стереоскопичности» бывает особенно наглядным, когда художник поверяет заранее созданное представление о жизни того или иного края, народа реальной действительностью. Точнее, поверяет жизнью другого народа — жизнь своего народа, свою жизнь — жизнью другого человека.

Судьба связала Юлию Эдлиса с Грузией в пору юности, в школьные годы. Шла война, и многие семьи, покинув родные места, оккупированные врагом, вынуждены были переселяться в чужие края. К трагедии народа, страны добавлялись и личные тяготы, связанные с переселением. Новое окружение, новые люди, ранимость юной души... Все это и стало основным содержанием пове-

сти «Шатало». Однако главная ее мысль — глубже и актуальней. Даже тяжелые годы войны — не только пора утрат и страданий, это — жизнь, а в жизни есть место и для повседневных радостей, и для первой любви, для открытий и надежд. Высокой мерой тех надежд и открытий и поверяет герой — много лет спустя оказавшийся в городе своей юности «бывший мальчик» — свою нынешнюю жизнь, себя взрослого. Это не только и не просто сопоставление, а суд, оценка жизни.

Так повесть обретает то, что в современной живописи называется двойной экспозицией, когда сталкиваются и накладываются друг на друга не только два разных мира, два времени, но и два различных мировосприятия.

Все, о чем рассказано в «Шатало», лично мне, признаюсь, особенно близко и знакомо. Это — мой город, моя юность, больше того — моя школа, где я учился в те же годы, по тем же улицам ходил на уроки (и убегал с них)... Может быть, этот личный момент обостряет ту самую «внезапную, неожиданную память», которая, возникнув в душе автора, воскресила того мальчика военной поры, каким он был много лет назад.

Но в повести есть не только обаяние и привлекательность воспоминания, ностальгическая нотка, но и радость первооткрытия. Может быть, до сих пор мало кто в русской прозе так живо описывал запах теплого грузинского хлеба или неписанный кодекс чести тбилисских мальчишек. Однако все же, как мне представляется, главный урок не

в этом, а в том, что каждый человек когда-то, рано или поздно, должен прийти на свидание с собой — мальчиком, со своими мечтами и надеждами... Увидеть себя в зеркале детства.

Мальчик, встретившийся герою на тбилисских улицах, — не просто детство писателя, это его совесть, его память, а совесть и память, впрочем, как и детство тоже, не склонны оправдывать то, что не сложилось в жизни или сложилось не так, не принимают во внимание никакие смягчающие обстоятельства...

«Пусть меж целью или мечтой и тем, чего ты достигаешь, добившись ее, если не пропасть, то уж по крайней мере выжженное поле, пепелище ошибок и разочарований — все это лишь обратная сторона правды, ее изнанка, всего лишь малая, хоть и неотвратимая ее половина, а вся правда в том, что надо жить, и жизнь — одна, и ничего прекраснее ее у нас нет, и выбора нам тоже не дано».

Так говорит сам себе герой «Шатало».

Общепризнанными признаками эссе считаются очерковость, открытая публицистичность и даже, как утверждает «Словарь литературоведческих терминов», отсутствие заботы о систематичности изложения, аргументированности выводов и т. п. В то же время «Жизнеописание» Ю. Эдлеса написано по всем законам добротной художественной прозы. Однако, пусть не покажется это обидным ревнителям классических ее форм (ведь появляются уже и «романы-эссе»), она в чем-то выше, так как поднимается до «описания» жизни, до раз-

мышлений о ее сути и назначении. Главное в этом, а не во внешних признаках новизны.

«Поскольку новое видение не поспевает за новой вещью, — пишет в «Ночных прогулках» Владимир Огнев, — сегодня легко казаться новатором, но очень трудно им быть... Роль духовного потенциала в мире, грезящем пришествием нового мессии — НТР, — парадоксально повышается. Тяга к устойчивому, корневому в сознании, слову обращает к большим традициям больше, чем десять лет назад».

Одну из статей сборника давшую название всей книге, автор считает нужным снабдить подзаголовком: «Опыт ассоциации» — то же стремление прийти через чужое к своему, через искусство другого народа — к «устойчивым, корневым понятиям» своего, через другого человека — к самому себе.

В. Огнев давно и хорошо знаком с грузинской литературой и искусством — и классическим, и современным, в Грузии у него много друзей. Свободно владея материалом, он не боится высказать и свое личное мнение, даже, если нужно, вступить в полемику с грузинскими критиками: по праву искреннего друга. И главное не в том, что в такой полемике, как и во всякой другой, не всегда правой бывает одна сторона, — главное в самом принципе.

Откровенно говоря, не все из статей, включенных в книгу, «дотягивают» до эссе, оставаясь в привычных жанровых рамках литературно-критической статьи, у этого автора неизменно дробной и серьезной. Но там, где ис-

толкование факта возвышается до оригинального обобщения или рассуждения, там уже можно только приводить очерки В. Огнева как образец жанра эссе. Достаточно вспомнить статьи — размышления о художественном переводе или особенностях грузинского кино, о романах О. Чиладзе или Ч. Амиреджоби, о грузинском рассказе...

Интересно отметить, что в «Ночных прогулках» В. Огнева много тех же персонажей, что в «Грузинском альбоме» А. Битова. Это не просто совпадение, на мой взгляд, здесь отмечены те факты грузинского искусства и его создатели, которые привлекли внимание и интерес лучших представителей другого народа. Перед нами — тот самый «феномен нормы» (так названа одна из глав «Грузинского альбома»), который сближает художников разных народов, разных национальных традиций.

«Где нормальность в этом мире — совершенно неясно. В идеале — это, по-видимому, полное соответствие, причастность к нам лично. Потому что, если что-то способно нам соответствовать, то это доказательство, прежде всего, нашей нормы».

Интересно, как мне представляется, сравнить высказывания писателя по этому поводу, относящиеся к разному времени. В «Уроках Армении» А. Битов писал: «Приходится признать существование в нас, и нигде больше, идеального мира, населенного идеальным человеком, мира, доставшегося нам с рождения... и лишь с разной степенью полноты и силы выявившегося в каждом из нас, чтобы нам было с чем сравнивать свою жизнь,

и мучиться, и страдать несовпадением, недостижением, запредельностью его». Совсем недавно в диалоге с Тимуром Пулатовым, опубликованном «Литературной газетой», Андрей Битов, как бы подытоживая свои мысли, утверждал: «Если для человека научиться понимать других людей есть важнейший этап душевной зрелости, то для художника — это его крест и его труд. Познавая других, мы отчасти обучаемся сами. Понять с помощью другого, кто ты есть, — секрет и смысл близости. Лучше знать других — это лучше знать себя — вот позитив контакта» (26/IV).

Композиция «Грузинского альбома» наглядно иллюстрирует это открытие его автора: в нем чередуются главы, посвященные Грузии и России. Писатель свидетельствует: «В Грузии я писал о России, в России — о Грузии...»

Как происходит постижение нового мира для человека? В виде формулы этот процесс проходит, наверное, следующие стадии: открытие, удивление, узнавание несходства, обнаружение общего. Попав вместе с другом в круг кахетинских виноградарей, увидев их повседневный, «нетуристский» быт, писатель четко фиксирует свое ощущение: «Мы были в настоящем. Мне трудно доказать это чувство; как всякое чувство, оно недоказуемо».

Кажется, жанр эссе — самый невезучий в нашем литературоведении. Как известно, даже «Эссе» Монтеня в переводе были окрещены «Опытами». А «Словарь литературоведческих терминов» в заметке об этом жанре прямо

утверждает: «В России он почти не употребляется».

Термин не употребляется, жанр существует. Как быть?

«Сколько же опытов надо пройти, чтобы возник как бы опыт опытов?» — размышляет Андрей Битов. «Очень может быть, что это — невероятное и несбыточное — всего лишь синонимы, стоит только заглянуть в толковый словарь. Или даже иначе — может быть, жизнь и есть как раз проторенный не одним тобою путь от невероятного к несбыточному?» — откликается Юлиу Эдлис. «Было бы ошибкой думать, что проблема стилистики наблюдения находится в пределах только эстетических норм. Нет, это проблема жизни, прежде всего», — делится своими мыслями Владимир Огнев.

Так что же это за жанр? Как мне представляется, это литература, поднявшаяся от уровня событийного к уровню бытийному. А может быть — это публицистика, выросшая до философии, или философия, обогащенная публицистикой?.. Впрочем, не настаиваю на всех этих определениях. Важно, что читатель получил три новые и очень интересные книги, рассказывающие о Грузии. Впрочем, положила руку на сердце, скажу, что не обещаю ему, читателю, легкого путешествия по этому многократно воспетому в русской литературе краю. Нет, чтение этих вещей — труд, труд ума и мысли. Но все три книги достойны того, чтобы на них этот труд потратить.

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

СПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ

Любовь к жизни — понятие емкое, вмещающее целый комплекс проявлений: любовь к всеобновляющейся природе, любовь к ребенку, любовь к работе... Но самый животворный ток этого чувства, конечно, — любовь к родине, к материнскому очагу, где никогда не угасают искры требовательности и терпения. Испытанием такой любви для Тины Донжашвили и ее поколения была война.

Быстрадав эту любовь на военных дорогах, полевой хирург Тина Донжашвили как бы заново открыла для себя родину. Отныне она была повсюду, где жили матери, вдовы и дети ее фронтовых друзей. Но главное, она открыла свои истоки. Мне кажется, именно это и стало импульсом творчества Тины Донжашвили. Многострадальная история Грузии, конечно, была знакома ей с детства по книгам, по устным рассказам. И только профильтрованная через физическую и душевную боль, эта история стала ее судьбой. Т. Донжашвили и ее сверстники сами были творцами истории, и потому за ними полное моральное право и анализировать, и судить. Может быть, потому прошлое, к которому любят обращаться грузинские писатели, в произведениях Т. Донжашвили получает смелое логическое осмысление. Показателен в этом смысле

триптих «Три судьбы», в предисловии к которому автор признается: «Эти истории мной не выдуманы. Было время, когда вражда странно переплетала пути и судьбы людские, порой столь странно, что и поверить трудно, как трудно поверить в то, что скала, вырвавшись из Кавкасиони, пошла по свету искать счастья».

Это вступление необходимо автору вовсе не для того, чтобы убедить читателя в достоверности историй. Писателю-гуманисту кажется парадоксальным, что вражда способна соединить судьбы. Но для исследователя этот факт не только историчен, но и психологически обоснован. Не напрасно сопоставляется он с монолитностью скал Кавкасиони, что является метафорическим выражением судеб народов, населяющих Кавказ. Это лейтмотив всех трех историй, воплотивший и личностное осмысление истории, и интернациональный пафос народа как норму бытия.

...Судьба свела любимого мюрида Шамиля — Гамзада Раджаба — и грузинскую девушку. Как ни сопротивлялась маленькая пленница судьбе, но вражда двух народов, их религий прочнейшей любовью страсти скрепила их союз в неведомой людям пещере. Здесь родился их сын, так и не узнавший матери. С бесстрашием ненависти к своему поработителю девушка покончила счеты с жизнью. Но осталось ее продолжение, ее Джаймал, так и не признанный ни ее соотечественниками, ни ее врагами. Во второй истории он хочет спасти грузинскую девушку, похищенную мусуль-

манами. И это не просто зов крови. Это зов любви отца к непокорной грузинке. Зов двух сердец, соединившихся вопреки вражде народов и религий. Этот зов угасает вместе со смертью юноши. Угасает легко, будто был услышан и воспринят. Так и есть на самом деле. Плененная девушка, свидетельница смерти Джаймала, навсегда, как завещание, сбережет его последнюю счастливую улыбку.

Композиционно триптих построен по принципу классической сюиты, где каждой форме соответствует не только свой ритм, но и тональность. Связанные одной темой и героями, первые две истории абсолютно автономны — со всей динамичной сюжетом и собственной коллизией. Наивысшей доминанты триптиха достигает в третьей истории, где ярко проявляется мировоззрение автора — не навязанный диктат, а растворенное в художественных образах и ситуациях.

...Грузинскую девушку-сироту Тamar похитил ингуш. Став его женой, оказавшись в чуждой для нее среде, девушка внешне смирилась. Понимая, что неоткуда ждать спасения, она изучает язык и нравы ингушей. Невыносимым кажется ей бесправие, рабство женщин, узаконенное исламом. Выросшая в атмосфере свободных отношений, девушка как бы разделила судьбу угнетенных женщин. Революция приблизила осуществление ее мечты — бороться за свое и их освобождение.

Все, что необходимо для счастья женщины, нашла Тamar в Ингушетии. Здесь

родился ее сын, здесь она узнала страдания, здесь обрела свое призвание — облегчать людям тяжелую ношу судьбы. Но счастье ее было неполным. Об этом напомнил ей сын, пожелав увидеть своих грузинских родственников. Спрятав, сгорев в душе мечту о родине, Тamar спустя двадцать семь лет по наказу сына вспомнила о ней. У нее не было причин краснеть перед родиной. Она — достойная ее дочь, непокорившаяся судьбе, отвоевавшая свободу не только для себя, но и для угнетенных подруг.

Возвращаясь к предисловию, разделяешь удивление автора: не вражда, а страдания объединяют людей. Тина Донжашвили осуждает национальную и религиозную рознь как нечто искусственное, навязанное народам Кавказа их общими работодателями.

Один из образов триптиха — горбатая скала — стал названием книги. Горбатая скала — символ родины автора, ее непокорной природы и героической истории. Горбатая скала — силуэт труженика, прикованного к земле, согбенная фигура матери, оплакивающей погибших детей. Горбатая скала — абрис Кавкасиони, являющийся в сновидениях на чужбине. Так многозначен смысл названия книги, небольшой по объему, но соединившей много жанров и тем.

На мой взгляд, перо Тины Донжашвили наиболее выразительно в коротком жанре. На ограниченной площади рассказа автор добивается богатой инструментальной настроений и композиционной завершенности замысла. Ко-

нечно, немаловажную роль играют здесь художественные средства. Но прежде всего природная музыкальность автора как индикатор вкуса «держит» рассказ изнутри. И непременно во всех рассказах — органическая связь человека и природы, предполагающая и единство, и противоборство. Эта связь — как лакмусовая бумага для человеческой совести, точка отсчета сознательного бытия, карающий меч или спасение.

Любовью к родным местам, к человеку, ко всей природе пронизан рассказ «Пушок». Находясь в поле притяжения природы со всеми ее явлениями и обитателями, герои рассказа чувствуют себя не просто ее творениями, но и творцами. Они наделены острым зрением и чутким слухом, что свойственно влюбленным. Алазанская долина, слепой, но наделенный внутренним зрением дед Ило, ласточки, свившие гнездо над окном... Это не просто идиллическая картина, а естественный мир обитаний, где смерть так же естественна, как жизнь, а открытиям параллельны разочарования. Безмятежная любовь героев кажется вечной. Безмятежна и любовь в ласточкином гнезде. Но смерть одной из птиц — Пушка, последовавшая за гибелью подруги, открыла героям непреходящую истину — о верности. Это открытие нарушило безмятежный образ их жизни. Дальше должна бы последовать жизнь со всеми ее радостными и безрадостными реалиями. Об этом периоде ничего не известно, кроме того, что у героя было много разочарований и потерь. Самая главная — ут-

рата любви или любимой. Опустошенный, он потянулся к прошлому, где был духовно наполнен и счастлив. Однако реальность не повторяется. Только память способна быть статичной. И отыскав в ней след прошлого, герой с горечью признается, что у него нет мужества Пушкина.

Автор не судит человека и не возвеличивает пернатых. Ясно, что на каком-то этапе эволюции то ли мы сами, то ли сама природа отторгла нас, вынудив создать свой миропорядок. Но историческая память (а она не только в ощущении боли и крови, пролитой предками) время от времени возвращает нас к нашему доцивилизованному прошлому. Возвращает с надеждой, но отпускает с разочарованием, ибо нравственный кодекс природы и ее обитателей — маяющая, но уже недостижимая цель.

Однако Тина Донкашвили не идеализирует этот первозданный мир. Отдавая должное его естественности, она не скрывает опасности, тающей в его стихийной силе. Для человека она неотвратима. Бессильная перед ней, погибает Мзаха вместе со своими сыновьями («Мать»). Человек — отнюдь не венец природы, поскольку и физически и морально несовершенен. Но он — единственное во вселенной начало и продолжение разума, в нем — бесконечность чувств и их проявлений, не ведомых ни одному из обитателей природы. Сознвая свое бессилие перед ней, человек все же не смиряется. «В этой бездушной скале, от которой шел кровавый след к про-

пасти, односельчане Мзаха выдолбили нишу. В этой нише стоит чаша с вином. Она всегда наполнена до краев. Осушив чашу за мать, тушинец снова наполняет ее до краев».

Эта бесконечность чувств и продолжение разума концентрируется в человеческой памяти. Именно ее автор призывает в свидетели в очерках «...И в беде, и в радости» и «Так рождается песня». Факты наполнены активным авторским отношением, а конкретно — причастностью к судьбам героев и явной симпатией к ним.

Но основным произведением для самого автора является роман «Я не покину тебя». Тина Донжашвили — врач, но вот уже много лет ее инструмент — перо, исследующее и оперирующее плоть и кровеносную систе-

му, весь неуправляемый организм слова. На мой взгляд, это дневник очевидца, дневник событий, перечисленных по памяти. Их много, этих событий. Не успеваешь ни на одном из них сосредоточить внимание.

И тем не менее в нем наметились нравственные горизонты прозы, исследовать которые предстоит молодежи, для кого война, отодвигаясь во времени и пространстве, должна остаться не просто отрезком истории, а временем созревания нравственных категорий, выявления их в самых тягчайших обстоятельствах. А главное, не просто ощущаешь, но осознаешь, что в основе переплетения судеб героев — дружба, братство, стремление к одной цели.

Елена ЮДКОВСКАЯ

ХРОНИКА

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

В Тбилисском академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 200-летию со дня рождения поэта, патриота, верного сына родины — Александра Чавчавадзе.

На вечере присутствовали товарищи Патиашвили Д. И., Алавидзе В. И., Андроникашвили Г. А., Енукидзе Г. Н., Никольский Б. В., Ростиашвили Т. В., Черкезия О. Е., Читанова Н. А., Чхеидзе З. А., Саджая Н. Р.

Юбилейный вечер вступительным словом открыл предсе-

датель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили.

На вечере выступили поэт-академик, Герой Социалистического Труда И. Абашидзе, главный редактор журнала «Москва», Герой Социалистического Труда М. Алексеев, академик Академии наук Грузии А. Барамидзе, главный редактор газеты «Литературули Сакартвело» писатель В. Челидзе, председатель правления Союза писателей Абхазии А. Джонуа, осетинский писатель Н. Джусойты, ответственный секретарь Аджарского отделения СП республики Ф. Халваши и другие.

О ГРОМНАЯ студия. Коренастый, приветливый, улыбающийся человек.

Он очень похож чертами лица на известный скульптурный портрет, выполненный Н. Канделаки.

Похож и не похож. Мраморный Ладо Гудиашвили суров и неприступен.

Лицо живого — мягкое, добродушное, веселое. Лишь потом, познакомившись с работами живописца, я понял, что Н. Канделаки почувствовал те внутренние пружины, которые объясняют многое в искусстве художника.

Ведь еще Владимир Маяковский говорил о негибкости Ладо Гудиашвили, сумевшего противостоять всем влияниям многочисленных французских школ и групп!

Первое знакомство с Владимиром Давидовичем Гудиашвили и началось с разговора о Маяковском. С интересом слушаю рассказ о встречах с поэтом в Тбилиси и в Париже. Одна из встреч была в тот печальный день, когда Маяковского, уже отъезжавшего из Парижа и США, обокрали... Но мысль о путешествии он не оставил. Держался великомерно. Разговаривал не о похитителе, а об искусстве.

Дмитрий МОЛДАВСКИЙ

ВСТРЕВОЖЕННОЕ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА

Владимир Давидович вспоминает о суждениях Маяковского по поводу живописи — и французской, и нашей — действительно, как теоретик искусства Владимир Маяковский здорово обозначил время!

Потом в письме ко мне (от 27 января 1962) он писал: «С Маяковским я часто встречался в Париже, в кафе художников «Ротонда». «Ты всегда сохранял свое лицо, и здесь, мне кажется, твоя тема старого Тифлиса будет пользоваться большим успехом». Этими словами, как мне кажется, он оберегал меня и хотел, чтобы я как художник всегда и даже там, в Париже, остался бы верен себе и не попал под влияние разных «измов».

Грузинская молодежь, находившаяся в Париже, организовала встречу с Маяковским, на которой он читал свои стихи и вспоминал дни, проведенные в Грузии, и грузинских поэтов».

Ладо Гудиашвили начал работать как художник еще до революции. Он учился в Тбилисском художественном училище, которое закончил в 1914 году.

Тогда же в журнале «Театри да цховреба» выступил как иллюстратор. Интерес к поискам современных русских художников и французских мастеров сочетается у него с интересом к национальному искусству. Он знакомится с иконописью, с древними фресками, принимает участие в работе археологической экспедиции. Вероятно, отсюда его постоянный интерес к историческому прошлому. Об этом факте биографии художника вспоминаешь, когда рассматриваешь многие из его работ, в том числе и его иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». И я понимаю, почему эти работы вызвали всеобщий интерес. Знал их и А. М. Горький.

В упомянутом письме ко мне Ладо Гудиашвили писал:

«А. М. Горький в 1934 году очень заинтересовался моими иллюстрациями к сказкам «Тысяча и одна ночь», а также к «Витязю в тигровой шкуре». Заинтересованность была столь велика, что Горький немедленно предложил устроить мою выставку в Москве. Я с ним лично не был знаком и не встречался. Эти сведения я имел через художника Кирилла Зданевича (он постоянно проживал в Москве), а также от покойного писателя Г. Цагарели, в переводе которого в Москве печаталась поэма Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Образы старинных миниатюр и старых фресок возникли заново в этой работе художника.

Причудливый мир легенды, тонкой, романтической ошутим и в портрете великого поэта, и в иллюстрации к сказу о

встрече Фридона, Автандила и Тариэла у Каджетской крепости:

Точность, филигранность деталей переднего плана, напоминающих старинную миниатюру, сочетались с обобщением и лаконичностью второго плана, заставляющего вспоминать старые грузинские фрески. Великолепны изображения батальных и лирических сцен...

Но мы забегаем вперед. Между годами учения и работой над «Витязем в тигровой шкуре» прошли не годы, а десятилетия, прошли целые этапы биографии, многие страны, долгие пути, удивительные люди. Он вспоминал:

«А. В. Луначарский обо мне не писал, но я с ним был очень хорошо знаком. Он восторженно отзывался о моем искусстве.

Е. Е. Лансере и я совместно преподавали в Тбилисской академии художеств много лет и одновременно участвовали в выставках. Я его считаю одним из лучших художников из группы «Мира искусств». Грузия, грузинский народ и грузинская природа заняли в его творчестве значительное место.

С Фернаном Леже я был знаком в Париже. Мы вместе выставлялись в салонах, в групповых выставках. В эту пору он уже был известен всему миру. В Париже я посетил мастерскую скульптора Аронсона. Мы долго и мило говорили об искусстве. Его произведения монументальные, композиции полны эмоции и овеяны духом эпохи тех годов».

Писатель П. Павленко, посетивший Ладо Гудиашвили в начале тридцатых годов, писал о нем: «Гудиашвили, бесспорно, принадлежит к интереснейшим художникам Советского Союза. Не будет преувеличением утверждение, что как рисовальщик он едва ли знает себе равных в нашем искусстве. Начав с копирования старых грузинских фресок и пройдя долгий путь преодоления линейного мастерства старых персидских традиций, он пришел в конце концов к своему очень оригинальному по манере и чрезвычайно сильному по технике линейному орнаменту, наиболее полно выраженному в работах его «парижского периода». Не будем спорить о том, когда наиболее полно прозвучали те или иные мотивы у художника, как, впрочем, и с другими положениями этой статьи 1933 года. (Статья писателя впервые была опубликована в журнале «Творчество» в 1958 году). Отметим общую оценку мастера, которую можно было повторить и десятилетия спустя.

На большой выставке Ладо Гудиашвили, состоявшейся в Тбилиси, а затем в Москве, было представлено немного работ

первого периода его творчества. В частности, не вошли легендарно-исторические картины «XII век» и «Солнцеликая», известные нам по репродукциям, помещенным в журнале «Арс» в 1919 году. И в той, и в другой особенно четко ощутима связь и с фреской, и со старой испанской миниатюрой. Но были другие работы тех лет совсем в ином плане — «Кутеж кинто с женщиной», «Портрет художника Сигизмунда Валишевского». Резкость очертаний, суровость интонации, немалая доля сарказма, социальное видение мира. Здесь особенно очевидна связь художника с новыми этапами национального народного искусства, с Н. Пиросманашвили, с лубком, с живописным фольклором конца XIX — начала XX века. Связь эта глубинна. Ни в этих полотнах, ни в таких шедеврах, как «Хаши» и «Рыба «Цоцхали», «Тост на рассвете», мы не найдем, естественно, ни образов вывесочников, ни тем более старой фрески или миниатюры! Но связь эта есть — и в умелой передаче народных характеров, и в подчеркнутой значимости действующих лиц. Желтовато-синие лица людей с изломанными изгибами рук и ног, безухие, сумеречное освещение или свет раннего утра — все это создает особое ощущение какой-то жизненной неустроенности. Когда-то в статье о художнике я писал: «Герои художника этих лет — чаще всего люди «дна» — бродяги, бездомные, полунищие. Иногда в них вспыхивают черты внутреннего благородства и человечности, заставляющие вспомнить героев молодого А. М. Горького. Иногда ощутимы черты жестокости и равнодушия». Мысль эта понравилась искусствоведам — и в поздних статьях и монографиях этот тезис получил развитие — сюда же еще добавляли персонажей И. Бабеля.

Но сам Л. Д. Гудиашвили отнесся к этому скептически. Он написал мне: «Уважаемый Дмитрий Миронович, кинто — это мелкие торговцы фруктами, держатели духанов, кутилы, весельчаки, певцы и танцовщики. Они бродягами не считаются и никак не могли перекликаться с образами Горького. С произведениями же Горького я познакомился после возвращения из Франции, примерно в 1925/26 гг.» (письмо от 27 января 1962 г.).

Следует вспомнить и несколько живописных работ художника, посвященных Пиросманашвили. Ладо Гудиашвили несколько раз встречался с ним; его портреты Пиросманашвили («Пиросмани у винного погреба», «Мечты Пиросмани» и другие) широко известны. Много раз впоследствии Ладо Гудиашвили возвращался к образу народного художника. Его позд-

нейшая работа «Смерть Нико Пиросмани» — живописный рассказ о трагическом конце Пиросманашвили — не просто изображение упавшего наземь изможденного и больного человека, не выпускающего из своих рук кисти. Перед нами картина-обобщение — это рассказ о трагической судьбе новатора, которого объявляют неучем, искателя, затравленного мещанами, певца жизни и радости, умирающего в нищенском углу.

В 1919 году Ладо Гудиашвили получил командировку в Париж, где жил и учился до 1926 года. Занимался он в Академии Ронсона, но, естественно, главным в его жизни было изучение великих мастеров, чьи картины хранятся в Лувре, и общение с художниками-современниками.

Работы Ладо Гудиашвили выставлялись в «Осеннем салоне». В течение четырех лет посетители его могли видеть то «Кутеж кинто с женщиной», то «Грузинский пейзаж», то «Завтрак кинто», то многие другие работы. Грузия пришла на парижские бульвары, удивляя и восхищая ценителей искусства!

В. Маяковский в очерке «Семидневный осмотр французской живописи» рассказывал как раз об этом периоде.

Рассказывал с большим знанием и большой глубиной. Сравнивая то, что знал о Париже предвоенных лет, с тем, что увидел, Маяковский писал: «Выискиваю какое-нибудь живописное открытие. Жду постановки какой-нибудь новой живописной задачи. Заглядываю в уголки картин — ищу хотя бы новое имя. Напрасно.

Все на своих местах.

Только усовершенствование манеры, реже мастерства. И то у многих художников отступление, упадок.

По-прежнему, центр — кубизм. По-прежнему, Пикассо — главнокомандующий кубистической армией.

По-прежнему, грубость испанца Пикассо «облагораживает» наимприятнейший зеленоватый Брак.

По-прежнему, теоретизируют Меценже и Глез.

По-прежнему, старается Леже вернуть кубизм к его главной задаче — объему.

По-прежнему, непримиримо воюет с кубистами Делонэ.

По-прежнему, «дикие» Дерен, Матисс делают картину за картиной.

По-прежнему, при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее «да-да».

И по-прежнему... все заказы буржуа выполняются бесчис-

ленными Бланшами. Восемь лет какой-то деятельнейшей лётаргини.

Это видно ясно каждому свежеприехавшему».

Ладо Гудиашвили учился в Париже. Его друзьями были живописцы самых разных стран и направлений. Но он всегда оставался грузинским художником.

Именно это ощутил в нем Маяковский, который встретил его в одном из кафе Монпарнаса.

Работы Л. Гудиашвили парижского периода — речь идет о наиболее сильных — чаще всего воспоминания о родном крае. И «Ортачалские гости», и «В волнах Цхенис Цхали», и упомянутые нами выше работы, все они связаны с Грузией, но не с Грузией древних крепостей и пленительных фресок, а с Грузией городских бедняков, изнуренных, порой доведенных до отчаяния.

В этот же период Ладо Гудиашвили пишет и другие работы — «Мост в Париже», «Испанцы», «Испанские друзья». Лиризм, умение создать атмосферу чувственности и в то же время душевной чистоты определяют эти работы. Но и в них ощутима связь художника с родным краем — образы родной страны пробиваются сквозь экзотические очертания испанского пейзажа и героев картины.

Париж не был только художественной школой. Он был еще и экзаменом на самостоятельность. Сколько талантов, попав в этот город, растворилось там, превратилось в обыкновенных подражателей, потерявших собственное лицо.

С Ладо Гудиашвили этого не произошло.

Он много раз демонстрировал свои работы на парижских выставках. Его знали не только ценители искусства — узкий круг знатоков. О нем писали в журналах и в газетах. Его картины появлялись на выставках Рима, Лондона, Нью-Йорка, Берлина, Марселя, Милана.

Это было серьезное испытание — испытание славой.

Своеобразие художника была очевидна всем, кто сталкивался с ним, а Ладо Гудиашвили знал многих — и Пикассо, и Маяковского, и Модильяни, и Сулоагу, и Гончарову, и Лентулова... Рисунки Модильяни сохранились у него — он показывал их мне! — живые, стремительные наброски. Друзья были в Париже. Их было много. Но родина была одна. И Ладо Гудиашвили все внимательнее прислушивается к рассказам о новой Москве и новом Тбилиси. Встречи с Маяковским, Есе-

инным, с русскими художниками и артистами заставляют все сильнее мечтать о будущей работе у себя дома, в Грузии. Парижский период Ладо Гудиашвили — это, на наш взгляд, прежде всего рассказ о Грузии.

* * *

Со времени моего посещения дома Ладо Гудиашвили прошли годы. И я не раз вспоминал этого мастера и его искусство, не имеющее параллелей в моем сознании. Стихи поэтов из «Голубых рогов»? Легенды? Мифология?

Все это так, и все это не столь уж прямо...

Пожалуй, ближе всего к образам Л. Гудиашвили стали для меня образы Федерико Феллини. В фильме «Рим» строители метрополитена наталкиваются на какие-то античные фрески. Потрясающие. Уникальные. Но то ли под влиянием кислорода, то ли под влиянием света эти фрески уходят, исчезают, пропадают уже навсегда! Это соединение неизменного и изменчивого, эта зыбкость вечности и постоянство сиюминутного — очень часты у грузинского художника, уже бывшего признанным мастером, когда знаменитый итальянец лишь начал ходить в гимназию!

Рисовальщик из археологической экспедиции, и известный художник с Монпарнаса, и активный участник САРМА (Ассоциации революционных художников Грузии), подписавший в 1930 году декларацию: «Необходимо не пассивное изображение советской революционной действительности, а активное, перспективное...»¹, и создатель легендарно-исторических, сказочных и резко-сатирических работ — это один человек, сын своего времени и сын своего народа.

Пожалуй, Ладо Гудиашвили был самым грузинским из всех грузинских художников нашего времени. Но он был — и в этом его сила — интернационалистом — это звучало не только в его работах, где, как писал еще когда-то Я. Тугендхольд, порой ощущалась амальгама самых различных влияний на грузинскую культуру — персидских, ассиро-вавилонских, византийских и др. Я. Тугендхольд писал: «Суровость грузинской фрески, пряность персидской миниатюры, мерцание мозаик (и некоторый налет Гогена) — все это сказывается на живописи и рисунках этого, несомненно тонкого мастера, ко-

¹ Цитируется монография А. Михайлова «Ладо Гудиашвили»; М., 1968, с. 50.

торый, впрочем, еще весь в периоде исканий»¹, но и в теоретических работах — статьях и заметках Ладо Гудиашвили. Хочу вспомнить его статью о прекрасном армянском художнике Г. Григоряне (Джотто).

Ладо Гудиашвили любил сложность временных сдвигов; он создавал разноречивость мотивов мифа, истории, современности; он ценил сказочную фантастику. Но что бы ни писал Ладо Гудиашвили — в каждой картине очень отчетливо его отношение к предмету. Ликованием наполнена его «Прогулка Серафиты» — причудливый танец, удивительный и необъяснимый, свидетельствующий о необыкновенном чувстве ритма художника и о верности его любви к той далекой грани, где соединяются история и миф.

Гневом дышит рисунок «Непокоренный Египет», на котором тысячелетний сфинкс поднял свою могучую лапу, грозя обрушить ее на врагов.

К числу сильнейших работ художника относится портрет Н. Гудиашвили, полный глубокой мысли, очень точный по рисунку и благородно сдержанный в живописном решении. Вспоминаю и другие работы художника: портрет архитектора Г. Лежава, «А. Грибоедов и А. Чавчавадзе в Цинандали».

Очень часто пишущие о Ладо Гудиашвили говорят о нем как о сказочнике. Это правильно и неправильно. Правильно потому, что подавляющее большинство работ художника связано не только с фантастической тематикой, но и с каким-то особым сказочным видением мира, где всегда побеждают добро, свет, солнце, любовь.

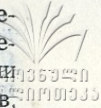
Но нельзя оставлять в стороне и «земные» работы художника. Его правдивые, лаконичные и прямые рассказы о людях и их жизни. Он создавал работы, полные гнева, сарказма, юмора — качеств, исключающих сентиментальность, жеманность, претенциозность.

Один из шедевров Ладо Гудиашвили — гуашь «Ласка тани» — девушка, прижимающая к груди маленькую, грациозную лань. Тонкие очертания лица девушки, ее нежные руки, причудливый изгиб шеи маленького животного — все это в легкой дымке, переходящей вблизи в очертания прозрачных тканей. Человечность, душевная чистота, ясность мысли исходят от этой работы.

Несколько раньше художник написал «Первый поцелуй»

---

¹ Я. Тугендхольд. Искусство октябрьской эпохи. М., 1930, с. 89.

— поэму о любви, о весне, о человеческих страстях. На берегу потока — влюбленные. По их одежде невозможно определить время действия. Как это часто бывает у Ладо Гудиашвили — это просто Влюбленные — некий символ больших чувств, декларация «в защиту влюбленных». Нежностью, юношеской ясностью чувств наполнена эта картина. Мудрый сказочник Ладо Гудиашвили рассказывает о любви. Он не забыл ни раду-ту — символ мира, ни цветок, расцветающий от одного прикосновения влюбленных, ни свой обычный символ — газелей. Все есть на картине «Первый поцелуй» — есть еще одна деталь, поставленная автором в самый центр композиции, — плотина ГЭС. Нет, это не скупая дань современности; это нечто большее — художник утверждает вечность человеческих чувств, их силу на все времена. И, конечно, на наше, такое, казалось бы, рациональное, рассудочное... Но нет! Смысл этой картины глубок: современность и любовь — не нечто противоположное, полярное. Наш разум, наш труд, наш темп не мешают чувствам и человеческим страстям. Была и есть любовь.

Одна из главных черт художника — это его умение как бы обнажать чувство, мысль, самую жизнь, показать их в каком-то новом, дополнительном измерении.

Помню, как Нина Иосифовна и Ладо Гудиашвили показали мне записи Бориса Пастернака, адресованные ему (март 1959 года): «Будни, в которые Вас посещаешь, становятся праздником, часы, проведенные у Вас, кажутся часами иного времени и другого века. На другой день после посещения Вас просыпаешься с ощущением, будто все виденное и сказанное у Вас приснилось. Сновидением и должно стоять и оставаться в стороне, на одинокой высоте, единственное, ни с каким сокровищем несравнимое богатство сердца — искусство».

Сказочные образы и образы легенд под кистью Ладо Гудиашвили обретают свою вторую жизнь.

Они становятся нашими современниками, неся в себе наши чувства и мысли. Напомню «Супругов из Армази» с их объятиями, упоением счастьем; «Мзию» — ставшую символом плодородия и женственности; «Девушек хевсурок» с грациозными линиями их рук. И уж конечно, знаменитые работы — «Греза фрески» и «Улыбка фрески», дающие материал для размышлений и фантазирования. Что ж, сказка на то и сказка, чтобы каждый рассказывающий ее мог добавить в нее какие-то свои детали и свои мысли. Сказку Ладо Гудиашвили трудно пересказать прозой...

«Линия Гудиашвили — это уже не линия фрески. Она

кажется полосой стали, фигурно выгнутой в величайшем риске. Стоит прорваться какому-то неведомому скреплению, и все взлетит, и рисунок, дрожа, выпрямится в прямую линию, как старый клинок».

Это слова П. Павленко. И они вспоминаются, когда обращаешься к рисункам художника. Впрочем, не только к рисункам. Блестящий рисовальщик Ладо Гудиашвили ощутим и в его живописных работах. Его гуашь, его масло — всегда отличаются и своеобразным колоритом, и удивительной точностью рисунка.

«Любовь только с тобой» — так называется его работа — два сближенных лица — мужское и женское, смотрящие друг на друга глаза, пальцы его руки приложены к ее лбу... Собственно, и весь сюжет. Но есть в этой работе какое-то высокое чувство, есть сила страстей, несгибаемость — качества, которые далеко не всегда были присущи работам Ладо Гудиашвили послевоенных лет. Та линия-клинок, о которой писал П. Павленко, здесь достигает вершины своей мощи и гибкости!

Выше мы говорили о лирике художника. Но Ладо Гудиашвили, человек, утверждающий жизнь, никогда не стоял на позициях пропагандиста отвлеченных идеалов красоты. Его творчество, говоря словами наших дней, всегда было пропагандой прекрасного.

Великий оптимист, он всегда утверждал вечность света, любви, ласки. Но рассказывая легенды о Стране прекрасного, он никогда не забывал, что подлинно прекрасное — это то, что создается людьми, их трудом, их волей, их разумом.

Перед нами цикл рисунков Ладо Гудиашвили. Это его памфлеты, его сатирические этюды. С новой стороны раскрывается художник — гневный, мятежный, борющийся.

Страшный мир реакции, произвола, грошовых и животных интересов, надутой бездарности, фанатизма, тупости, убийств — всего того, что связано в нашем представлении с фашизмом, изображено художником, который до этого казался нам таким лучезарным, таким лиричным!

Памфлеты Ладо Гудиашвили создавались на протяжении многих лет и образы врагов его то получали реальное и точное определение, то превращались в отвлеченные символы мракобесия, одичания, человеконенавистничества.

Лирик, художник большой души, оптимист и весельчак, Ладо Гудиашвили становится беспощадным, когда речь идет о торгашах, о собственниках, о корыстолюбцах. Его не обманешь настроениями минуты. Здесь он непримирим.

Иное дело, когда речь идет о столкновении разных культур, разных взглядов на жизнь. Уже в последние годы жизни он написал полотно «Старый Тбилиси». На переднем плане старая шарманка, старые, покосившиеся домики с обязательными верандами и террасами и фигура упавшего, может быть, уже мертвого шарманщика. А кругом наступает новое — новые светлые дома, ликующая радость современности... Художник голосует за новое. Он рад ему. Он приветствует его. Новое — это солнце, ясность, радость... Но где-то есть и жалость... Ему немного жаль и старое, с его экзотичностью, причудливостью, своеобразной поэзией. В этом полотне — сочетание философского оптимизма и простой человеческой грусти.

Весь цикл антифашистских рисунков, заставляющих вспоминать причудливые фантазии Франсиско Гойи и Иеронима Босха — гневный призыв к борьбе и ненависти.

Этот рисунок можно назвать «Их победа». На дуле огромного современного орудия сидит обезьяна. В ее руках винтовка. Она прицеливается в маленькую птичку. Сейчас произойдет последний выстрел... А кругом, окружая торжествующую обезьяну на орудии, лежат трупы — мужские в военной форме и труп обнаженной женщины — Свободы, чуть напоминающей знаменитую героиню Делакруа. Еще один выстрел, и на земле не останется ничего живого — вот он, «вечный идеал» — кайзеровского штаба гитлеровских «теоретиков», генералов из Пентагона.

Рисунок, изображающий орудие. Рядом ворон клюет лежащий труп. На каске сидят жирные и раскормленные птицы-могильщики. Воткнутый в землю кинжал, пробитая стрелой луна, напоминающая изуродованное лицо, и фигура победителя — страшного геббельсообразного уroda с оторванными руками и ногами, но с гитарой. Здесь есть все. И мечта о вселенском господстве, и «высокие эстетические» запросы победителей.

На другом рисунке — расправа с книгами. Груда томов, на которых сидит отвратительная обезьяна, а из томов высываются руки и лица раздавленных, уничтоженных мыслителей, поэтов, творцов, тех носителей человечности, против которых направлен обезьяний гнев.

Сила этих памфлетов в том, что они могут быть адресованы не только, скажем, гитлеровскому режиму. Их можно поместить в книге очерков, посвященных заокеанской «демокра-

тии», или кровавым будням ЮАР. Но адресат их всея — это те, кому ненавистны человеческая мысль, свобода, творчество.

Памфлеты Ладо Гудиашвили — это памфлеты, подчас достойные Свифта и Салтыкова-Щедрина. Вот несколько обезьян в средневековых мантиях, вооруженных ножами, окружают прелестную девушку — они хотят разрезать ее и узнать тайну красоты. Вот эти отвратительные чудовища подползают к картинам Веласкеса и Рембрандта. Хотят ли они их просто унести или, может быть, «разъяснить», со своих, обезьяньих позиций — трудно сказать... Но мы узнаем в этих образах расистских теоретиков с их попытками «подкрепить» свои теории ссылками на великих...

Суров и гневен Ладо Гудиашвили. Но иногда он бывает беззлобно шутив, дружелюбно посмеивается над человеческими слабостями.

Вот композитор, открывающий секрет творчества. Он заставляет петь соловьев и записывает их мелодии.

Вот сон художника-реставратора. Он подходит к прославленной картине, а персонажи ее, не очень-то доверяя вкусу нового живописца, стремительно убегают с полотна.

Невозможно упомянуть о многочисленных работах художника — об его росписях, об его плакатах, этикетках — подобно В. В. Маяковскому, Ладо Гудиашвили отнюдь не стесняется обращать свой талант на такие, казалось бы, прозаические дела, как реклама.

Следует хотя бы упомянуть и еще об одной стороне многогранной работы живописца — об его работе в театре.

Н. Микава в очерке о творчестве Л. Гудиашвили, помещенном в сборнике «Грузии сыны» («Жизнь замечательных людей»), вспоминал: «На сцене театра имени Руставели шел спектакль «Ламара». Оформлял спектакль Гудиашвили... Когда Миндия — Давиташвили приходил к цветам и разговаривал с ними на их языке, цветы, гудиашвилевские цветы, отвечали ему. Так кисть Ладо и стих Пшавела соединились в одно целое, в одну песню. Совершенно необычной показалась сцена торжества хевсуров. Это была изумительная вакханалия цветов и красок, оттенков и полутонов, в то же время подчиненная строгому ритму... И еще не смогу забыть совершенно необычную постановку Котэ Марджанишвили «Песнь об Арсене». Единственной декорацией к этому спектаклю был занавес длиной в несколько десятков метров, выполненный Гудиашвили в стиле народного лубка.

На каждое появление Арсена Одзелашвили, героя спектакля, — стало быть, для каждой новой сцены — появлялся новый задник, и каждый из них — шедевр театральной живописи. После этого спектакля я не могу себе представить народные стихи об Арсене без красок Гудиашвили».

Искусство Ладо Гудиашвили включает в себя и реализм старой сказки, и традиции сатирика, и пристальный взгляд нашего современника.

Связь с традицией у разных мастеров проявляется по-разному. Мы знаем поэтов, которые используют в своих стихах образы фольклора, отдельные эпитеты устно-поэтического творчества в целостности и неприкосновенности, хотя и включают их в богато разработанный поэтами XIX века стих. Таким был Сергей Есенин. Мы знаем и иных поэтов, которые берут у народного творчества его сложные ритмические и образные ходы. Таким был Владимир Маяковский.

Нечто подобное происходит и с живописью. На наш взгляд, Ладо Гудиашвили на разных этапах своего творчества по-разному подходил к национальной традиции. Но и воспроизводя образы старинных фресок и миниатюр, и работая над образом современника, он оставался самим собой — неутомимым искателем, пролагателем пути. И еще — он был по натуре рыцарем. В его изображении женщин-принцесс, колхозниц, горожанок — есть что-то от культа Прекрасной дамы, восхищение, восторг, почтительность...

В его творчестве очень часто встречается образ лани. Лань — это изящество линий, воплощение женственности в сказке, мудрость и жизнелюбие. Но, кроме того, лань еще и символизирует собой вечное стремление вперед и ввысь, скорость, бег, мечту. И, конечно, Ладо Гудиашвили не случайно избрал своим художническим девизом образ лани.

Во всяком случае, когда я попросил художника сделать в моем блокноте набросок — любое изображение, которое он связывает со своей работой, он нарисовал лань и очень разборчиво подписался.

Из самых последних работ Л. Гудиашвили вызвала огромный интерес картина «Встреча в Париже» — напомним то, о чем писал выше — на полотне Маяковский и сам художник в 1922 году, осенью.

«Свидание с юностью» — так назвали свой рассказ об этом полотне Г. Лебанидзе и В. Молчанов, посетившие мастерскую Л. Гудиашвили и записавшие его рассказ о великом поэте.

Художник вспоминал: «Он рассказывал о Москве, о Тбилиси, об общих знакомых. Радостью сверкали глаза, когда говорил о первых успехах молодой Советской власти и болел: «В Поволжье голод...» Потом смотрел на меня внимательно: «Ты, говорят, уже нашумел здесь?»

Оказывается, Маяковский успел узнать о парижской жизни грузинского друга, с которым познакомился еще в пору юности. Разговор зашел о традиционной осенней выставке, куда были приняты четыре картины Гудиашвили. Тогда парижский журнал отмечал ярко выраженный характер творчества художника. «Он... сохранил ослепительный образ своей родной страны. Он очаровывает нас трепещущими картинами этой бурной и блестящей всеми красками жизни». И далее о выступлениях Маяковского: «Не забыть, как читал Маяковский свои стихи перед парижской публикой, — продолжает рассказ В. Д. Гудиашвили. — Каждое значительное явление в жизни молодой республики Советов, международные события находили отзвук в сердце поэта... Его спрашивали о В. И. Ленине — он читал стихотворение «Владимир Ильич!». У него интересовались настроениями советских людей — он декламировал «Левый марш»...¹.

Картина «Встреча в Париже» — не только воспоминание о юности, это еще и утверждение тех традиций поиска, которым художник был верен всю жизнь. В. Д. Гудиашвили до конца оставался самим собой — жизнелюбом, смельчаком, темпераментным и ярким человеком. И навсегда — художником.

Ладо Гудиашвили как-то написал мне о «встревоженном сердце художника». Он и был рыцарем встревоженного сердца.

---

¹ Г. Лебанидзе, В. Молчанов, Свидание с юностью. «Правда», 15 ноября 1975 г.

ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ

Благородство и гражданственность — вот творческое кредо актрисы Додо Чичинадзе, лейтмотив всей ее жизни. Безграничная любовь к человеку — источник, откуда черпает актриса свои образы, вдыхая в них тепло своего сердца.

Уютная семейная атмосфера, высокая образованность трудолюбивой воспитательницы Лили Пали, прекрасные педагоги Мариам Дочвири, Талико Мосешвили, Нина Галдава, Григол Санидзе, Якоб Костава, Георгий Кевлишвили, Ано Бежанишвили, Александре Артилакვა, Нино Джавахишвили, встречи с русскими и грузинскими писателями, дружба с семьей Константины Гамсахурдиа, родственные узы, связывавшие ее с семьей поэта Симона Чиковани, — все это явилось большой школой, оказавшей огромное влияние на духовное формирование совсем еще юной Додо Чичинадзе.

Хотя актрисой стать она и не мечтала, но подсознательно стремилась постичь всеобъемлющую силу художественного слова и благодаря мастерам грузинской сцены ощутила его красоту и утонченность. Еще совсем юной девушке выпало счастье увидеть на сцене и корифеев русского театрального искусства.

С восторгом говорит Додо Чичинадзе и о прославленных грузинских актерах Серго Закариадзе, Тамар Чавчавадзе, Георгии Шавгулидзе, Цецилии Цуцунава, Шалве Гамбашидзе, об их большом артистическом таланте, высоких человеческих качествах. С особой теплотой рассказывает она о нелегкой творческой судьбе Нато Вачнадзе.

Додо Чичинадзе пришла в театр К. Марджанишвили в 1949 году, создав на протяжении всего творческого пути срок семь сценических образов. Образы эти день ото дня сближали актрису со зрителем, порождали в народе любовь и уважение к ней. «Уриэль Акоста» (Юдифь), «Легенда о любви» (Ширин), «Ираклий II» (Ано Батонишвили), «Ричард Третий» (леди Анна), «Отверженная» (Мзевинар), «Идол» (Мери), «Медея» (Медея), «Вдова солдата» (Хату-

на), «Вчерашние» (Кекела) — вот далеко не полный перечень спектаклей, в которых актриса создала впечатляющие, полные глубокого лиризма образы. И не случайно, говоря об актрисе, отмечают: «Додо дано умение эффектно и впечатляюще преподнести все то, что глубоко осмыслила и проанализировала, что пережила и прочувствовала сердцем» («Сабчота хеловнеба», 1969 г., № 4).

А образы Медеи и Хатуны заслуженно считаются большой творческой победой Додо Чичинадзе. Да и сама актриса с любовью говорит об этих ролях, любит вспоминать о том, как много лет назад молодая женщина — вдова солдата подарила ей: пожелтевшие письма погибшего мужа... «Все эти годы, — рассказывает Додо Чичинадзе, — меня не покидал светлый лик этой женщины, не покидали думы о том, с каким огромным уважением отнеслась она ко мне, актрисе. Воистину большая честь в один вечер, на сцене, вдохнуть жизнь в образ ставшей тебе близким другом женщины, достойной матери, героини, вдовы солдата».

Из института, быстро шагая, спешит домой очаровательная девушка. Прохожие невольно заглядываются на нее. Один же, следуя на расстоянии, пристально вглядывается: «Именно она! Прекрасная, чистая, нежная, обаятельная», — решает режиссер, на мгновение представив прекрасную возлюбленную поэта трагической судьбы.. И как огромен был восторг режиссера, когда эта девушка оказалась ближайшей родственницей Симона Чиковани, сценариста будущего фильма «Давид Гурамишвили».

Говорят, что хороший писатель — врачеватель душ человеческих... Эти слова с полным правом можно отнести и к актеру. Кинофильм «Давид Гурамишвили» с момента его появления на экране завоевал сердца зрителей.

Не менее интересны и образы, созданные Додо Чичинадзе в таких грузинских фильмах, как «Счастливая встреча», «Баши-Ачуки», «Цискара», «Нино», «Прерванная песня».

Актриса с любовью работает над каждой ролью, и естественно, что все они оставляют глубокий след в ее душе, однако образы Ано Батонишвили, Ширин и Кетеван навсегда слились воедино с ее душой и плотью, со всем ее существом.

Большой успех актрисе принесла роль, сыгранная в спектакле «Ираклий II».

Как работает над ролью актер? — этот вопрос неизменно интересует зрителя. О своей творческой лаборатории актриса сдержанно говорит: «Это сугубо индивидуальный процесс. Над ролью задумываешься после тщательного изучения текста, работать же продолжаешь и после премьеры».

Додо Чичинадзе высоко ставит театральное искусство. Сцена для нее является школой, партнер — учителем.

Театр, поэзия, кино, литература, живопись, музыка, синтез литературы и искусства определяют круг интересов Додо Чичинадзе как творца и гражданина. Это основа основ ее творческой жизни, смысл ее существования.

Давняя мечта актрисы сыграть леди Макбет, Электру, создать в кино образ представительницы современной интеллигенции.

Актриса мечтает о новых ролях, неустанно ждет встречи с ними.

ХРОНИКА

«МАМУЛИШВИЛОБА» — ПРАЗДНИК ВСЕНАРОДНЫЙ

В Марнеули прошел традиционный народный праздник «Мамулишвилоба», посвященный 106-й годовщине со дня рождения выдающегося грузинского писателя Михаила Джавахишвили.

Тысячи людей собрались на центральной площади города, чтобы почтить память великого мастера художественного слова. На праздник приехали гости из Армении и Азербайджана, деятели грузинской литературы и культуры, почетные таланты писателя.

Гости возложили цветы к подножью памятника М. Джавахишвили — дань благодарности потомков классика грузинской литературы.

Затем участники «Мамулишвилоба» отправились в Церакви, где родился писатель.

Памяти писателя был посвящен митинг. Вступительным словом его открыл первый секретарь Марнеульского райкома партии К. Мамедов.

О непреходящем значении творчества М. Джавахишвили говорили критик К. Имедашвили, главный редактор журнала «Литературная Грузия» профессор Р. Миминошвили, поэтесса И. Орджоникидзе, секретарь правления Союза писателей Грузии Дж. Чарквиани и другие.

Праздник завершился большим концертом, позволившим еще раз соприкоснуться с творчеством М. Джавахишвили.

СЕРГО КЛДИАШВИЛИ

Советская литература понесла тяжелую утрату — скончался известный грузинский писатель Серго Давидович Клдиашвили.

Художник большого таланта и широкой эрудиции, Серго Клдиашвили явился достойным продолжателем лучших традиций классической литературы, внес весомый вклад в развитие грузинской советской литературы, одним из основоположников которой был сам. Всю свою долгую творческую жизнь С. Клдиашвили беззаветно служил родной стране, родной литературе.

Серго Давидович Клдиашвили родился в 1893 году в селе Зеда-Симонети в семье классика грузинской литературы Давида Клдиашвили. После окончания кутаисской гимназии учился на юридическом факультете Московского университета.

С самого начала творческого пути произведения С. Клдиашвили были проникнуты духом патриотизма и гуманизма, в них высокохудожественно, с большой жизненной правдой были отображены грандиозные исторические сдвиги в жизни Грузии, сложный процесс утверждения нового. После первого своего романа «Пепелище» С. Клдиашвили создает роман «Ти-

хая обитель», посвященный рождению Советской Грузии. С его именем непосредственно связано создание грузинской советской новеллы. Перу С. Клдиашвили принадлежит немало оригинальных пьес и переводов произведений драматургии, которые с успехом шли на сценах театров республики. Критические и публицистические статьи писателя, которые посвящались актуальным вопросам литературы, нашей жизни, печатались на страницах республиканской и общесоюзной литературной периодики.

Творчество С. Клдиашви-

ли известно далеко за пределами Грузии, лучшие его творения переведены на русский и другие языки народов СССР, на иностранные языки.

В течение многих лет С. Клдиашвили вел активную общественную работу. Он был членом правления Союза писателей Грузии со дня его основания, избирался председателем бюро секции прозы Союза писателей республики, являлся членом редколлегии журналов «Мнатоби», «Литературная Грузия», «Нианги».

Советское государство по достоинству оценило заслуги писателя — он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Светлая память о пламенном патриоте, выдающемся мастере художественного слова Серго Клдиашвили будет жить в сердцах благодарных читателей.

**ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ**

◆

Коллектив редакции и редколлегия журнала «Литературная Грузия» глубоко переживают смерть доброго друга, старейшего члена редколлегии и автора журнала, замечательного писателя Серго Клдиашвили и выражают соболезнование его семье.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

**МУЗА ПОЭТА
БЕССМЕРТНА**

В двенадцатый раз прошел в селе Цинандали Телавского района Грузии праздник поэзии «Александроба», посвященный памяти выдающегося грузинского поэта, военачальника, дипломата и общественного деятеля Александра Чавчавадзе, совпавший на этот раз с 200-летием со дня его рождения.

В Цинандалском декоративном парке, завещанном своему народу А. Чавчавадзе, собрались почитатели таланта писателя, гости из столицы республики, различных уголков нашей страны.

На празднике присутствовали товарищи Г. Н. Енукидзе, Б. В. Никольский, О. Е. Черкезия.

Участники праздника осмотрели экспозицию дома-музея А. Чавчавадзе.

Состоялся торжественный

митинг, который вступительным словом открыл председатель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили.

На митинге также выступили секретари правления Союза писателей Грузии, лауреаты премии имени Руставели Дж. Чарквиани и Р. Инанишвили, секретари правления Союза писателей СССР К. Скворцов и В. Соколов, ответственный секретарь Аджарского отделения СП республики, лауреат премии имени Руставели Ф. Халваши, поэты Д. Бедианидзе, О. Челидзе, Ш. Порчхидзе и другие.

Потомок А. Чавчавадзе, народный артист Грузинской ССР, кинорежиссер М. Кокочашвили передал в дар Дому-музею мемориальные вещи своего великого предка.

Завершила праздник поэзии художественная программа в постановке заслуженного деятеля искусств Д. Паксашвили.

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

№ 760
9.XII 1986

Сдано в набор 1.10.86 г. Подписано к печати 18.11.86 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14, УЭ 06754. Тираж 6 000 экз. Заказ 2250. Адрес редакции 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор — РОМАН МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

РЕЗО АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора), ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ, РЕВАЗ АСАЕВ, ХУТА БЕРУЛАВА, ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ, ХУТА ГАГУА, АЛЕКСЕЙ ГОГУА, ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ, ВИКТОРИЯ ЗИНИНА (ответственный секретарь), ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ, СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯКОВ, ЛИЯ СТУРУА, СЕРГИ ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

26-86

ИНДЕКС 76117

86-760

